№ 39

Л. С. БЕРГ

ОТКРЫТИЕ КАМЧАТКИ И КАМЧАТСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ БЕРИНГА

Государственное Издательство
Москва. 1924 Петроград.

19 А. Литвиненко. 24

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ПЕТРОГРАД

Библиотека путешествий.

Библиотека, как и все книжки по естественным наукам, разбита на **три** серии по степени доступности изложения.

Первая серия—для школьников 10—13 лет и взрослого читателя, не прошедшего школы 1-й ступени:

Вторая—для учащихся среднего и старшего возраста и взрослого читателя, знакомого с начатками естествознания и

Третья—рассчитанная на читателя, привыкшего к серьезному чтению, посвященная описанию наиболее важных этапов в истории открытия земель.

Первая серия—под общей редакцией проф. С. Г. Григорьева.

Пименова, Э. — Голодовка у северного полюса.

Пименова, Э. — Обитель снегов (путешествие на Гималайские ледники) (печ.).

Ее же. — На запретном пути (путешествие по Тибету) (печ.).

Попова, О. Н. — Герой полярной ночи и вечных льдов Ф. Нансен (печ.).

Анненская, А. Н. — Путешествие Свена Гедина (печ.).

Березин, Н. — Три месяца среди людоедов Суматры (подг. к печ.).

Его же. — В когтях халифа (подг. к печ.).

Клокова, М. В. — В 21 миле от южного полюса (подг. к печ.).

Львов, В. Н. — Малайский архипелаг (по Уоллесу) (подг. к печ.).

Лялина, М. А. — Путешествие бр. Г. Е. и М. Е. Грум-Гржимайло (подг. к печ.).

Меч, С. П. — Полярные путешествия Нансена и Пири (подг. к печ.).

Пименова, Э. — В австралийских лесах и пустынях (подг. к печ.).

Тиличеева, М. Б. — Друг черных Давид Ливингстон (подг. к печ.).

Вторая серия—под общей редакцией проф. С. Г. Григорьева.

Арнольди, В. М. — По островам Малайского архипелага.

Никольский, А. М. — Летние поездки натуралиста (печ.).

Геккель. — Натуралист под тропиками (подг. к печ.).

Догель, В. А. — Натуралист в Восточной Африке (печ.).

Кун. — Из глубин океана (подг. к печ.).

Дарвин, Ч. — Кругосветное плавание на корабле «Бигль» (в изложении А. Д. Некрасова) (подг. к печати).

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ
под ред. проф. А. А. КРУБЕРА

4

Л. С. БЕРГ

ОТКРЫТИЕ КАМЧАТКИ

И

КАМЧАТСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ БЕРИНГА

Инв. № 12479

БИБЛІОТЕКА
Поступила
ПОЛЯРНОЙ КОМИССІИ
Р. А. Н.
Поступило 659
Отдѣлъ № П
Номеръ Отдѣла 348

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА.. 1924 ... ПЕТРОГРАД

инв. 186пк.
2

Государственное Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
Петроград

Библиотека
Академии Наук
СССР

Гиз № 4993 V. 31 V. 23. Петрооблит № 9993. Отпеч. 3.000 экз.

Suave mari magno turbantibus aequora ventis
E terra magnum alterius spectare laborem;
Non quia vexari quemquast iucunda voluptas,
Sed quibus ipse malis careas quia cernere suavest.
Lucretius, II, 1—4.

Настоящая работа представляет как бы продолжение к моей статье под заглавием «Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука», напечатанной в Записках по Гидрографии за 1919 г. Как там, так и здесь, я стремился выяснить научные результаты, добытые нашими землепроходцами, путешественниками и мореплавателями, и сравнить их скудные и нередко наивные, но вместе с тем полные живого интереса данные с тем, что известно о тех же местах ныне. Подробности внешнего хода экспедиций меня интересовали сравнительно менее, хотя я и старался не упускать из виду даже мелочей, помня слова Василия Берха (Первое морское путешествие Россиян. СПБ. 1823):

«Поелику экспедиция кап. Беринга есть первое морское путешествие Россиянами предпринятое; то все малейшие подробности оного должны быть приятны для любителей отечественных древностей. Ежели многие из них покажутся теперь странными, то тем не менее достойны уважения, ибо являют постепенный ход вещей от первого начала до нынешнего совершенства».

Следует помнить, что экспедиции Беринга представляют грандиозное, даже на современный масштаб, предприятие, научные и практические результаты которого неисчислимы. Укажем только на главнейшее. Нахождение пути через Берингов пролив, описание Курильских островов и северной Японии, открытие северо-западной Америки, исследование Камчатки Крашенинниковым, работы Гмелина по изучению Сибири, неоценимые по своей важности материалы по истории Сибири, собранные Г. Миллером, и, наконец, совершенно

исключительный подвиг описания северных берегов Сибири, делающий имя русских моряков бессмертным в истории географических открытий—таков лишь краткий перечень того, что добыто трудами Камчатской экспедиции. Практическим же результатом явилось, между прочим, приобретение американских владений, впоследствии за чечевичную похлебку проданных недальновидными государственными людьми.

Если обстоятельства и время позволят, то в будущем я предполагаю по такому же плану обработать русские кругосветные плавания.

В нижеследующем даты, если не указано особо, приведены по старому стилю и по обыкновенному гражданскому времени (в XVIII столетии у моряков было особое морское счисление: сутки с полудня предыдущего дня).

I. Открытие Камчатки.

В средине XVII столетия русские утвердились на Анадыре и здесь вскоре прослышали про Камчатку. Наименование «Камчатка» встречается уже на чертеже Сибири Петра Годунова 1667 г. [1]), а в «Списке с чертежа 1672 г.» говорится о реке Камчатке. Слово это перешло к русским через посредство коряков, как указал впервые еще Крашенинников (1755): *кончал*—это коряцкое название камчадалов (сами себя камчадалы зовут *ительмен*), *Кончат*—есть долина реки Камчатки, а *кончаток*—значит «в долине Камчатки».

Несколько слов о камчадалах. В настоящее время—это вымирающее племя. В 1911 г. всего на Камчатке числилось $3^1/_2$ тысячи душ камчадалов, но подавляющее большинство и этих камчадалов есть помесь с русскими. По сведениям, сообщаемым В. И. Иохельсоном, новейшим исследователем быта камчадалов, язык этого народа прежде распадался на четыре наречия: восточное, южное, западное и северное. Первые два ныне совершенно вымерли и вытеснены русским языком. Западное наречие сохраняется лишь в семи селениях западного берега между с. Ича и Аманиным. Северным наречием, переходным к коряцкому языку, говорят жители Седанки. Кроме камчадальского языка, в указанных восьми селениях в ходу еще своеобразный русско-камчадальский жаргон.

Камчадалы, коряки и чукчи, по языку, по материальной и духовной культуре и по физическому типу, весьма близки друг к другу и вместе с тем резко отличаются от всех других народов северной Азии. Напротив, целый ряд признаков сближает их с индейцами Северной Америки, от которых они отделены внедрившимся клином

[1]) См. нижеприложенную копию с русского оригинала, впервые опубликованную Л. С. Багровым в брошюре: Карты Азиатской России, СПБ. 1914, стр. 11 (также в Атласе Азиат. России, изд. Пересел. Упр., 1914).

эскимосов, этнически совершенно чуждых и тем и другим. Язык камчадалов, как и коряков и чукчей, относится к тому же полисинтетическому типу, что и языки индейцев. Этнографически, говорит В. Г. Богораз, граница между Азией и Америкой лежит не по Берингову проливу, а по линии от устья Колымы до впадения Гижиги в Тихий океан.

Честь географического открытия Камчатки и первого этнографического описания камчадалов выпала на долю Атласова. Есть, правда, темные слухи, что Камчатка была впервые открыта спутниками Дежнева, обогнувшего в 1648 г. северо-восток Азии. На пути от Берингова пролива к Анадырю коч (судно) Федота Алексеева отнесло к югу. Через несколько лет после этого (1654) Дежнев, проведывая с Анадыря морские берега, где жили коряки, отгромил у них якутскую «бабу», бывшую раньше у Алексеева. Якутка рассказала, что Алексеев умер от цынги, а товарищи его частью побиты, частью ушли на лодках неизвестно куда [1]). Другие известия, сообщаемые Миллером, говорят, что часть людей Алексеева, следуя вдоль берега Камчатки к югу, достигла реки Камчатки, где построили зимовье. Во время похода Атласова 1697—99 г.г. камчадалы передавали ему, что много лет тому назад при впадении р. Никулы или Федотовки, в Камчатке жил некто Федотов (может быть, сын Федота Алексеева) с товарищами. Когда часть русских отправилась к Пенжинскому (т.-е. Охотскому) морю, камчадалы и коряки истребили русских, которых они раньше считали за богов. Миллер говорит, что еще во время первой Камчатской экспедиции (1728—29) на реке Федотовке, устье которой в 180 вер. ниже Верхнекамчатска, видны были остатки двух русских зимовий [2]). Крашенинников, бывший на Камчатке в 1737—41 г.г., тоже подтверждает, что, «по словесным известиям», первым русским на Камчатке был Федот Алексеев, «по которого имени впадающая в Камчатку Никул речка Федотовщиною называется» [3]).

Доходили ли на самом деле спутники Алексеева до р. Камчатки или нет, трудно сказать (Крашенинников думает, что сам Алексеев

[1]) Дополнения к Актам Историч., IV, № 7.

[2]) Миллер, Сочин. и Перев., 1758, I, стр. 19—21.

[3]) Крашенинников, Описание Земли Камчатки, II, 1755, стр. 190. Об этой речке, названной по имени некоего Федьки («Fetka»), упоминает и Стеллер (G. W. Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt und Leipzig, 1774, p. 222).

К стр. 6.

Рис. 1. Чертеж Сибири Петра Годунова 1667 года (из Багрова 1914). (Название «Камчатка» имеется в средине левого края).

БИБЛИОТЕКА
Академии
Наук

вряд ли доходил), но ничего невозможного здесь нет. Но зато, конечно, неправдоподобно известие, передаваемое по слухам Крашенинниковым, будто Алексеев обогнул всю Камчатку (кругом Лопатки) и на судах достиг реки Тигиля (на западном берегу) [1]).

В августе 1695 г. из Якутска послан в Анадырский острог приказчиком пятидесятник Владимир Атласов [2]). Атласов представляет из себя личность, совершенно исключительную. Человек малообразованный, он вместе с тем обладал недюжинным умом и большой наблюдательностью, и показания его, как увидим далее, заключают массу ценнейших этнографических и вообще географических данных. Ни один из сибирских землепроходцев XVII и начала XVIII веков, не исключая и самого Беринга, не даст таких содержательных отчетов. И вместе с тем, в нравственном отношении Атласов стоял очень невысоко. Пожалованный после покорения Камчатки (1697—99) в награду казачьим головой и посланный снова на Камчатку для довершения своего предприятия, он, на пути из Москвы в Камчатку, решился на крайне продерзостное дело: будучи в августе 1701 г. на реке Верхней Тунгуске, он разграбил следовавшие на судах купеческие товары. За это, несмотря на заслуги, был посажен, после пытки, в тюрьму, где просидел до 1707 г., когда прощен и снова отправлен приказчиком на Камчатку. Здесь во время восстания казаков в 1711 г., убит.

После этого краткого биографического отступления возвращаемся к истории открытия Камчатки [3]).

---

[1]) В передаче Стеллера (l. c., p. 223) выходит, что русские попали на Тигиль за 10 лет до покорения Камчатки. Стеллер высказывает предположение, что русские прошли сухим путем с Анадыря на Пенжину, а отсюда морем на байдарах до Тигиля.

[2]) О нем см. Н. Оглоблин, Новые данные о Владимире Атласове. Чтения в Общ. Истории и Древн. Росс., Москва, 1888, кн. I, отд. 2, стр. 1—30.

[3]) Показания Атласова, одно в Якутске 3 июня 1700 г., другое—в Москве, в Сибирском Приказе, 10 февраля 1701 г., полностью см. у: Н. Оглоблин, Две «сказки» Вл. Атласова об открытии Камчатки. Чтения в Общ. Ист. и Древн. Росс., Москва, 1891, кн. 3, отд. I, стр. 1—18. Подробное извлечение из показаний Атласова в Сибирском Приказе напечатал впервые Ph. Strahlenberg в своей книге «Das Nord und Ostliche Teil von Europa und Asia». Stockholm, 1730, p. 431—438. Кроме того, сведения о походе Атласова можно найти у Крашенинникова (l. c.), Миллера (l. c.), Спасского (Вестн. Русск. Географ. О., XXIV, 1857) и Сгибнева (Морской Сборн., 1869, № 4).

В 1696 г. из Анадырска был послан к корякам на р. Опуку якутский казак Лука Морозко. Но он проник гораздо далее на юг, именно до реки Тигиля, за четыре дня пути не доходя до реки Камчатки [1]). Морозко взял камчадальский острожек и привез домой «не ведомо какие письма»—быть может, японские с разбившихся у берегов Камчатки японских судов [2]).

В начале 1697 г. из Анадырска отправился и сам Атласов—для приписку новых землиц и приведения в подданство неясачных людей, для чего взял с собою 60 служилых и промышленных людей и 60 ясачных юкагиров. Пошли на оленях на Пенжину, прибыли сюда через $2^1/_2$ недели и здесь собрали с пеших (т.-е., оседлых, не имеющих оленей) коряков, которых было свыше трехсот душ, ясак красными лисицами.

Про здешних коряков Атласов сообщает, что ружье у них—луки и копье, начального человека они над собою не знают, а «слушают которой у них есть богатой мужик». Из товаров им надобны железо, ножи, топоры и пальмы (пальмы—это широкие железные ножи). Соболей в устье Пенжины нет, и местные коряки питаются рыбой, нерпой (тюленем) и «всяким зверем». Одежду и обувь носят оленью, а подошвы нерпичьи. Юрты у них ровдужные (из оленьих кож). Для промысла нерп и китов имеют большие байдары из нерпичьей кожи, длиной саженей шесть, поперек сажени полторы, садится на них человек по 30—40. Наружность коряков Атласов рисует так: «пустобородые, лицом русаковаты, ростом средние». Говорят своим языком, а «веры никакой нет, а есть у них их же братья шеманы—вышеманят, о чем им надобно: бьют в бубен и кричат».

С устья Пенжины шли две недели на оленях по западному берегу Камчатки, а затем повернули на восток, к берегам Тихого океана, к корякам-олюторцам, что сидят по реке Олюторе (правильнее Алютора). Прибыли сюда в феврале 1697 г. Призвав олюторцев, ранее никогда не видавших русских, «под высокую царскую руку ласкою и приветом», обложили их ясаком, «писали с них лисиц», которых они промышляют близ своих юрт. Хотя у них неподалеку

---

[1]) Миллер, Сочин. и Перев., 1758, I, стр. 291—292.—С. Крашенинников, Описание Земли Камчатки. СПБ. II, 1755, стр. 192.

[2]) По словам Словцова, Морозко нашел японские бумаги не в камчадальских, а в коряцких юртах. П. Словцов, Историч. обозр. Сибири, I, 1838, стр. 246 (2 изд., 1886, стр. 135—136).

в горах есть белые соболи [1]), но они их не промышляют, «потому что в соболях они ничего не знают». Оружие у них луки и стрелы, костяные и каменные, а железа в этой стране нет. Об олюторцах Атласов совершенно правильно замечает, что язык их «и во всем подобие коряцкое». Но юрты у них земляные «подобны остяцким юртам».

На Олюторе Атласов разделил свой отряд на две половины и одной партии приказал итти вдоль восточного берега Камчатки на юг; по свидетельству Крашенинникова, во главе этого отряда был поставлен Лука Морозко. Сам же Атласов, вместе с другой партией, повернул к западному берегу и пошел на юг. На р. Палане, впадающей в Охотское море, часть юкагиров, из бывших в отряде, изменнически убили нескольких казаков, многих—и в том числе начальника отряда—перераниили, а сами ушли. В таком тяжелом положении Атласов вынужден был просить себе на помощь отряд Луки Морозки. Извещенные через верного юкагира, те прибыли и выручили Атласова.

Дойдя южнее устья реки Кигыла (Тигиль), казаки повернули на реку Камчатку. При устье реки Крестовки (Кануч), впадающей в реку Камчатку, поставили крест с надписью «205 (т.-е. 1697) году, июля 18 дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товарыщи». Этот крест был в целости еще во время Крашенинникова, т.-е. сорок лет спустя [2]).

На реке Камчатке казаки нашли четыре острога, а около них около 400 юрт. Жители—это были *камчадалы*—обрадовались приходу русских и дали ясак. Такое предупредительное поведение камчадалов объясняется тем, что у них были взаимные междоусобия. Объясаченные камчадалы просили Атласова помочь им против их же сородичей с низовьев Камчатки, которые нападали на них и грабили. Атласов согласился, посадил служилых людей, юкагиров и камчадалов в струги и отправился вниз по Камчатке.

По обе стороны реки было видно много больших камчадальских селений, юрт по трнста, четыреста, пятьсот. Через три дня достигли того места, куда звали камчадалы. Здесь было до 400 юрт. Вследствие отказа камчадалов платить ясак, погромили их, а жилища выжгли.

[1]) «Белыми» здешние соболи названы так потому, что вообще камчатские не так темны, как олекминские и витимские. А это в торговом отношении большой недостаток.

[2]) Крашенинников, I, 1755, стр. 17.

Отсюда Атласов пошел обратно вверх по Камчатке, на старое место, а для проведывания иноземцев, живших по реке Камчатке вниз до моря, отправил казака.

Посланный принес известие, что от р. Еловки (приток Камчатки) до моря есть 160 острогов, в каждом по 150 и 200 человек. Острожками русские называли камчадальские «юрты», т.-е. землянки, укрепленные земляным валом и частоколом. Подобные укрепления камчадалы стали воздвигать только после появления казаков. Если предыдущие данные верны, то к концу XVII века в низовьях Камчатки жило около 25 тысяч камчадалов, т.-е. больше, чем теперь числится народу на всем Камчатском полуострове, где, кроме камчадалов, живут еще коряки и русские. Общее число камчадалов С. К. Патканов исчислял для 1897 г. в 4 тысячи душ, а для 1741—в 12—13 тысяч душ [1].

О камчадалах Атласов сообщает подробные и крайне любопытные этнографические сведения. «Возрастом», т.-е. ростом, они невелики, с бородами средними [2], лицом походят на зырян. С этим небезынтересно сопоставить описание наружности этого народа, какое дает академик Крашенинников (II, 1755, стр. 14, 15): «Камчадалы так как Мунгалы ростом писки, телом смуглы, немохнаты, черноволосы, малобороды, лицом калмыковаты с покляпыми носами, косолапы... Лица у камчадалов не столь продолговаты и скуласты, как у других народов, щеки у них одутловаты, губы толсты и рот превеликой».

По словам Атласова, камчадалы одежду носят соболью, лисью и оленью и пушат платье собаками. О том же предмете Крашенинников (II, стр. 42) сообщает следующее: «материя, из которой камчадалы прежде сего носили платье, и ныне по большей части носят, оленьи, собачьи, нерпичьи и других как морских, так и земных зверей, и птичьи кожи, которые они без разбору в одну шубу сшивали». «Вкруг подолу, рукавов и вкруг куля опушиваются куклянки [3]

[1]) С. Патканов, О приросте инородческого населения Сибири. СПБ. 1911, изд. Акад. Наук, стр. 134.—В 1724 г. к трем острогам: Нижнекамчатскому, Верхнекамчатскому и Большерецкому было приписано ясачных 5.138 человек (Сгибнев, Морск. Сборн., 1869, № 4, стр. 107).

[2]) В. И. Похельсон обратил мое внимание на то, что камчадалов скорее можно было бы назвать безбородыми.

[3]) Т.-е., верхнее платье.

рослою белою собачиною, что выше всякого пуху почитается». (стр. 43).

Юрты у них, продолжает Атласов, зимние земляные, а летние на столбах, вышиною от земли сажени по три, «намощено досками и покрыто словым корьем, а ходят в те юрты по лестницам». Своеобразные свайные постройки камчадалов, или *балаганы*, сохранились до сих пор. По описанию Крашенинникова (II, стр. 28—29), балаганы устраиваются так: ставят девять свай вышиной сажени по две и больше; сверху столбы укрепляют перекладинами, на которые настилают колья и траву; таким образом получается помост, на котором помещают шалаш из кольев.

Во времена Атласова население на Камчатке, как мы уже указывали, было гораздо более густое: он встречал помногу юрт, расположенных одна возле другой иногда по несколько сот.

Питаются камчадалы, по его словам, рыбою и зверем. Едят рыбу сырую; на зиму запасают ее, складывая в ямы и засыпая их землею; «и та рыба изноет, и тое рыбу вынимая кладут в колоды и наливают водою, и розжегши каменья кладут в те колоды и воду нагревают». «И ту рыбу с тою водою размешивают и пьют, а от тое рыбы исходит смрадной дух». О том, что камчадалы варили рыбу и мясо в деревянной посуде с раскаленными камнями свидетельствует и Крашенинников (I, стр. 230, II, стр. 32). К второму тому «Описания Земли Камчатки» (стр. 38) приложена таблица, на которой изображено, как камчадалы «жир варят из рыбы каленым каменьем в лодках». Этот же самый способ приготовления жира в лодках видел Дитмар в селении Ключах на реке Камчатке еще в 1852 г. [1]). Поразительно, что тот же способ варки жира из рыб в лодке при помощи раскаленных камней видели в 1882 г. братья Краузе у индейцев тлинкитов на реке Чилкат, впадающей в Lynn Canal (приблизительно под 59 $^1/_3{}^\circ$ с. ш.). Рыба, из которой готовят здесь жир, это Thaleichthys pacificus, *сас* тлинкитов, eulachon американских англичан, близкая к корюшке. К работе Краузе приложена и таблица, изображающая, как тлинкиты добывают жир из этой рыбы [2]).

---

[1]) К. Дитмар, Поездки и пребывание в Камчатке в 1851—55 г.г. СПБ. 1901, изд. Акад. Наук, стр. 326.

[2]) A. Krause, Die Tlinkit-Indianer. Jena, 1885, p. 177—178, Taf. III.

Способ кипячения воды при помощи раскаленных камней известен и у многих других народов: эскимосов, полинезийцев, новозеландцев и др. [1]).

Как мы видели, пища камчадалов показалась Атласову смрадной. То же впечатление вынес и Крашенинников (II, стр. 53): «самое деликатное камчатское кушанье кислая рыба, которую они квасят в ямах... Можно за истину сказать, что скверняе духу не бывает от упади, однако Камчадалам кажется оной ароматным. Иногда сия рыба так в ямах изгнивает, что не инако ея, как ковшами черпают, но такая для собак употребляется и подбалтывается в опаны [2]) их вместо муки овсяной».

Посуду деревянную и глиняные горшки камчадалы делают, по словам Атласова, сами, а кроме того у них есть посуда «левкашеная и олиоляная», которая приходит к ним с «острова, а под которым государством тот остров, того не ведают». Речь здесь идет, очевидно, об японской лаковой посуде, которая из Японии попадала сначала к дальним курильцам, потом к ближним, а эти привозили ее на южную Камчатку. Левкас (с греческого leukas) это, по Словарю Даля, «у иконописцев и позолотчиков род жидкой шпаклевки, мел с клеем, для подготовки под краску и позолоту». Как объяснил мне С. М. Дудин, при изготовлении японской лаковой посуды деревянную посудину сначала левкасят, а потом проолифливают.

Атласов не упустил отметить, какие русские товары могут найти сбыт у камчадалов; это—«одекуй лазоревый», т.-е. голубой бисер, и ножи. Выменивать эти товары можно на соболей, лисиц, «больших бобров» (т.-е. на так называемых морских бобров, Latax lutris) и выдр.

Во времена Атласова оружие у камчадалов было такое: «луки усовые, китовые, стрелы каменные и костяные, а железа у них не родитца». Огненного ружья очень боятся и русских называют огненными людьми. Крашенинников (II, стр. 4) сообщает и камчадальское

---

[1]) См. Н. Харузин, Этнография. I, 1901, стр. 163—164.—Небезынтересно отметить, что на севере России до сих пор варят пиво, положив в кадку несколько раскаленных камней. Так делают в Архангельской губернии (по словам Л. Я. Штернберга), в Тотемском у. Вологодской губ. (сообщение Едемского), в Туруханском крае (М. Кривошапкин, Енисейский округ и его жизнь. СПБ. 1865, II, стр. 138).

[2]) Похлебка.

название русских: *брыхатын*, что значит «огненные люди»; камчадалы думали, что русские имеют огненное дыхание.

Когда русские пришли на Камчатку, население этой страны переживало каменный век: металлов камчадалы и здешние коряки не знали. Крашенинников (II, стр. 31—34) с удивлением рассказывает, как они из камня и кости делали топоры, ножи, копья, стрелы, «ланцеты» и иглы. «Топоры у них делались из оленьей и китовой кости, также из яшмы, на подобие клина, и привязывались ремнями к кривым топорищам плашмя, каковы у нас бывают теслы. Ими они долбили лодки свои, корыта, чаши и прочее, однако, с таким трудом и с таким продолжением времени, что лодку три года надлежало им делать, а чашу большую не меньше года. Ножи они делали из горного зеленоватого или дымчатого хрусталя на подобие ланцов востроконечные и насаживали их на черенье деревянное. Из того же хрусталя бывали и стрелы, копья и ланцеты, которыми кровь и поныне пускают. Швальные иглы делали они из собольих костей, и шили ими не токмо платье и обувь, но и подзоры весьма искусно» (стр. 32).

Камчадалы, продолжает Атласов, «державства великого над собою не имеют, только кто у них в котором роду богатее, того больше и почитают». Отдельные роды ведут между собой войны. «А к бою временем бывают смелы, а в иное время плохи и торопливы» (т.-е., трусливы). На бой выходят зимою на лыжах, а летом дерутся иногда голыми. Ко времени прихода русских камчадалы понастроили много острожков, сидя в которых бросали каменьями из пращей и руками. Но особенного вреда казакам они причинить не могли. Несчастных дикарей истребляли безжалостно. Вот как описывает это дело Атласов: «И к тем острожкам русские люди приступают из-за щитов и острог зажигают, и станут против ворот, где им (иноземцам) бегать, и в тех воротах многих их иноземцов-противников побивают. А где острожки сделаны земляные, и к тем русские люди приступают и разрывают землю копьем, а иноземцам на острог взойтить из пищалей не допустят».

Камчадалы имеют лодки, которые поднимают человек по 10 и по 20. Скота никакого не держат, есть только собаки, величиною, как и у нас, «только мохнаты гораздо, шерсть на них длиною в четверть аршина». «А соболей промышляют кулемами (т.-е., ловушками) у рек, где рыбы бывает много, а иных соболей на дереве стреляют». Жен имеют, кто сколько может, по одной и более (до четырех). «А веры

никакой нет, только одне шаманы, а у тех шаманов различье с иными иноземцы: носят волосы долги».

Объяснялся с камчадалами Атласов при посредстве коряков, живших у русских и знакомых с русским языком, «а он, Володимер, по коряцкому и по камчадальскому языку говорить ничего не знает», добросовестно указывает Атласов.

Возвращаемся к походу Атласова. Когда он вернулся с низовьев р. Камчатки, то убедился, что оленные коряки угнали его оленей. Атласов пошел за ними в погоню, догнал у «Пенжинского моря», т.-е. на берегу Охотского моря, и, после жаркого боя, во время которого пало около 150 коряков, отбил оленей. Отсюда пошел к реке Иче, где прослышал о пленнике японце, о чем мы подробно говорим ниже.

Двинувшись отсюда на юг, «наехали они курильских мужиков 6 острогов» [1]). Это первое упоминание о малоизвестном народе, *курилах*, обитавших на самом юге Камчатки. Курилы отказались дать ясак; один из курильских острожков был взят, и засевшие в нем 50 курилов перебиты, «а к иным острожкам не приступали, потому что у них никакова живота нет и в ясак взять нечего» [2]). Курильские иноземцы «видом против камчадальцов чернее и бороды меньше» [3]). В земле их теплее, чем у камчадалов, почему и соболи у них хуже; а бобров больших (т.-е. морских) и лисиц красных много. Далеко вглубь Курильской земли Атласов не продвинулся. По его словам, он не доходил до Бобровой, или Каланской, реки за три дня. Такого названия сейчас нет. Крашенинников говорит [4]), что под именем Каланской Атласов подразумевал, вероятно, р. Озерную (или Игдыг), вытекающую из Курильского озера: в устье ее промышляли морских бобров (Latax), или каланов. От этой реки три дня ходу до реки Голыгиной или Нынгычу (Нынгучу). Досюда, по всем вероятиям доходил Атласов. С этим сообразуется и сообщение камчатских

---

[1]) Чтен. Общ. Ист. и Древн., 1891, кн. 3, стр. 9.

[2]) В 1705 г. пятидесятник Колесов посылал на немирных курил казака Ламаева с 40 служилыми. Курилы не согласились платить ясака; сто человек из них было побито, а остальные покорились. А. С г и б н е в, Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. Морской Сборн., 1869, № 4, стр. 77.

[3]) Повидимому, это описка—вместо «больше», ибо, согласно описаниям, у камчатских курилов бороды были больше, чем у камчадалов. Но и в пересказе Стралленберга (l. c., p. 435) про курилов говорится: hätten nicht viel Bart ums Maul.

[4]) II, стр. 193.

старожилов, которые говорили Крашенинникову, что Атласов доходил до реки Голыгиной, устье которой рядом с устьем Опалы [1]). По Опале жили еще камчадалы [2]), и Голыгина, или Нынгучу, была таким образом первой из курильских рек. Ее-то и подразумевает Атласов, когда говорит, что «против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть» [3]).

С р. Голыгиной вернулись на р. Ичу. Здесь все олени пали, и пришлось зазимовать, поставив зимовье. Отсюда на реку Камчатку Атласов отправил служилого Потапа Сюрюкова с 14 русскими да 13 юкагирами. Оставшиеся на Иче служилые стали просить о возвращении на Анадырь. Атласов согласился и 2 июля 1699 г. с 15 служилыми и 4 юкагирами вернулся в Анадырск, имея с собою ясачной казны 330 соболей, 191 красную лисицу, 10 лисиц сиводушатых, 10 бобров морских, парку (одежду) соболью, 7 лоскутов бобровых. Многие соболи были без хвостов «для того, что они камчадалы у соболей хвосты режут и мешают в глину и делают горшки, чтоб глину с шерстью вязало; а из иных шьют наушки». Насколько правильно указание об использовании собольих хвостов в качестве вяжущего вещества, не берусь сказать, но во всяком случае, до прихода русских соболь у камчадалов не был в большой чести: по словам Крашенинникова [4]), камчадалы отдавали преимущество собачьему меху перед собольим, а ловили соболей более для мяса, которое употребляли в пищу. Рассказывали, что туземцы смеялись над казаками, променивавшими ножик за 8 соболей, а топор за 18.

Переходим теперь к географическому описанию Камчатки, какое дает Атласов [5]).

«А зима в Камчатской земле тепла против московского, а снеги бывают небольшие, а в курильских иноземцах снег бывает меньше».

Сведения о малоснежных зимах на Камчатке относятся, очевидно, к западному берегу: в 1910 г. в Большерецке (52° 48′ с. ш.), выпало

[1]) Г. Спасский (Владимир Атласов, покоритель Камчатки. Вестн. Русск. Геогр. Общ., 1858, ч. XXIV, стр. 164) тоже говорит, что Атласов дошел на юг «до реки Ингачи или Голыгиной», но, повидимому, это сведение заимствовано у Крашенинникова.

[2]) Крашенинников, I, стр. 68.

[3]) Чтения Общ. Ист. и Древн., 1891, кн. 3, отд. I, стр. 16.

[4]) I, стр. 215.

[5]) Чтения Общ. Ист. и Древн., 1891, кн. 3, отд. I, стр. 13 сл.

450 мм. осадков, из коих лишь 17% в виде снега, тогда как в Петропавловске количество осадков, выпадающих в виде снега, составляет нередко 50 и более процентов общей суммы осадков. В долине реки Камчатки, как и на западном берегу, зимы малоснежны [1]).

«А солнце на Камчатке зимою бывает в день долго против Якуцкого блиско вдвое. А летом в Курилах солнце ходит прямо против человеческой головы и тени против солнца от человека не бывает». Это, конечно, не верно, потому что даже на самом юге Камчатки, под 51° с. ш. солнце никогда не подымается выше $62^1/_2$° над горизонтом.

«А от устья итти вверх по Камчатке реке неделю есть гора — подобна хлебному скирду, велика гораздо и высока, а другая близь сеж—подобна сенному стогу и высока гораздо: из нее днем идет дым, а ночью искры и зарево. А сказывают камчадалы: буде человек взойдет до половины тое горы, и там слышат великой шум и гром, что человеку терпеть невозможно. А выше половины той горы которые люди всходили, назад не вышли, а что тем людям на горе учинилось, не ведают».

Крашенинников (II, стр. 79—80) также подтверждает, что камчадалы считают за грех всходить на вулканы. Дитмара, в 1852 г., жители с. Ключевского отговаривали от восхождения на Ключевскую сопку [2]).

«А из под тех гор вышла река ключевая, в ней вода зелена, а в той воде, как бросят копейку, видеть в глубину сажени на три».

Гора, из которой идет дым и пламя, это Ключевская сопка [3]), а другая, повидимому, Шивелуч.

«А на море около люторов (т.-е., олюторов) зимою лед ходит, а все море не мерзнет. А против Камчатки (реки) на море лед бывает ли, не ведает. А летом на том море льду ничего не бывает». «А по другую сторону той Камчадальской земли на море зимою льду не бывает, только от Пенжины реки до Кигылу (Тигиля) на берегах лед бывает небольшой, а от Кыгылу вдаль ничего льду не бывает. А от Кыгыла реки до (от?) устья ходу бывает скорым ходом пешком до Камчатки реки, через камень (т.-е., через горы), в 3-й и в 4-й день.

---

[1]) В. А. Власов, О климате Камчатки. Камчатская экспедиция Рябушинского. Метеор. отд., вып. I, М. 1916, стр. 140—142.

[2]) Дитмар, 1901, стр. 321—322.

[3]) Фотографию ее см. у А. Н. Державина в Камчатск. Экспед. Ф. П. Рябушинского, Зоол. отд., в. I, М. 1916, табл. XVI.

А Камчаткою на низ плыть в лотке до моря 4 дни. А подле моря медведей и волков много».

«А руды серебреные и иные какие есть ли, того не ведает и руд никаких не знает».

«А в Камчатской и в Курильской земле ягоды—брусница, черемха, жимолость, величиною меньши изюму и сладка против изюму».

Брусники, Vaccinium vitis-idaea, много на Камчатке. Плоды черемухи, Prunus padus, которая растет в изобилии по средней Камчатке, камчадалы едят с большой охотой как свежими, так и в виде лепешек, приготовляемых из растертых и высушенных на солнце плодов; большие охотники до зрелой черемухи также медведи [1]). Здешняя съедобная жимолость, Lonicera edulis, имеет прекрасные черно-синие ягоды, употребляемые как свежими, так и в виде варенья.

«Да ягоды ж ростут на траве от земли в четверть, а величиною та ягода немного меньши курячья яйца, видом созрелая зелена, а вкусом что малина, а семена в ней маленькие что в малине». Это, очевидно, то же растение, о котором Крашенинников [2]) и Стеллер [3]) упоминают под камчадальским именем *коткония*; по любезному сообщению В. Л. Комарова, «коткония» есть Trillium obovatum, растение из сем. лилейных, ныне называемое на Камчатке «кукушкиными тамарками». Белые трехлепестковые цветки этого растения массами распускаются в березняках к началу июня старого стиля.

«А на деревьях никакова овоща не видал. А есть трава, иноземцы называют *агататка*, вышиною растет в колено, прутиком, и иноземцы тое траву рвут и кожуру счищают, а средину переплетают таловыми лыками и сушат на солнце, и как высохнет, будет бела, а тое траву едят, вкусом сладка, а как тое траву изомнет, и станет бела и сладка что сахар». Речь идет о «сладкой траве», Heracleum dulce (из семейства зонтичных), из которой туземцы добывали сахар и вообще употребляли как сладкую приправу, а русские гнали вино; сок из сладкой травы, добытый весною, служил для истребления вшей на голове [4]).

---

[1]) Дитмар, стр. 340, 342.

[2]) Крашенинников, I, стр. 203.

[3]) Steller, 1774, стр. 93.

[4]) Крашенинников, I, стр. 196—200. Стеллер (стр. 84) говорит, что на Большой реке камчадалы называли сладкую траву *кат* (kath), ср. *агататка* у Атласова; на р. Камчатке—*аунеч*. В России виды рода Heracleum называются борщовником или борщом.

«А деревья ростут кедры малые, величиною против мозжевельнику, а орехи на них есть. А березнику, лиственничнику, ельнику на Камчадальской стороне много, а на Пежинской стороне по рекам березник да осинник». Малый кедр—это Pinus pumila, кустарниковый кедр, кедровник или сланец, орехи которого играют важную роль в жизни не только местных жителей, но и медведя и соболя. Хвойные леса центральной Камчатки представлены частью рощами из даурской лиственницы (Larix dahurica), частью лесами из аянской ели (Picea ajanensis). Ель обычно смешана с лиственницей, осиной и березой. Кроме того, по горным склонам растут светлые леса из развесистой и кудрявой эрмановской березы (Betula Ermani), имеющей серую или красноватую кору. По долинам рек растет другая береза белая (Betula japonica), близкая к японской форме этого дерева [1]).

Переходим к описанию фауны. «А рыба в тех реках в Камчатской земле морская, породою особая, походит одна на семгу, и летом красна, а величиною больше семги, а иноземцы ее называют *овечиною*. И иных рыб много, 7 родов розных, а на русские рыбы не походят. И идет той рыбы из моря по тем рекам гораздо много и назад та рыба в море не возвращается, а помирает в тех реках и в заводях. И для той рыбы держится по тем рекам зверь—соболи, лисицы, выдры». Под именем «овечины» здесь разумеется чавыча (Oncorhynchus tschawytscha), рыба из рода восточных лососей, которой Атласов дает название, заимствованное из языка сидячих коряков (*ɛвоч*) [2]). Чавыча самая лучшая и самая крупная из камчатских проходных (т.-е., из входящих из моря в реки для икрометания) рыб: она весом бывает до $2^1/_2$ пудов, длиною до полусажени. Входит она первая в реки (Камчатку, Авачу, Большую и др.) [3]). Крашенинников очень хвалит чавычу: «из тамошних рыб нет ей подобной вкусом»; «Камчадалы так высоко почитают объявленную рыбу, что перво-изловленную испекши на огне сьедают с изъявлением превеликой радости». Как правильно указывает Атласов, чавыча и родственные ей тихоокеанские лососевые, каковы кета, горбуша и некоторые другие, мечут икру раз в жизни, а затем погибают. По словам Атласова, рыбы—

---

[1]) В. Комаров, Два года на Камчатке. «Землеведение», 1911, № 1—2, стр. 163—166; также: Путешествие по Камчатке в 1908—1909 г.г. М. 1912, стр. 409—416 (Камчат. Эксп. Ф. Рябушинского, Ботан. отд., в. 1).

[2]) Крашенинников, II, стр. 176; I, стр. 345.

[3]) Крашенинников, I, стр. 314—316.

здесь имеется в виду красная рыба, или лососевые—входит в реки «гораздо много». Вот как описывает Крашенинников, бывший на Камчатке в 1737—41 г.г., ход лососевых: «Все рыбы на Камчатке идут летом из моря в реки такими многочисленными рунами,

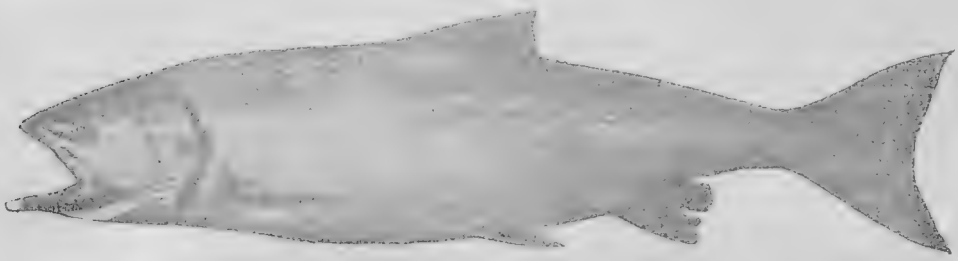


Рис. 2. Кета-самец из моря у берегов Сахалина (из П. Шмидта).

что реки от того прибывают, и, выступая из берегов, текут до самого вечера, пока перестает рыба входить в их устья. По збытии воды остается на берегах сонной рыбы столь много, что такого числа в больших реках нельзя надеяться, от чего потом такой срам и вонь бывает,

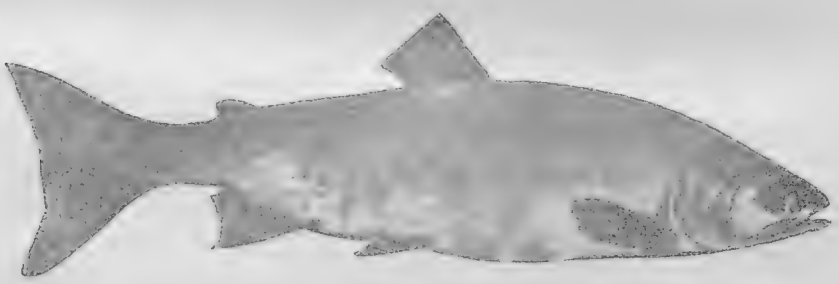


Рис. 3. Горбуша-самец из моря у берегов Сахалина (из П. Шмидта).

что без сумнения следовало бы моровое поветрие, ежели бы сие зло непрестанными воздух чистящими ветрами не отвращалось. Ежели острогою ударишь в воду, то редко случается, чтобы не забагрить рыбу. Медведи и сабаки в таком случае больше промышляют рыбы лапами, нежели люди в других местах бреднями и неводами» [1]).

Последовательность хода красной рыбы, по теперешним сведениям, такова: 1) чавыча, 2) нярка, или красная, 3) кета, или кайко

[1]) Крашенинников, I, стр. 310—311.

(хайко), 4) горбуша, 5) кижуч. Атласов говорит о 7 или 8 «родах» рыб. Может быть, он имеет в виду и другие из проходных лососевых: мыкыжу (Salmo mykiss), гольца (мальму), кунжу.

«А в Курильской земле зимою у моря птиц—уток и чаек много, а по ржавцам лебедей многож, потому что те ржавцы зимою не мерзнут. А летом те птицы отлетают, а остастца их малое число, потому что летом от солнца бывает гораздо тепло, и дожди и громы большие и молния бывает почасту. И чает он, что та земля гораздо подалась на полдень». Лебедей, действительно, на Камчатке много как зимою, так и летом [1]). Дитмар в Верхнекамчатске видел на незамерзшей реке в январе массу лебедей [2]).

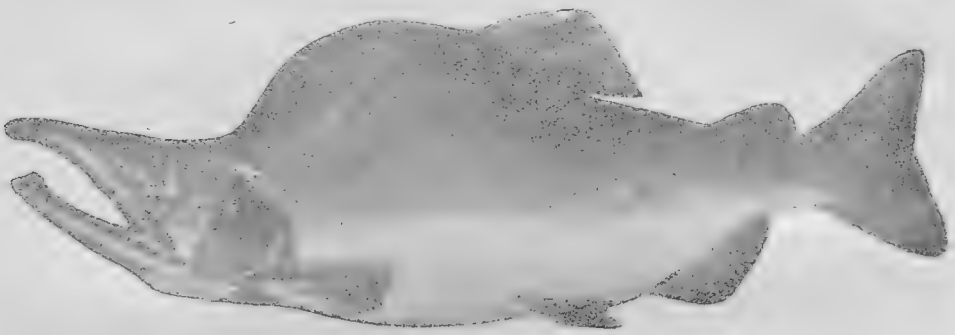


Рис. 4. Половозрелый самец горбуши из реки на Сахалине (челюсти удлиняются, на спине вырастает горб) (из П. Шмидта).

«А в море бывают киты великие, нерпа, каланы, и те каланы выходят на берег по большой воде, и как вода убудет, и каланы остаются на земле и их копьями колют и по носу палками бьют, а бежать те каланы не могут, потому что ноги у них самые малые, а берегн древяные, крепкие».

Каланы—это морские бобры или, правильнее, морские выдры (Latax lutris), ибо с настоящими бобрами они, кроме качества меха, не имеют ничего общего. Они в настоящее время уцелели на Камчатке только у м. Лопатка.

Об этнографических наблюдениях Атласова сказано выше. Относительно сельского хозяйства он замечает: «А в Камчадальской и в Ку-

---

[1]) Крашенинников, стр. 336.

[2]) Дитмар, стр. 175.

рильской земле хлеб пахать мочно, потому что места теплые и земли черные и мягкие, только скота нет и пахать не на чем, а иноземцы ничего сеять не знают». Как известно, опыты земледелия на Камчатке особенно блестящих результатов не дали. В настоящее время полеводством занимаются только в селе Ключевском, где разводят ячмень и коноплю. Из огородных растений на Камчатке удаются картофель, репа, брюква, капуста.

Этим мы заканчиваем рассмотрение отчета Атласова.

Петр I заботился о том, чтобы установить сообщение с Камчаткою морем, через Охотск, и для того в 1713 г. приказал послать людей «для проведывания через Ламское море камчацкого пути» [1]). Ламское море—это Охотское, от тунгусского слова *ламу*, что значит море. Но еще ранее, 9 сентября 1710 г., Василию Савостьянову, посланному на Камчатку, наказывалось «из камчадальских острогов проведывать пути к Тоуйскому и к Ламскому острогам через Ламское море русскими людьми или ясачными иноземцы, как мочно; а проведав, писать о том в Якуцкой имянно» [2]).

Первое морское плавание русских на Камчатку Охотским морем состоялось в 1716 г. Еще в 1714 г. были присланы в Охотск из Якутска матросы и корабельные плотники во главе с якутским служилым Кузмою Соколовым. В следующем году построили здесь судно длиною в $8^1/_2$ саж. В июне 1716 г. вышли в море и достигли Камчатки у устья р. Тигиля. На берегу застали только пустые юрты, так как камчадалы со страху разбежались. Поплыли далее и прибыли к реке Харьюзовке, а затем к реке Иче и, наконец, к Крутогоровой, где застали камчадалов и казаков, живших для сбору ясака. Зазимовали поблизости, в устье реки Компаковы (приблизительно под 55° с. ш.). Миллер, со слов Стеллера, сообщает, что здесь выбросило на берег кита с острогою, на которой была надпись латинскими буквами [3]). Зимою Соколов ездил в Нижнекамчатск, а в начале мая следующего 1717 года отправились в море, но, задерживаемые льдинами, только в половине

---

[1]) Пам. Сиб. Ист., II, стр. 37.

[2]) Пам. Сиб. Ист., I, стр. 427.

[3]) Миллер, Соч. и Перев., 1758, I, стр. 319.—Крашенинников, впрочем, в этом сомневается (II, стр. 303).

июля прибыли в Охотск. С того времени, говорит Миллер, «между Охотском и Камчаткою был проезд морем непрестанной» [1]).

Открытие морского пути на Камчатку через Охотское море было событием чрезвычайной важности. До того сообщение Якутска с Камчаткой шло через Анадырский острог, при чем одна дорога до Анадырска требовала около полугода. Из Анадырска на Камчатку было две дороги: одна к устью Пенжины, а затем морем вдоль западного берега Камчатки до р. Тигиля, другая—к Олюторскому острогу, а отсюда морем вдоль восточного берега полуострова до реки Камчатки.

---

[1]) Миллер, стр. 316—320.

II Первые сведения об Японии.

Атласову принадлежит не только честь открытия Камчатки, но этому же наблюдательному казаку мы обязаны первыми сведениями о северо-западной Америке [1]) и о Курильских островах. Мало того благодаря энергии Атласова были впервые получены точные и подробные известия о Японии.

В Москве впервые стали интересоваться этим государством в конце XVII века, после того как, с занятием земель по Амуру, пришлось вступить в соприкосновение с Китаем. В 1675 г. из Москвы отправлен в Китай послом Николай Спафарий. Он должен был вести в Пекине переговоры по поводу разграничения на Амуре и попытаться завязать торговые сношения. В наказе, данном Спафарию 25 февраля того же года, ему поручалось собрать подробные известия о Китае, а в докладной выписке, служащей дополнением к наказу, Спафарию сообщались о сопредельных странах (Японии, Формозе, Индии) кое-какие краткие сведения [2]), которые он должен был проверить на месте. О Японии здесь говорится:

«За Китайским государством на востоце во окияне море, от китайских рубежей верст с семьсот, лежит остров зело велик, именем Иапония. И в том острове большее богатство, нежели в Китайском государстве, обретается, руды серебряные и золотые и иные сокро-

---

[1]) Н. Н. Оглоблин, Две «сказки» Вл. Атласова об открытии Камчатки. Чтения в Общ. Ист. и Древн. Росс., Москва, 1891, кн. 3, отд. I, стр. 12. См. также в моей статье: Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука. Зап. по Гидрогр., II (1919), вып. 2, 1920, стр. 36 отт.

[2]) Как предполагает Ю. Арсеньев (Изв. Геогр. Общ., 1882, стр. 253), эти данные заимствованы из переводной Космографии Герарда Меркатора, которая была у нас в ходу в то время.

вища. И хотя обычай их и письмо тожде с китайским, однокожде они люди свирепии суть и того ради многих езувитов казнили, которые для проповедывания веры приезжали» [1]).

По возвращении в Москву, 5-го января 1678 г., Спафарий представил две книги: описание своего пути по Сибири до границ Китая и описание Китая. Последняя издана лишь в 1910 г. [2]). Здесь, в последней главе, VIII (стр. 199—202), мы находим «описание славного и великого острова Японского, и что при нем обретается».

Сведения об Японии частью получены Спафарием от иезуитов в Пекине, частью заимствованы из западно-европейских книг (встречаются ссылки и на «венецианца», т.-е. на Марко Поло). Описание, — в общем поверхностное — дает мало существенного и много баснословного.

О положении Японии здесь говорится следующее:

«Великой и славной остров Японской, как пишут китайские земеописатели и чертежи, начинается против устья Амура реки и простирается далеко против Китайского государства и для того иногда из Китайского государства в двои суток плавают в Японский остров. А от устья Амура сколь далеко стоит, того еще не ведомо, а кажется не очень далеко будет, потому что и иные острови меньшие видятся от усть Амура от берегу морского с гор, как о том видели в прежних летех казаки, которые зимовали на усть Амура». И далее: «А на устье реки Амура не только большие суды мочно делати, но и корабли большие. И мочно ходить в Китай и в Японский остров» [3]).

Вот самое существенное для московского правительства, что можно было извлечь из данных Спафария об Японии. Гораздо более обстоятельные сведения были получены через посредство Атласова.

Как мы видели, во время своего похода по Камчатке Атласов в 1698 году дошел на юг до реки Голыгиной или, как он ее назы-

[1]) Ю. В. Арсеньев, Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границу Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г. Зап. Геогр. Общ. по отделению Эти., X, в. 1, 1882, стр. 153.

[2]) Н. Г. Спафарій. Описаніе первыя части вселенныя именуемой Азіи, в ней же состоитъ Китайское государство съ прочими его городы и провинціи. Церковно-славянский текст по рукописи, принадлежащей Ф. Т. Васильеву. Казань, 1910, стр. VI+271, 4°.

[3]) Эти две последние цитаты взяты у Ю. Арсеньева, Известия Геогр. Об-ва, 1882, стр. 253, ибо текст рукописи казанского издания в соответственных местах (стр. 199, 202) сильно испорчен.

вает, *первой Курильской реки*. Это место лежит под 52° 10′ с. ш. 10 февраля 1701 г., в Москве, в Сибирском Приказе Атласов дал показание о своей деятельности на Камчатке, и здесь мы читаем следующее [1]):

«А против первой Курильской реки на море видел как бы острова есть, и иноземцы сказывают, что там острова есть, а на тех островах городы каменные и живут люди, а какие—про то иноземцы сказать не умеют. А с тех де островов к Курильским иноземцом приходит ценинная посуда и платье даб полосатых и пестрых китаек и лензовые азямы. И сказывали те курильские иноземцы, что де тое посуду и одежду дают им даром, а ни на что не покупают. А на чем с тех островов к курилам приходят—того иноземцы сказать не умеют. Да иноземцы ж сказывали, что в Камчадальской стороне повыше (реки) Камчатки к Каланской Бобровой реке приходят по вся годы бусы и берут у иноземцев нерпичей и каланской жир, а к ним что на бусах привозят ли, неведомо».

Следует иметь в виду, что «Курильскими иноземцами» Атласов именует не жителей Курильских островов, а обитателей южной оконечности Камчатки, к югу от рек Большой и Авачи. Как мы увидим далее, здешнее население представляло помесь между камчадалами и курильскими айнами, отчего и получило особое название.

Некоторые объяснения к вышеприведенным сведениям Атласова.

Цъни́на или *цени́на*—это старинное, местами употреблявшееся еще в XIX веке, название хорошей каменной посуды, т.-е. фаянса и фарфора. В древней Руси слово ценина означало полива, мурава [2]). В Москве, на углу Таганской площади и Гончарной улицы, была слобода, в которой жили «горшечники, муравленных и ценинных дел мастера».—*Даба*—это китайская хлопчатобумажная ткань.—*Азям*, это взятое с татарского слово, означающее сермягу или зипун. Что значит лензовый, мне не удалось разыскать.—Каланская или Бобровая река—это р. Озерная, вытекающая из Курильского озера. *Калан*—это камчатское название морского бобра, Latax lutris.—*Нерпа*—это тюлень. *Буса*—это древний судовой термин, применявшийся на севере для обозначения довольно крупных судов, немецких

[1]) Оглоблин, Чтения, 1891, кн. 3, стр. 16.

[2]) И. И. Срезневский, Матер. для словаря древне-русского языка. III, СПБ. 1909, стр. 1439. Происходит ли слово ценинный от цена, как полагает Даль, представляется мне сомнительным.

и шведских. Слово буса—германского происхождения: bussa у скандинавов [1]).

Фарфоровая посуда и платье, о которых рассказывали курильские иноземцы, могли происходить только из *Японии*. С этой страной обитатели южной Камчатки были по наслышке знакомы, во-первых, через посредство курильцев (т.-е., жителей Курильских островов), ходивших на Камчатку на судах для торговли, а во-вторых, от самих японцев, которых иногда бурей прибивало к берегам Камчатки. Об одном из таких случаев, положившем начало ознакомлению России с Японией, мы и расскажем.

Во время своего похода 1697—99 г.г. Атласов, в бытность на р. Иче, узнал, что у камчадалов на р. «Нане» имеется пленник, которого они называли «русаком». Пятидесятник велел привести его. Оказалось, что тот «полоненик» «Узакинского государства, а то де государство под Индейским царством» [2]). Это был японец из города *Осака* на острове Хондо или Ниппон. Он жил на Камчатке у «иноземцев» уже два года, и Атласов объяснялся с ним через посредство коряцкого толмача. Впоследствии японец, живя два года у Атласова, выучился и по-русски.

Пленник рассказал Атласову, что шли они из «Узакинского государства» в «Индею» на 12 бусах, т.-е. больших лодках. «Индия»—это на самом деле японский город Иеддо или Токио, название которого на диалекте жителей города Осака, как сообщил мне С. Г. Елисеев, звучит Ендо. На бусах японцы имели товары, хлеб, вино и «всякую ценинную посуду». Во время бури на одной бусе сломалась мачта, и судно носило по морю шесть месяцев, пока не выкинуло на берег Камчатки. По словам Миллера [3]), это случилось при устье реки Опалы, что впадает в Охотское море южнее Большой.

Из двенадцати японцев, бывших на бусе, троих взяли в плен «Курильского народа мужики», а остальные угребли вперед неизвестно куда. Товарищи рассказчика умерли в плену у курильцев, от непривычной пищи: «кормятца де они курила гнилою рыбою и кореньем» [4]). Себя японец называл «индейцем» (очевидно, по имени столичного

---

[1]) Н. Загоскин, Русские водные пути и судовое дело в допетровской Руси. Казань, 1909 (Матер. для опис. русск. рек, XVI), стр. 397—398.

[2]) Чтения, 1891, кн. 3, стр. 9.

[3]) Сочин. и Перев., 1758, I, стр. 292—3.

[4]) Чтения, 1891, кн. 3, стр. 9.

города Ендо, т.-е. Токио), а про свою страну рассказал, что в их земле «палаты ценные, а у царя де индейского (т.-е., в Токио) палаты сребряны и вызолочены». Далее Атласов передает, что у курильских иноземцев «взял он Володимер сребряную копейку, весом блиско золотника, а полоненик называл ее *индейскою* копейкою». Русским «индеец» очень обрадовался и, увидев «образ божий, зело плакал и говорил, что и у них такие образы есть же». Наружность японца Атласов весьма метко описывает такими словами: «а подобием кабы гречанин: сухощав, ус невелик, волосом чери». «А нравом тот полоненик гораздо вежлив и разумен», в противоположность сибирским иноземцам, у которых «учливости никакой нет,—люди худые, чистоты никакой не имеют» [1]). Про себя японец рассказывал, что «он по своему грамоте умеет и был подъячим». С собой он имел книгу «индейским письмом», которую Атласов взял у него и привез в Якутск. Пленника Атласов отнял у туземцев и содержал вместе со служилыми людьми на р. Иче (впадающей в Охотское море), а затем все вместе пошли в Анадырское зимовье, куда прибыли 2 июля 1699 года.

Отсюда Атласов с служилыми людьми, государевой казной и полоняником отправились в Якутск. Японец шел на лыжах пять дней, но у него стали пухнуть ноги, «потому что ему на лыжах ход не за обычей», так что пришлось отправить его обратно в Анадырск. Встретив по дороге приказчика Поспикова, Атласов наказал ему полоняника по выздоровлении отправить немедля в Якутск с служилыми

---

[1]) К р а ш е н и н н и к о в (II, стр. 15) так рассказывает о нечистоплотности камчадалов: «В житье гнусны, никакой чистоты не наблюдают, лица и рук не умывают, ногтей не обрезают, едят из одной посуды с собаками и никогда ее не моют, все вообще пахнут рыбою, как гагары; волосов на голове не чешут, но расплетают на две косы как мужчины, так и женщины». Далее Крашенинников говорит, что камчадалы едят вшей (II, стр. 15; I, 349), «но будучи от казаков за то бранены, а иногда и биты, многие ныне того опасаются, однако мне сию мерзость случалось видеть». Срав. по этому поводу то, что сообщает Г. Ц. Ц ы б и к о в (Буддист-паломник у святынь Тибета, II. 1918, стр. 177, изд. Геогр. Об-ва) о тибетцах: они не стесняются в присутствии других отыскивать в своей одежде вшей и давить их зубами. «Не раз видел я, говорит он, как женщина, отыскав вошь в волосах другой, передавала ее собственнице, которая клала ее в рот». Ю. К у ш е л е в с к и й (Северный полюс и земля Ямал. СПБ. 1868) подробно описывает, как самоедки на севере Тобольской губ. едят вшей и не находят их противными. Ср. упоминание Г е р о д о т а (IV, 109) о живших на севере России будинах-вшеедах.

людьми и дал приказчику 35 лисиц красных, «чем тому полоненику дорогою наймывать под себя подводы» [1]).

Японец—его звали Денбей—был действительно в конце 1701 года доставлен в Москву и 8 января 1702 г. представлен в Преображенском Петру [2]). Это был первый японец в России. Петр велел обучать его русской грамоте, «а как он русскому языку и грамоте навыкнет, и ему, Денбею, дать в научение из руских робят человека три или четыре—учить их японскому языку и грамоте». Затем Петр приказал «его, иноземца, утешать»: когда он подучит русских робят японскому языку, его отпустят в Японскую землю [3]). Это обещание не было, однако, выполнено: в 1710 г. Денбей бил челом Петру об отпуске в свою землю, но царь не позволил и велел японца окрестить. При крещении его нарекли Гавриилом [4]).

В своей «скаске», данной в Москве в Сибирском Приказе в первых числах января 1702 г., Денбей сообщил любопытнейшие сведения о своем плавании, о Камчатке и о Японии, сведения, которые мы здесь приводим для сравнения с рассказом Атласова.

Снимавший показания японца в самом начале отметил, что «полоненик говорит немного поруски». Судя по содержанию рассказа, Денбей говорил довольно недурно по-русски. Но попадаются и несообразности, которые нужно, несомненно, отнести за счет взаимного непонимания. Так, например, японец сообщил: «С Японского острова в Китай сухой и морской путь есть, и он Денбей, в Китаях сухим путем и морем бывал в *китайских* городех, которых по их японскому языку называют: Акитай, Квота, Нощро, Тонга, Фиага». Все эти города не китайские, а японские. Акитай, например, это Акита, на северо-западном берегу острова Нипон (Хондо), Квота—Киото, Нощро—Ноширо, к северу от Киото, Фиага—это Хиого близ Кобе и т. д. Без сомнения, Денбей был введен в заблуждение созвучием слов Китай и Акита; все, что он рассказывает о китайцах, подходит именно к жителям северо-западной части Хондо. По крайней мере, он сам говорит: «А китайцов де у них с японцами считают за одних людей, потому что у них идолопоклонение и язык

---

[1]) Н. Оглоблин, там же, стр. 8—9, 10—11, 17.

[2]) Н. Оглоблин, Первый японец в России 1701—1705 г. г. Русская Старина, 1891, октябрь, стр. 11—24.

[3]) Русск. Стар., 1891, окт., стр. 16.

[4]) Русск. Стар., 1891, ноябрь, стр. 464.

и письмо и обычаи одни, а те ли де китайцы, куды русские люди с караваны ходят или иные—про то он не ведает... И китайцы к ним морем и сухим путем приезжают, а с собою привозят китайские товары—пшено, железо, доски корабельные, кость рыбью и мамонтовую. А они, японцы, им, китайцам, продают: бумагу хлопчатую, камки, китайки, золото, серебро».

Таким образом, смелое предположение Оглоблина, что Япония около 1700 г. была соединена перешейком с материком, отпадает.

После этих замечаний переходим к рассказу японца. Родом он был из «Японского острова города Осакка», т.-е. из большого торгового города (второго по населению после столицы) Осака, где отец его был купцом. Денбей тоже служил у одного торгового человека, следовательно, был приказчиком, а не «подъячим», как неправильно понял Атласов. Имел жену и двоих детей. Однажды зимою он был отправлен морем в город Енду, т.-е. Иеддо (Токио), «который стоит на взморье, расстоянием от Асакка с 700 верст». Всего было 30 «бус», судов длиною по 15 сажен. На бусе Денбея было 15 человек экипажу. «А товары с ними были: пшено сорочинское (т.-е. рис) да вино пшоное, (т.-е. рисовая водка, саки), да камки и китайки, бумага хлопчатая, сахар белый—мелкой, что мука, и леденец, да древо сандал, да железо, для мены на шолк и на дощатое железо, и на полотна крапивные, и на золото и на серебро, для того что де серебро и золото печатают только в двух городех—Меаке (Миако или Киото) и в Енде, и владетель их в тех двух городех переезжая живет». В море флотилию разнесло бурей, судно Денбея отнесло западным ветром на восток и носило ветром 28 недель; чтобы не погибнуть, пришлось срубить мачту вместе с парусами, при чем потонуло два человека. «А в том судне была с ними пресная вода взята из Осакка города, и той воды стало им на два месяца, а как воды не стало, тогда они пшено (т.-е. рис) варили в вине, и то вино выцедя, подсычивали пшено сахаром леденцом и понемногу питались». Когда ветер утих, по «матошнику» (компасу) убедились, что их унесло далеко в море. Нашли в море плавучее дерево, укрепили его вместо мачты, а паруса сшили из камки.

«И теми парусами принесло их к Курильской земле (т.-е. к южной Камчатке), и они, увидя реку, пошли тою рекою вверх и дошли до курильского народу. И от тех курильских народов пришел к ним один человек и он де, Денбей, с товарищи своими, хотя уведомитца, стали для познавания земель и языка писать на бумаге, и то письмо

отдали тому курилу, чтоб он также по своему языку написал. И курил де тое бумагу положил в пазуху, потому что де камчадальские и курильские земли у народов никакого письма нет, и пошел от них прочь. А на утро де пришло их в 4 лодках человек с 20 и, посмотря на них, пошли прочь. А в ночи де пришло их в 40 лодках человек с 200 и почали на судно по них Денбею с товарищи стрелять из луков и топорами каменными и костяными судно их рубить и его, Денбея, из лука у левые руки по персту ранили. И они де, Денбей с товарищи, видя их многолюдство, стали из судна выносить камки и китайки, и железо, и отдавать им, чтобы их не убили. И курильские де люди те камки и китайки и железо у них взяли. А пшено и сахар нюхали и что запаху никакова оттого нет, також и вино, которого с ними было с 500 бочек, понюхав бочки рассекли и пометали то пшено и сахар и вино вылили в воду. А бочки оставили себе класть рыбу, для того, что де в Курильской и Камчадальской земле никакой посуды у иноземцев нет. А рыбу кладут в ямы, а поверх покрывают деревьем и травою, и та рыба вся измыловеет, и они тое рыбу кладут в корыта и наливают водою и разогревают горячим каменьем, да к тому прибавливают грибов-мухоморов, и то пьют, и гостей свою братью подчивают, и бывают оттого пьяны. А он де с товарищи Денбей того их питья пить не могли, а ели коренье и рыбу, которая не больно залежалась» [1]).

На судне у Денбея было два ящика небольших японских золотых монет, «которые называют пчим». Курильцы взяли этих золотых «два ящика, пуда по два, и тех золотых они, камчадальские народы не знают—роздали играть детям своим».

То, что Денбей рассказывает об употреблении камчадалами мухомора, потверждает и Крашенинников. Вот, что говорит этот наблюдательный путешественник [2]):

«Иногда употребляют (камчадалы) для веселья и мухомор известной оной гриб, которым у нас обыкновенно мух морят. Мочат его в кипрейном сусле и пьют оное сусло, или и сухие грибы свернув трубкою целиком глотают, которой способ в большом употреблении. Первой и обыкновенной знак, по чему усмотреть можно человека, что его мухомор разнимает, дергание членов, которое по прошествии часа или меньше последует, потом пьяные как в огневой (т.-е. в горячке)

[1]) Оглоблин, Русская Старина, 1891, октябрь, стр. 20.

[2]) Крашенинников, II, 1755, стр. 108—110.—См. также Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, 1774, p. 92—93.

бредят; и представляются им различные привидения страшные или веселые, по разности темпераментов: чего ради иные скачут, иные пляшут, иные плачут, и в великом ужасе находятся, иным скважины большими дверьми, и лошка воды морем кажется. Но сие о тех разуметь должно, которые чрез меру его употребляют, а которые немного, те чувствуют в себе чрезвычайную легкость, веселие, отвагу и бодрость, так как сказывают о Турках, когда они опия наедаются». «Камчадалы и Сидячие Коряки едят мухомор и тогда, когда убить кого намеряются. В протчем у Сидячих Коряк мухомор в такой чести, что пьяному не дают мочиться на пол, но подставляют посуду, и мочу его выпивают, от чего также бесятся, как и те, кои гриб ели; ибо они мухомор получают у Камчадалов, а в их сторонах не родится. Умеренное употребление четыре гриба или меньше, а для пьянства едят до десяти грибов».

Об употреблении мухомора в качестве опьяняющего средства подробно говорит В. Богораз в своем труде о чукчах [1]). Он подтверждает, что самыми страстными потребителями этого гриба являются коряки. Обычной порцией является три гриба; симптомы отравления— такие же, как при употреблении опия или гашиша,—являются через четверть часа после принятия. Первая стадия отравления сказывается в приятном возбуждении, приливе энергии, веселости и часто смехе без видимых причин. В течение второй стадии, обнаруживающейся очень скоро, «пьяница» видит духов мухомора, слышит голоса и проделывает разные несообразные вещи,—все предметы кажутся ему в увеличенном виде: так, например, рукоятка ножа представляется ему величиной с дерево. Во время третьей стадии потребитель мухомора теряет сознание и погружается в крепкий сон, длящийся несколько часов. Богораз подтверждает, что питье мочи от человека, наевшегося мухомора, производит приблизительно такое же действие, что и употребление самого мухомора, и за недостатком гриба чукчи прибегают к этому средству.

Продолжаем повествование японца.

«Да и оне ж курильские люди двух человек из них, которые будучи на судне на море от великих слез ослепли, убили до смерти. А ево де, Денбея, взял один человек и свез на Камчатку реку. А товарищи ево 10 человек остались у тех курилов». До приезда Атласова Денбей

[1]) W. Bogoras, The Chukchee. Leyden and New York, 1909, p. 205—207.

прожил на р. Камчатке около году. Когда он научился немного понимать по-камчадальски, он от туземцев узнал, что к Курильской земле приходили люди на бусах и забрали десять его товарищей, «а их ли Японские земли или Китайские люди были, про то он не ведает». Возможно, что это были курилы с дальних Курильских островов.

«А как Володимер Атласов с казаками в Камчадальскую землю пришли, и он де Денбей, видя у них в естьах чистоту, приехал к ним, чтоб ево от голоду не покинули».

О Японии Денбей сообщил, между прочим, следующее: «А снег бывает у них в двух месяцах—в одном три дни, в другом два дни, как ветр будет с полунощную страну и того снегу нанесет малое число, толщиною на перст, и тогож дня стает, а морозов не бывает, только бывают ветры студеные три месяца. А дожди зимою и летом у них бывают. А большой день 12 часов, меньшой по 7 и по 8 часов, а середи лета солнце бывает над самым теменем и зело бывает жарко». Последние данные для тогдашней Японии, обнимавшей острова Нипон, Сикоку и Киусиу и южную часть Иезо и простиравшейся от 31° до 42° с. ш., конечно, неверны. Родина Денбея, Осака, лежит над $35^1/_2$° с. ш. Малоснежные зимы бывают только на восточных берегах, на западных же местами снеговой покров достигает, как правило, не менее сажени толщины.

«А скот у них быки, лошади, свиньи (?), овцы (?), и тех скотов они не едят, а едят гусей, уток, кур русских, и индейских жаравлей, да по их языку птица кужаку—величиною с быка, перье белое, хвост черный, ноги красные, да рыбы большие саженi по две, кои живут в море, а в озере их живут караси, а в реках рыбы не бывают, потому что де вода зело тепла. Да в мореж ловят мелкую рыбу—подобна вологоцким нельмушкам. Да ягоды, сладкие и кислые, и яблока родятся, да пшено сорочинское, а иногда пшено сорочинское привозят из Китай к ним на продажу». Под именем «индейских жаравлей» надо подразумевать японских журавлей (Grus japonensis), которых японцы держат во дворах, а «кужаку»—это японский аист, Ciconia boyciana, распространенный в Японии, Корее, северном Китае и Уссурийском крае [1]). Реки южной Японии действительно небогаты промысловыми рыбами. Вологодская нельмушка есть сиг (Coregonus); это сравнение принадле-

[1]) Теперь *кудзяку* есть название павлина (С. Г. Елисеев).

жит, конечно, снимавшему допрос, и какая морская рыба Японии имеется в виду, сказать невозможно.

«А посуда де у них серебряная и медная и ценинная [1]). А ценинную посуду делают у них из морских раковин: толкут их намелко и мешают с глиною, и держат в земле многие годы, и из того те ценинные посуды делают». «А платье у них в Японской земле носят камчатные и китайчетые, а зимою стежное на бумаге». «А в их де земле пушечки есть маленькие—по аршину и по $1^1/_2$ аршина, и порох есть же, а делают тот порох в их же земле». «А у воинов их японских оружие—мушкеты, копья, сабли. А начальные люди носят по 2 сабли. Только де у них войны никакие ни с кем не бывает. А около городов их стены каменные из большого дикого камени; стены толщиною аршин по пяти, в вышину сажен по десяти. А домы у них делают: ставят деревянные столбы высокие, столб от столба по аршину, и землю с водою разбивая и примешивая к ней сена [2]), меж тех столбов кладут толщиною в аршин и в полтора, слоями, а меж слоев кладут железо (?) и веревками утягивают и убивают накрепко. Также и божницы делают, и покрывают те домы и божницы железом, а иные медью, а иные серебром и золотом. А у царя [3]) де их и у патриарха [4]) домы и начальная божница покрыта золотом».

«Да он же, Денбей, сказал: вера де у них с китайцы [5]) одна—поклоняются идолом, которых у них златых, и серебряных, и медных, и железных, и древяных многое число, разными образцы. И он, Денбей, описательные книги Японского острова на цесарском языке в лицах, смотря сказал: городы де Японского царства Миако, Осакка, Ендо, как оне стоят в лицах в той книге—написаны сходно. И идолы человеческими и змеными и зверскими и иными разными воображеньями, которым оне поклоняютея и вместо богов почитают, и божницы и иное строение, что в той книге в лицах написано—в их земле есть против той книги сходно.

«А про господа бога, создателя неба и земли, он, Денбей, спрашивал: в него они веруют ли и где ево исповедают? И против того он сказал: создатель де неба и земли живет год на земле, а год на небеси,

---

[1]) О значении слова ценинный см. выше на стр. 25.

[2]) Собственно—соломы из риса.

[3]) Т.-е. сногуна.

[4]) Т.-е. императора.

[5]) Срав. сказанное выше о «китайцах» Денбея.

только де они его не знают, а своих де богов называют они разными имяны: Амидаками [1]). Токи. Хачимам [2]) и т. д.».

Денбея спрашивали также о представителях других религий в Японии, на что он ответил: «Езуитов и попов немецких в городех японских нет, а есть ли де или нет в Нангасаке городе—того он не ведает. И креста христова у них нет же, и иных никаких вер они, японцы, не принимают и быть иным верам не велят».

«А в Японской де земле владетель их или царь, которому имя Кубо-Сама [3]), да вподобие патриарха Дайро-Сама [4]), да меньше того Дайра властью Кинчю-Сама [5]), живут во граде Миаке, а иное царь их переезжая живет в городе Енде».

«А в иные де земли они, японцы не ходят, а в Японскую де землю приходят к ним кораблями немцы, с сукнами и с иными товары, в город Нангасаки, и в том городе многие немцы домами живут, а в иные городы Японские немец и никого чюжеземцов торговать не пущают, а для чего—про то он не ведает».

«А в их Японской земле считают оне в году по 12-ти, а в ином году по 13-ти месяцов, а в месяцах по 4 недели, а в месяце по 28-ми, а в иных по 29-ти дней. А год починается у них зимою».

«А деньги у них медные называют *жени* [6]), подобны русским медным денешкам округлостью и толщиною, да серебреные деньги, которые называют у них *гин*, весом блиско московского золотника, а такую копейку привез к Москве Володимер Отласов. А медных денег на серебряную копейку дают по 50-ти. Да у них же есть золотые, шириною против еёнмка, толщиною против московской медной деньги, которые называют у них *кованы* [7]), а за тот золотой серебряных их денег дают по 40 копеек. А иные золотые большие—шириною вершка в два, которые называют *убан* [8]), а дают за них по 4 кована. А иные

---

[1]) Амида—это Будда (С. Г. Елисеев).

[2]) Хациман—бог войны (С. Г. Елисеев).

[3]) Кубо-сама—народное название сногуна (С. Г. Елисеев).

[4]) Дайри-сама—народное название императора (С. Г. Елисеев).

[5]) Повидимому,—придворная знать, так как *кинтю* значит дворец (С. Г. Елисеев).

[6]) Зэни (С. Г. Елисеев).

[7]) Кобан (С. Г. Е.).

[8]) Ообан (С. Г. Е.).

золотые есть меньшие, которые называют *ичим* [1]), за которые дают серебряных по 10 копеек».

«А родится де у них золото, серебро и делают камки и китайки, а жемчюгу и каменья дорогова у них нет, потому что де у них жемчюгу и каменья никто не носит».

В 1710 г. к северу от Авачинской губы снова выбросило на берег судно, на котором было десять человек японцев. Четырех камчадалы убили, а прочих взяли в плен, но из них некоторых казаки отбили. Живя в камчатских острогах, двое японцев выучились немного говорить по-русски и сообщили казакам кое-какие сведения о Курильских островах и о Японии. По их словам, государство их называется *Эдо*,—очевидно, имеется в виду Иеддо или Токио. «А около того их государства стоят семь городов», один близ другого. «А стоит де их государство против Камчацкого Носу (т.-е. мыса Лопатки) на Пежинском (т.-е. Охотском) море, на острову. А сказывают, в своем государстве и в городех золото и серебро родитца, камки и китайки и дабы делают» [2]).

Одного из пленных японцев, именем Санима, в 1714 г. привезли в Петербург. От него несомненно были получены кое-какие сведения об Японии, вызвавшие в Петербурге интерес к этой стране.

Ганноверский резидент Вебер передает, что фельдцейхмейстер Брюс в 1716 г. сообщил ему следующее [3]). Он, Брюс, получил «два года тому назад» от царя приказание написать в Нерчинск о том, чтобы были посланы «к самым дальним границам России» двое людей для проведывания земель в море. Это было исполнено. Люди, совершенно незнакомые с морским делом, шли несколько недель вдоль берега; наконец, на расстоянии двух миль, увидели остров, куда и переправились; на обратном пути с острова они погибли во время бури, и их товарищи, оставшиеся на берегу, не могли узнать, что те нашли. Брюс, полагавший, что Япония очень близка к России, склонен был думать, что и вышеупомянутый остров принадлежал к Японии.

---

[1]) От народного слова *итимай*, которое употреблялось для золотых монет, равных 7 ре 2 бу, или для серебряных, равных 43 моммэ (С. Г. Елисеев).

[2]) Пам. Спб. Ист., I, стр. 478—479.

[3]) (W e b e r). Das veränderte Russland. Th. I, Francfurth und Leipzig, 1738, p. 220.

Рассказ Вебера мало вразумителен. Не сообщено даже, откуда отплыли упомянутые люди. Год отправления тоже неизвестен. Поводом к сообщению Вебера могло быть следующее. Петр I неоднократно делал распоряжения о посылке людей для проведывания островов на севере и востоке, и мы имеем об этом несколько свидетельств. Приведем одно из них.

В 1714 г. якутский воевода Яков Елчин на допросе узнал следующее. В 1712 г. боярский сын Василий Игнатьев посылал, по указу великого государя, десять казаков из Удского острога для проведывания морских островов. Построив на Уде две лодки, казаки поплыли по Уде к морю, а от устья Уды шли по морю подле материй земли до реки Тугура семь недель. Здесь зазимовали. В мае следующего года шли берегом дальше в течение четырех недель, пока «с мысу» не увидели остров. Перегребли туда часа в три; переночевав на нем, погребли на другой, а затем на третий. На этом острове пять человек прожили целый год, промышляя соболя. Двое из казаков померли, а прочие в июне 1714 года на одном шитике вышли по направлению к Удскому острогу, куда и прибыли в скором времени [1]). Речь здесь идет о посещении Шантарских островов, и, надо думать, этот эпизод и был рассказан Брюсом Веберу.

Тот же Вебер [2]) сообщает, что в 1716 г. два купца предложили сенату организовать торговлю с Японией и Остиндией по следующему маршруту: Архангельск, Сев. Двина, Тавда (приток Тобола), Иртыш, Обь, Кеть, Енисей, Ангара, Байкал, Шилка, Амур, Восточный океан. Осуществление этого предприятия, продолжает Вебер, сделало бы излишним попытки найти путь мимо Новой Земли.

В июле 1729 г. к камчатскому берегу между Лопаткой и Авачой снова занесло японское судно, на котором находилось 17 человек. Судно было гружено сарачинским пшеном, т.-е. рисом, затем камкой, полотном, писчей бумагой и другими товарами. Оно шло из японской провинции Сатцума, расположенной на западе острова Киу-сиу, в Осаку. По пути приключилась буря, и судно носило в море шесть месяцев, с ноября по июнь. Экипаж был вынужден побросать товары в воду и срубить мачту.

---

[1]) Памятн. Спб. Ист., II, 1885, стр. 47—50.

[2]) W e b e r, l. c., p. 219—220.

Принесенные к берегам Камчатки японцы вывезли на берег вещи и временно оставались при них, пока, на 23-й день не были обнаружены казачьим пятидесятником Андреем Штинниковым и камчадалами. Сначала Штинников обходился с потерпевшими крушение дружески, но потом японцы обнаружили, что он, вместе с камчадалами, разбирает их судно, стоявшее верст за 30 от лагеря, и расхищает железо. Видя это, японцы пытались уйти в море на шлюпке, но Штинников послал за ними камчадалов с поручением нагнать беглецов и перебить их. Часть японцев была убита стрелами, другие переколоты копьями или зарублены саблями, которые они же подарили Штинникову; некоторые утонули, побросавшись в воду. Остались в живых только двое: раненый в руку одиннадцатилетний Гонза, взятый отцом на судно для обучения морскому делу, и взрослый Соза, вытащенный из воды.

Вместе с обоими пленными японцами и с награбленными вещами Штинников отправился в Верхнекамчатск. Когда обо всем этом узнал приказчик Новгородов, он распорядился Штинникова посадить в тюрьму (впоследствии он был повешен), японцев выпустил на свободу, а о всем случившемся донес в Анадырск Павлуцкому [1]). Этот последний приказал отправить японцев в Якутск, что и исполнено в 1731 году. Оттуда, через Тобольск и Москву, они, в 1734 году, прибыли в Петербург, где вскоре представлены императрице Анне Иоанновне. В том же году оба были окрещены, при чем Соза наречен Козмою Шульцем, а Гонза—Дамианом Поморцевым.

Японцам было поручено обучать при Академии Наук русских японскому языку. Младший, Поморцев, был человек способный: он хорошо выучился по-русски и с успехом выполнял порученное ему дело. К сожалению, он уже в 1739 году скончался, имея 21 год от роду (старший же умер в 1736 году 43-х лет).

В библиотеке Академии Наук сохраняются рукописи учебников, составленных Поморцевым под руководством академического библио-

[1]) Было бы ошибочно думать, что Новгородов действовал так под влиянием человеколюбивых чувств: это был прославленный взяточник и грабитель. Как выяснилось впоследствии на следствии, он вскоре освободил Штинникова, получив от него известное количество японских вещей. Невероятные грабежи, какие позволял себе Новгородов, были одной из причин восстания камчадалов в 1731 году. Назначенный для следствия о камчатском бунте майор Василий Мерлин приговорил Новгородова за поборы, а Штинникова за убийство японцев к повешению, что и приведено в исполнение (Сгибнев, Мор. Сборн., 1869, № 4, стр. 133).

текаря Богданова. Они носят названия: 1) вокабулы и дружеские разговоры, 2) грамматика, 3) Orbis pictus или свет в лицах. Писаны русскими буквами, ибо Поморцев был по-японски неграмотен. По словам Миллера, от японцев «выведаны и записаны» разные сведения о Японии, но судьба этих записей мне неизвестна [1]).

После смерти японцев, с их лиц были сделаны слепки, которые хранились в Академии Наук [2]).

[1]) О дальнейших попытках устройства в России школ японского языка см. у А. Сгибнева, Об обучении в России японскому языку. Морск. Сборн., 1868, № 12, стр. 55—61.

[2]) Теперь японских масок в Этнографическом Музее Академии нет; повидимому, они сгорели.

Об истории с японцами, потерпевшими крушение в 1739 г., можно найти сведения у Крашенинникова, II, 1755, стр. 222—224.—Миллер, Сочин. и Перев. 1758, I, стр. 397—400.—В. Бартольд, История изучения востока в Европе и в России. СПБ., 1911, стр. 176—177.

III. Первые сведения о Курильских островах.

1. В начале второй главы уже было указано, что первыми сведениями о Курильских островах мы обязаны А т л а с о в у [1]). Сам он на островах не был, но с реки Голыгиной, под 52° 10′ с. ш., мог видеть самый северный из островов, именно—Аланд, на котором расположен вулкан того же имени. Аланд—самый высокий из Курильских островов: его высота 7640 футов. Раньше вулкан извергал пламя и беспрестанно дымился, но после сильного землетрясения 1778 года погас и теперь только временами курится. Согласно лоции в ясную погоду Аланд открывается за сто морских миль[2]). Хотя до устья реки Большой, лежащей к северу от Голыгиной, даже больше ста миль, местные источники говорят, что оттуда Аланд бывает виден [3]). Таким образом Атласов не только собрал расспросные сведения о Курильских островах, но, без сомнения, первый из русских видел один из них.

Название *курилы* было заимствовано казаками, по словам Крашенинникова [4]), от камчадалов, которые называли обитателей южной оконечности Камчатки *кушин (куши)* или *кужин*. Такое словопроизводство может показаться странным; однако, казаки камчадальское слово *баюсабаюс*, что значит травяной шалаш, переделали в барабар, барабора [5]).

[1]) Самые южные из Курильских островов усмотрены еще в 1643 г. голландцами. Об этом подробно рассказывается ниже, в главе V.

[2]) Лоция сев.-зап. части Восточного океана. III, СПБ., 1905, стр. 243—244.

[3]) Г. М и л л е р, Сочин. и Перев., 1758, I, стр. 304 (здесь Аланд называется курильским именем Уякуква, правильнее Уякужач, что значит высокий). — К р а ш е н и н н и к о в, I, 1755, стр. 108. — А. П о л о н с к и й, Курилы. Зап. Геогр. Общ. по отд. Эти., IV. 1871, стр. 423—424.

[4]) II, стр. 4, 5, I, стр. 103—120. «Звание Курильских островов произошло от жителей ближайших островов к Камчатке, которые от тамошних народов *Куши*, а от Росспян Курилами называются» (стр. 103).

[5]) К р а ш е н и н н и к о в, II, стр. 29.

Затем по словам Миллера [1]) ему передавали, что как большерецкие курилы, так и камчадалы называют настоящих курилов Kuride. На языке же курилов, или айнов, *кур* или *куру* значит «человек» [2]). По любезному сообщению В. Г. Богораза, *курси* по-камчадальски значит «живущие на юге» или «тамошние» [3]). Упомянутый исследователь подтвердил предположение о возможности перехода «кужи» в «курилы» в устах камчатских казаков. По всем этим основаниям, обычное со времен Головнина (1816) мнение, что Курильские острова прозваны так за «курящиеся вулканы», неправильно: они несут свое имя от народа курильцев. Шренк (стр. 132) сообщает, что и гиляки, как сахалинские, так и материковые, называют айнов (т.-е. тех же курильцев) *куеи*. Один японский автор, писавший в 1720 г., передает, что айны, или курильцы, называли Курильские острова *Куру-миси*, т.-е. людская земля. У китайцев и манджуров, которые о сахалинских айнах получили сведения от гиляков, айны были известны под именем *куъ* [4]).

2. В 1706 г. приказчик Василий Колесов посылал в «Курильскую землю», т.-е. в самую южную часть Камчатского полуострова. Михайлу Наседкина, «для умирительства на немирных иноземцов». Наседкин шел в указанное ему место на собаках, прошел от Курильского острога до Носа, т.-е. до мыса Лопатки, и убедился, что за Носом, «за переливами», *видна в море земля*, «а проведать де той земли не на чем, судов морских и судовых припасов нет и взять негде. потому что де лесу близко нет и снастей и якорей взять негде» [5]). О том еще в 1706 г. писал в Якутск приказчик Василий Колесов [6]). Встречающееся нередко указание, что Курильские острова впервые видел Колесов, неправильно: он на Лопатке не был, а посылал туда людей, о чем он сам и сообщал.

3. Когда в Якутске узнали об островах, лежащих за мысом Лопаткой, казачьему десятнику Василию Савостьянову, назначенному на Камчатку, был послан (9 сентября 1710 года) наказ «поделав суды какие

[1]) G. Müller in Steller, Kamtschatka, 1774, прилож., p. 20.

[2]) Л. Шренк, Об инородцах Амурского края. СПБ. I, 1883, стр. 132.

[3]) Вероятно, народное (камчадальское) осмысление слова, заимствованного от курильцев.

[4]) Шренк, l. c., стр. 132—133.

[5]) Пам. Спб. Ист., II, стр. 502—503; ср. также: I, стр. 422, 461—462.

[6]) Пам. Спб. Ист., I, стр. 422.

прилично, за перелевами (проливами) на море земли и людей всякими мерами, как можно, проведывать», людей приводить в подданство, собирать с них ясак «с великим радением» и «той земле учинить особый чертеж» [1]). Это поручение было исполнено в следующем году.

В августе 1711 г. Данила Анцыферов и Иван Козыревской, желая загладить свою вину (они участвовали в бунте на Камчатке), ходили с Большой реки до мыса Лопатки («Камчадальского Носу»), а отсюда на малых судах и байдарах на первый Курильский остров [2]), или *Шумшу*. Остров этот, как теперь известно, имеет около 30 верст в длину.

Миллер говорит, что настоящие курилы живут на 2-м и прочих островах, но что на Камчатке называют курилами также камчадалов, обитающих к югу от Большой реки; эти «курилы» и обитатели первого Курильского острова — один народ, отличающийся лишь незначительно по языку от прочих камчадалов [3]). Это же подтверждает и Полонский [4]). От камчадалов русские еще при первом знакомстве с Камчаткой узнали, что курильцы *(куш, кужин)* делятся на ближних и дальних. *Ближние*—жили на южной оконечности Камчатки, к югу от параллели реки Авачи и Большой на так называемой Курильской землице, и на первых двух Курильских островах. При этом, курильцы материка и первого острова представляли собою помесь между камчадалами и настоящими курильцами; от камчадалов они несколько отличались языком, обычаями и внешним видом. От этих курильцев получило свое имя Курильское озеро в южной Камчатке и мыс Курильская Лопатка. Жители второго острова, или Парамушира, были настоящие курилы, переселенцы с дальних островов. *Дальние* курильцы, с которыми русские познакомились впервые по рассказам японцев, потерпевших крушение у берегов Камчатки, а также по отдельным заезжим курильцам-торговцам, назывались *мохнатыми*, за их—характерный для всех айнов—густой

[1]) Пам. Спб. Ист., I, стр. 422.

[2]) Сочин. и Перев., 1758, I, стр. 297.—Пам. Спб. Ист., I, стр. 462—463; II, стр. 536.

[3]) Сочин. и Перев., 1758, I, стр. 297—298; см. также Крашенинников, I, 1755, стр. 104—105.

[4]) А. Полонский, Курилы. Зап. Геогр. Общ. по отд. Эт., IV, 1871, стр. 374—376.

волосяной покров. Попытки подчинить мохнатых начались со стороны России лишь с 1768 г.

На первом острове (т.-е. Шумшу) Анцыферов и Козыревский имели бой с «курильскими мужиками», которые, как оказалось, «к бою ратному досужи и из всех иноземцов бойчивее, которые живут от Анандырского по Камчатскому Носу». Но это вряд ли соответствует истине: курильцев изображают, как народ покорный, робкий и вялый. Это единодушный отзыв Тихменева, Полонского и Сноу. Убивши человек десять туземцев и многих ранив, казаки, тем не менее, ясаку взять не могли, ибо «на том их острову соболей и лисиц не живет и бобрового промыслу и привалу не бывает и промышляют они нерпу; а одежду на себе имеют от нерпичьих кож и от птичьего перья». Отсюда направились к другому острову, где живут иноземцы *Езовитяне*, т.-е., как объясняет Миллер, «*курилы*, по японскому называемые *езо*».

Иезо, или правильнее Эзо, есть старое название острова Хоккандо. Первоначально термином *эзо* японцы обозначали всех «северных дикарей» или варваров, не подчинявшихся власти японского императора. Поэтому старые писатели прилагали это наименование ко всем северным местам. С течением времени эзо отодвигались все дальше и дальше на север, и у позднейших японских писателей под Эзо подразумеваются страны на север от острова Хондо, включая Курильские острова и Сахалин [1]).

Как бы то ни было, Анцыферов и Козыревский имели в виду большой и высокий остров *Парамушир* (поро-моширн по-айнски и значит «большой остров)». Здесь было много жителей. Призывали их «ласкою и приветом» к подданству, но они отвечали, что ясаку никогда никому не платили. «Соболей и лисиц, говорили они, не промышляем, промышляем де мы бобровым промыслом в генваре месяце; а которые де у нас были до вашего приходу бобры, и те де бобры испроданы иной земли иноземцам, которую де землю видите вы с нашего острова в полуденной стороне, и привозят де к нам железо и иные товары, кропивные, тканые пестрые, и ныне де у нас дать ясаку нечего». Пробыв здесь два дня, Анцыферов и Козыревский не решились за своим малолюдством дать бой и вернулись обратно. В Большерецк

[1]) Д. Поздневв, Материалы по истории сев. Японии, ее отношений к материку Азии и России. I, Иокохама, 1909, стр. 1—2.

прибыли 18 сентября 1711 г. «и тому учинили за руками чертеж» [1]). Но чертеж этот, к сожалению, не сохранился.

Нельзя не отметить здесь следующее. Один из камчатских казаков, Григорий Переломов, участвовавший в начале 1711 г. в убийстве приказчиков на Камчатке, плавал летом того же года на Курильские острова, вместе с Анцыферовым и Козыревским. Будучи потом задержан, он в расспросе и с пытки показал, что он, Переломов, с Анцыферовым были только на первом острову, «а что де он Григорей с убойцами своими со служилыми людми написали великому государю в челобитной своей и в чертеже, что были на другом морском острову, и то де они Григорей с товарыщи написали в челобитной и в чертеже своем ложно» [2]). Далее тот же Переломов сообщает, что отписка его товарищей от 21 ноября 1711 г. о построении на одном из Курильских островов земляного острогу писана ложно.

Но во всяком случае, несомненно, что на первом Курильском острове казаки были. А о втором—могли получить сведения от жителей первого. Название же *езо* Козыревский мог услыхать только от пленных японцев.

В 1712 г. приказчик камчадальских острогов Василий Колесов дал Ивану Козыревскому поручение измерить землю от Большой реки до южной оконечности Камчатки, а также острова за «переливом» (1-м Курильским проливом) и «обо всем велел Ивану учинить чертеж и написать всему тому доезд». Ходил ли Козыревский в этом году на Курильские острова, неизвестно [3]). Но, во всяком случае он подал Колесову, за своей рукою, чертеж и доезд «о мере сколко Носовой земли до перелеву и за перелевом [4]) о морских островах». Кроме того, Козыревский привез в казну великого государя «с прежних разбойных буе», т.-е. с разбившихся судов [5]), 22 золотника золота красного, в плашках и в кусках, а все «с надписанием их языка». Речь идет

[1]) Пам. Спб. Ист., 1, стр. 462—463.

[2]) Пам. Спб. Ист., II, стр. 536 (это показание сообщено в Якутск приказчиком Василием Савостьяновым 29 декабря 1712 г.).

[3]) Миллер (стр. 299—300) говорит, что ходил.

[4]) В документах начала XVIII века, относящихся до Курильских островов, пишут и *перелив* и *перелев*, почему ударение на этом слове должно было приходиться на первый слог: пе́релив.

[5]) Пам. Спб. Ист., 1, стр. 542; см. также II, стр. 45. Слово *буса* — объяснено выше.

о потерпевших в 1710 г. крушение японских судах, о чем мы уже говорили выше (гл. II). Полученные от японцев сведения о Курильских островах и Японии очень пригодились Козыревскому, и он ими широко пользовался в своих отчетах.

В 1713 г. Колесов, во исполнение данного ему указа, снова посылал Козыревского с Камчатки «для проведывания от Камчатцкого Носу за перелевами морских островов и Апонского (т.-е. Японского) государства». Ему дано 55 служилых и промышленных людей, 11 ясашных инородцев и поручено поделать на Большой реке мелкие суда и на них итти «за перелевы», т.-е. к Курильским островам. В Верхнекамчатске Козыревскому выдано две медных пушки, двадцать ядер, пищаль, порох, свинец и другие припасы. Кроме того в качестве лоцмана («вожа») и толмача предоставлен японский полоняник, именем Сана [1]). По возвращении, Козыревский подал Колесову доезд и «тем островам чертеж, даже и до Матманского острова» (т.-е. до острова Матемай или Иезо или Хоккаидо) [2]). На втором острове «курильцы были зело жестоки и наступали в куяках (панцырях из пластинок), имея сабли, копья и луки со стрелами» [3]). Казаки имели с ними бой. Третий остров был только «проведан», но плыть туда не решились. Вместе с отчетом Козыревский представил приказчику «погромное» платье—дабинное, шелковое и крашивное, найденное на 2-м острове, японские сабли, три плашки (монеты) золота, двух иноземцев—аманатов со 2-го острова и одного дальнего курильца именем Шатаной, зашедшего с Итурупа на 2-ой остров для торговли японскими товарами [4]).

Миллер [5]) и Полонский говорят, что Козыревский далее первых двух Курильских островов (Шумшу и Парамушира) не был, а сведения свои собрал главнейше от вышеупомянутых курильцев и японцев. О своих наблюдениях он сообщил якутским вла-

---

[1]) Пам. Спб. Ист., I, стр. 542—543. По А. Полонскому (Курилы, стр. 393) его имя было Сан.

[2]) Пам. Спб. Ист., II, стр. 46.

[3]) Полонский, стр. 390; также Пам. Спб. Ист., II, стр. 46.

[4]) В Сибирск. Вестнике, 1823, ч. 2, отд. «биография», стр. 30, курилец с Итурупа носит имя Иштанай (здесь даны Г. Спасским очень краткие и частью неверные сведения о Козыревском, взятые из неопубликованной Сибирской Летописи Ильи Черепанова).

[5]) Сочин. и Перев., 1758, I, стр., 302.

стям, а также Берингу, во время пребывания последнего в Якутске, в 1726 г. К своим объяснениям Козыревский приобщил «чертежи матерой земли и островам». Извлечения из показаний Козыревского дает Миллер[1]), чертеж же Курильских островов не должен многим отличаться от того, что мы находим на так называемой карте Шестакова 1726 г. [2]).

Несколько слов о Козыревском. Это был авантюрист, какими особенно был богат XVIII век. Дед его, поляк, взятый в плен во время войны с Польшей, был сослан на Камчатку. В 1711 г. Иван Козыревский принимал деятельное участие в убийстве казачьего головы Владимира Атласова и двух приказчиков [3]). В искупление своей вины он был отправляем на Курильские острова. После этого, в 1716 или в 1717 году, в результате каких-то темных дел, Козыревский был вынужден постричься в монахи под именем Игнатия. Но и затем неугомонная личность камчатского авантюриста не исчезает со страниц истории: в 1720 году мы его застаем в Большерецке на Камчатке. Здесь Игнатий, будучи на постоялом государевом дворе, повздорил с одним служилым человеком, укорявшим его, что от него де и прежние приказчики на Камчатке убиты. На это монах Игнатий говорил такие возмутительные и похвальные (т.-е. наглые) [4]) речи: «которые де люди и цареубойцы, и те де живут приставлены у государевых дел, а не велие дело, что на Камчатке приказщиков убивать». Отправляя за эти слова Игнатия за караулом в Якутск, заказчик камчатского наряду (так назывались управители, назначавшиеся по острогам приказчиком) Максим Лукашевской, в своей отписке якутскому ландфату Ивану Ракитину, прибавлял: «А от него монаха Игнатия на Камчатке в народе великое возмущение. Да и преж сего в убойстве прежних приказщиков Володимера Атла-

---

[1]) Г. М и л л е р, Сочин. и Перев., 1758, I, стр. 308—312. См. также А. С г и б н е в, Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. Морск. Сборн., 1869, апр. стр. 84—85.

[2]) Об этой карте см. в моей статье: Известия о Беринговом проливе до Беринга и Кука. Зап. по Гидрографии, II (1919), вып. 2, II, 1920, глава VI (тут и копия карты из F. G o l d e r, Russian expansion on the Pacific, 1641—1850, Cleveland, 1914, при стр. 110).

[3]) Пам. Спб. Ист., I, стр. 439—440, 441—451.

[4]) Памят. Спб. Ист., II, стр. 271—272.

сова, Петра Чирикова, Осипа Липина он монах Игнатий был первый, да и в отказе Алексея Петриловского и Василия Качанова от приказов возмутителем был он же монах Игнатий Козыревской» [1]). Алексей Петриловский, о котором здесь говорится, был приказчиком в камчатских острогах. Он прославился невероятными грабежами [2]). Между прочим, он «вымучил» у Козыревского ценные пожитки, которые тот собрал для себя на Курильских островах [3]).

В Якутске Козыревскому удалось выпутаться из беды, и он одно время даже замещал архимандрита Феофана в Якутском монастыре. Но в 1724 г. вследствие ревизии сибирских дел, вызванной преступлениями Гагарина, всплыло опять дело о камчатском восстании 1711 г. Козыревский был посажен под стражу, но бежал и подал Якутской воеводской канцелярии челобитную, что он знает пути до Японского государства, и просил отправить его по этому делу в Москву. В 1726 г., в бытность Беринга в Якутске, к нему явился монах Игнатий с чертежами и развивал ему свои планы насчет Японии, но Беринг нашел их несоответственными и даже отказал Козыревскому в его просьбе быть принятым в экспедицию [4]). Затем предприимчивому монаху удалось в следующем году устроиться в партию казачьего головы Афанасия Шестакова, отправлявшегося на северо-восток Азии «для изыскания новых земель и призыву в подданство немирных иноземцев». Козыревскому было поручено плыть вниз по Лене и выйти в море для открытия земель против устья этой реки. В Якутске Игнатий построил на свой счет судно «Эверс» и на нем в августе 1728 г. отправился вниз по Лене. По словам Полонского, неизвестно на чем основанным, Шестаков сулил Козыревскому, что он впоследствии построит для него надежное судно, для проведывания Большой земли, т.-е. Америки, и морского пути в Камчатку. Козыревский дошел на Эверсе до Сиктаха на Лене и здесь зазимовал. В январе 1729 г. Игнатий вернулся в Якутск, а весной судно его изломало льдом [5]).

---

[1]) Памят. Сиб. Ист., II, стр. 271—272.

[2]) В 1719 г. он был арестован и отправлен для следствия в Якутск, а имение его конфисковано; среди пожитков Петриловского оказалось 5.649 соболей, 207 бобров, 1.542 лисицы и множество других мехов, а также шуб.

[3]) Сгибнев, Морской Сборник, 1869, № 4, стр. 85.

[4]) Эти сведения заимствованы мною из рукописи А. Полонского, «Монах Игнатий Козыревский», хранящейся в Архиве Географического Общества. Рукопись эта, на 24 страницах, заключает в общем мало нового.

[5]) Полонский, l. c., также Сгибнев, Морск. Сб., 1869, № 2, стр. 9.

Затем Козыревскому удалось пробраться в Москву [1]), где судьба сначала ему благоприятствовала: в Санктпетербургских Ведомостях от 26 марта 1730 г. (стр. 99—100) было даже пропечатано о заслугах его в деле объясачения камчадалов и открытия новых земель к югу от Камчатки [2]). Но вскоре снова всплыло злополучное дело об убийстве им приказчиков на Камчатке. Игнатий был по приговору Синода «обнажен священства и монашества» и передан в распоряжение юстиц-коллегии, которая в 1732 г. определила расстригу казнить смертью, но вместе с тем постановила, «не чиня той экзекуции», дело передать в сенат. Чем закончилась судьба Козыревского, источники, коими я пользовался, не говорят.

Некоторые из позднейших авторов возвеличивают эту темную личность. Так, ганноверский резидент Вебер (Fr. Chr. Weber) в своей известной книге Das veränderte Russland (Bd. III, Hannover, 1740, p. 158—160) совершенно неправильно передает, будто поводом к первой экспедиции Беринга были сообщения Козыревского (каковы были поводы для этого начинания, мы говорим ниже). Точно так же, по мнению Г. Спасского (l. c., стр. 27—32), монах Игнатий «известен в восточной Сибири необыкновенными своими подвигами». Причиной такого взгляда на К. послужила, надо думать, вышеупомянутая хвалебная статья в С.-Петербургских Ведомостях. Впоследствии, впрочем, Спасский изменил свое мнение и в одной статье, написанной в 1858 г., характеризует Козыревского как «отребие сего мира» со ссылкой на послание к коринфянам. Также и Словцов в своей Сибирской Истории (I, 2-е изд., 1886, стр. 204) аттестует монаха как «пройдоху».

Все же справедливость требует отметить, что Козыревский был первый из русских, посетивший Курильские острова. Он первый собрал о них обстоятельные сведения и составил чертеж. Грехи же свои он искупил своими бедствиями и многократным лишением свободы.

---

[1]) В конце 1729 года—по словам Вебера (W e b e r, Das veränderte Russland. III. Hannover, 1740, p. 160).

[2]) «И о пути к Японану и по которую сторону островов итти надлежит, такожде и о крайнем на одном из оных островов имеющемся городе Матмае или Матемае многие любопытные известия подать может» (Спб. Вед., 1730, стр. 100).

Возвращаемся к описанию Курильских островов, какое дает Миллер со слов Козыревского, или, вернее, со слов пленных японцев и курильцев [1]).

От мыса Лопатки перегребают в кожаных байдарах через пролив, в два или три часа, до первого острова *Шумшу*, обитаемого курилами. По словам Крашенинникова, обитатели Шумшу (Шоумшчу) «не прямые курилы, а камчатского поколения», т.-е. помесь между камчадалами и курилами. На этот остров приходят иногда для торгу южные курилы, покупающие морских бобров, лисиц и орловые перья для стрел.

В настоящее время коренные курилы русской части Курильской гряды (а самым южным из островов, до 1875 г. принадлежавших России, был Уруп) или айны (*айну*)—как они, подобно своим сородичам на Сахалине и Иезо, себя называют—почти вымерли. В 1891 г. 69 душ их жили на острове Шикотан, относящемся к т. н. Малой Курильской гряде, что на самом юге большой Курильской гряды, восточнее острова Кунашира; они были сюда насильственно переселены в 1884 г. японцами с северных островов гряды [2]). Вообще же постоянное население, помимо упомянутого о-ва Шикотана, имеется ныне только на двух южных островах, Кунашире и Итурупе; оно состоит из японцев и айнов (т.-е. тех же курилов); всего тех и других около 3000 душ. Летом же на многих островах появляются рыбаки и охотники. Но еще в шестидесятых годах прошлого столетия курильцы жили оседло в количестве нескольких семейств на острове Шумшу, а также и на Парамушире и даже содержали здесь рогатый скот [3]). Капитан Сноу в 1878 г. нашел туземцев на Шумшу, Рашау, Ушишире и Урупе, а на многих других островах—остатки поселений из 10—30 жилищ. По словам кап. Новаковского, незадолго до русско-японской войны

---

[1]) Сведения о Курильских о-вах, полученные от японцев и курильцев, более подробно приводятся Миллером в работе: Fr. Müller, Geographie und Verfassung von Kamtschatka aus verschiedenen schriftlichen und mündlichen Nachrichten, gesammelt zu Jakuzk, 1737, которая была в рукописи передана Миллером Крашенинникову при отправлении последнего на Камчатку. Статья эта напечатана лишь в 1774 г. в приложении к G. W. Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, pp. 1—58 (о курилах, p. 44—53). Ср. также Крашенинников. I, 1755, стр. 103—120.

[2]) Сноу, Курильская гряда. Перев. с англ. Зап. Общ. Изуч. Амурск. края, VIII, в. 1, 1902, стр. 2, 30, 69.

[3]) П. Тихменев, Историческое обозрение образования Российско-Американской Компании. Ч. II, СПБ. 1863, стр. 380—381.

(1904—5) на южной стороне острова Шумшу поселились японцы, и поселок этот служил базой для шхун, занимавшихся хищническим ловом морских котиков у Командорских островов [1]).

Курилы, как сказано, называют себя айнами и, действительно, не отличаются ни языком, ни физическим типом от айнов, населяющих Сахалин и Иезо.

По современным картам остров Шумшу, или Шимушир, отделяется от м. Лопатки проливом (1-ой Курильский) шириной в 7 морских миль (или 12 верст). Длина острова 17 миль, ширина 12. Остров сравнительно низмен, высота его не свыше 580 футов. На нем есть остатки двух поселений. В бытность Крашенинникова на Камчатке (1737—41) на Шумшу было три поселения с общим количеством жителей в 44 души. В ручьи, которыми богат остров, входит кета и горбуша. У берегов много перп, а также живет небольшая колония морских бобров. В море много трески и палтуса. По наблюдениям метеорологической станции, устроенной японцами, в 1902 г. средняя температура августа (самый теплый месяц) была + 15,4°, средняя февраля (самый холодный) —7,8°. Осадков больше всего зимой и осенью (ноябрь 133 мм.), меньше всего летом.

К западу от Шумшу, верстах в 80 от берега Камчатки, находится необитаемый вулканический остров *Алаид*, по-курильски Уякужач. Это высшая точка Курильской гряды. По описанию Крашенинникова (I, 1755, стр. 108), туда ездили жители с Лопатки и с первых двух островов для промыслу сивучей и тюленей, которых там множество (и те и другие и до сих пор там сохранились). «Из самого ее (горы) верьху примечается в ясную погоду куренне дыму». Со слов Стеллера, Крашенинников передает следующую легенду об Аланде, слышанную от курильцев около Курильского озера: «бутто помянутая гора стояла прежде сего по среди объявленного озера; и понеже она вышиной своею у всех прочих гор свет отнимала, то оные непрестанно на Аланд негодовали, и с ней ссорились, так что Аланд принуждена была от неспокойства удалиться и стать в уединении на море; однако в память свою на озере пребывания оставила она свое сердце, которое по курильски Учичи так же и Нухгунк, то есть пуп-

---

[1]) Примечание на стр. 22 перевода статьи Сноу. По японским сведениям, японцы поселились на Шумшу еще в 1896 г. (см. Матер. к познанию русск. рыболов., III, в. 5, 1914, стр. 91).

ковой, а порускн сердце камень называется, которой стоит посреди Курильского озера, и имеет коническую фигуру. Путь ее был тем местом, где течет река Озерная, которая учинилась при случае оного путешествия: ибо как гора поднялась с места, то вода из озера устремилась за нею, и проложила себе к морю дорогу» [1]).

Далее, со слов Стеллера, Крашенинников говорит, что на Алаиде, кроме сивучей и тюленей, водятся красные и черные (т.-е. чернобурые) лисицы, также «мусимоны или каменные бараны», а морские бобры и коты там встречаются очень редко [2]).

Продолжаем описание Миллера.

Второй остров, Пурумушир (теперь Парамушир), находится от первого в четырех верстах (по Крашенинникову и по современным картам, это расстояние менее двух верст). Жители его делают холст из крапивы. От приезжающих с южных островов курилов (именно, с Уруна) они променивают шелковые и бумажные ткани, котлы, сабли и лаковую посуду. Оружие у них луки, стрелы, копья и сабли; имеют панцыри.

В настоящее время, как сказано, постоянного поселения на Парамушире нет. Это большой и гористый остров: длина его до 56 морских миль, на нем есть действующий вулкан высотой 4700 фут.; высшая точка острова, недействующий вулкан Фус, имеет 6900 футов.

По словам Крашенинникова (стр. 106), на Парамушире, кроме сланца и ернику, нет лесу. На берегах находят выкидной лес, который «приносит из Америки и Японии, в том числе случаются и канфарные, которых немалые штуки и ко мне привезены были оттуду». Камфарное дерево, Cinnamomum camphora, растет на юге Японии. Жители этого острова были настоящими курилами, переселенцами с Опекотана. Крашенинникову говорили (стр. 107), что между жителями первых двух островов и дальними курилами прежде производилась торговля: «дальние Курилы привозили к ним разную деревянную лаковую посуду, сабли, серебреные кольцы, которые они в ушах носят, и бумажные материи, а от них брали по большей части орловые перья, которыми оклеиваются стрелы; что и весьма вероятно кажется:

---

[1]) Крашенинников, I, стр. 108.

[2]) Крашенинников, I, стр. 109. См. также Steller, l. c., 1774, p. 26.; здесь кроме того сообщается, что каменные бараны есть на всех островах вплоть до Кунашира. Что это за баран, в точности неизвестно; вероятно—форма, близкая к камчатскому Ovis nivicola.

ибо со второго Курильского острова и я получил поднос лаковый, чашу, японскую саблю и серебреное кольцо, и послал в императорскую кунсткамеру, которых вещей неоткуды взять было Курильцам кроме Японии».

Следующий остров, продолжает Миллер, это *Мушу* или *Оникутан* (теперь Онекотан). Здешние курильцы промышляют морских бобров и лисиц, ходят и на соседние острова для промысла, а иногда приезжают для покупки бобров на Камчатку: «многие знают Камчатской язык, коим говорят на большой реке, потому что они с Большерецкими Камчадалами торгуют и женятся» [1]). Следующий остров—*Араума-кутан* (ныне Харамукотан), «на нем находится огнедышущая гора», что справедливо; на острове теперь есть остатки поселения. На пятом острове, *Сиякутане* (ныне Шиашкотан) съезжались курилы с севера и с юга для торга; и в XIX столетии здесь бывало много «кочующих» (т.-е. не оседлых) курильцев. Далее идут мелкие острова, из них на острове *Китуй* (ныне Кетой) растет камыш, употребляемый курильцами на стрелы. Имеется в виду очевидно, курильский бамбук, Arundinaria kurilensis (растущий и на Сахалине, где его тоже называют камышем), впервые описанный Рупрехтом по экземплярам, привезенным Ильей Вознесенским в 1844 г. с Урупа [2]). Одиннадцатый остров Шимушир (Симушир) жилой.

Далее перечисляются «двенатцатой остров *Итурпу*» (т.-е. Итуруп) и «тринадцатой—*Урup*». Здесь автор впал в ошибку: Уруп лежит раньше, севернее Итурупа. [3]). Как бы то ни было, об Итурупе правильно сообщается, что он велик и многолюден. Жителей его курильцы называют *кых-курилами*, «а по японски *езо*». По языку и обычаям они отличаются от северных курильцев: они бреют головы и «поздравление отдают на коленях». На этом острове есть леса, в которых много зверей и, между прочим, медведей. Есть реки и удобные гавани [4]). Итуруп, по современным картам, самый большой из Курильских островов: длина его до 114 морских миль; в 1890 г. на нем было до 1350 жителей; на северо-восточном берегу имеется бухта Мойоро или Медвежья. Жители Урупа, по Миллеру, таковы же, как и на Ито-

[1]) Миллер, стр. 304.

[2]) F. Ruprecht, Bull. cl. phys.-math. Acad. St. Pétersbourg, VIII, 1850, p. 121—126.

[3]) Эта же ошибка имеется и на карте Шестакова.

[4]) Миллер, стр. 307.

рупе; они покупают ткани на Кунашире и сбывают их на 1-м и 2-м островах.

По словам Крашенинникова (I, стр. 114), японцы жителей последних четырех островов, т.-е. Матемая, Кунашира, Итуруна и Урупа, называют *езо*. Торговлю с ближними островами Курильской гряды вели ранее жители Урупа и Итуруна. Они получали через жителей Кунашира (которые в свою очередь их имели через обитателей Матемая) японские шелковые, бумажные и железные товары. В свою очередь, итурупцы и урупцы продавали японцам ткани из крапивы, меха, сушеную рыбу и китовый жир (I, стр. 115).

Ныне на Урупе нет постоянного населения, но прежде на нем была фактория русско-американской компании, основанная в 1794 г. из ссыльных и курильцев (которых Шелехов именует «мохнатыми») для промысла морских бобров [1]). По трактату с Японией 1855 г. о-в Урун был южной границей русских владений в пределах Курильской гряды. Через двадцать лет все Курильские острова, как известно, были уступлены Японии в обмен на южную часть Сахалина.

Далее, Миллер описывает остров *Кунашир*. Населяющие его курильцы очень богаты. Тогда как все предыдущие острова независимы, относительно кунаширцев неизвестно, «вольной ли они народ или зависят от города Матмая», т.-е. от Хакодате на острове Матемае (Иезо). Они часто ездят на остров Матмай. На Матмае и Кунашире, а равно на Итурупе и Урупе, содержалось много камчадалов, мужчин и женщин, в неволе. Относительно «Матмая» сообщается, что он населен «тем же народом *Езо*, или *Кых-Куриламы*». На юго-западном берегу его японцы построили город Матмай (ныне Фукуяма, на самом юге Хоккандо), куда посылают людей в ссылку и где, как и вообще на острове, держат войска. Из города Матмая [2]) привозят на Кунашир японские товары: шелковые материи, дабу, сабли, чугунные котлы, лаковую посуду и меняют на бобров и лисиц. Наконец, приводятся сведения и о Японии.

4. В 1719 г. Петр отправил двух «геодезистов» (т.-е. топографов), Ивана Евреинова и Федора Лужина [3]) с официальным

---

[1]) П. Тихменев, Истор. обозрение образования российско-американской компании. ч. I, СПБ. 1861, стр. 44.

[2]) Полонский, стр. 393.

[3]) В документах, напечатанных в «Памятниках Сибирской Истории» II, стр. 290—292, он именуется Лузиным.

поручением «ехать до Камчатки и далее, *куда указано*, и описать тамошние места: сошлася ли Америка с Азиею, что надлежит зело тщательно сделать, не только Зюйд и Норд, но и Ост и Вест, и все на карте исправно поставить». Но кроме того у «навигаторов», как их еще называют документы, была секретная инструкция, содержание коей неизвестно. Посланные прибыли в Якутск в мае 1720 г. Из Охотска они в сентябре отправились на Камчатку в казенной лодии и через десять дней пристали в устье реки Ичи [1]). Перезимовав в Нижнекамчатске, они в мае следующего года отправились из устья Большой реки на том же судне к Курильским островам. Идя вдоль гряды, достигли «6-го острова» (какой именно, трудно сказать, ибо счет различен; по Крашенинникову, который мог иметь наиболее достоверные сведения, это был остров Симушир [2]), но здесь потеряли во время бури якорь и были унесены к 2-му острову, или Парамуширу, где вместо якоря бросили пушку и наковальню. Выйдя на берег, запаслись водой и провизией; когда стали подымать доморощенный якорь, канат лопнул. Тем не менее благополучно вернулись в Большерецк в конце июня. Здесь сделали два деревянных якоря, оковали их сковородами и на той же лодии 12 июля ушли в Охотск. Мореход Кондратий Мошков, управлявший лодьей, на которой ходили к Курилам, характеризовал в своем прошении к якутскому воеводе путешествие навигаторов как бесполезное и просил (октябрь 1721) о дозволении вновь отправиться для проведывания тех же островов, но ходатайство его было безуспешно [3]).

Евреинов, не сообщая никому о цели и результатах своей поездки [4]), из Якутска поспешил в Европу. Он застал Петра в Казани в мае

---

[1]) Путешествие Евреинова и Лужина излагаем по Полонскому, стр. 394—395, сообщающему наиболее обстоятельные сведения. См. также А. Сгибнев, Попытки русских к заведению торговых сношений с Японией в 18 и начале 19 столетий. Морской Сборник, 1869, № 1, стр. 40—42 (По делам иркутского архива).

[2]) Крашенинников, Описание Земли Камчатки, I, 1755, стр. 112.— Сгибнев говорит, что судно достигло до 5 о-ва.

[3]) Полонский, стр. 396.

[4]) В Якутске геодезистов запрашивали, «что с приезду сделали и ныне что делают; а буде по данным им пунктам дела не окончили... оканчивать в скорых числах». На это геодезисты отвечали: «пунктов нам не дано, а велено нам отправлять по данному нам наказу за собственною его царского величества рукою, по которому мы, помощию всесильного бога, что надлежит, отправили, о котором отправлении будем ответствовать самому его царского величества». (Пам. Сиб. Ист., II, стр. 291).

1722 г. и представил ему отчет и карту осмотренных Курильских островов. Полагают, что Петр посылал геодезистов на Курильские острова проведывать, нет ли там серебряной руды, о чем могли дойти сведения—конечно ложные,—от выброшенных на Камчатку японцев или от Козыревского, который сообщал, что японцы на 6-м острове берут руду [1]).

В 1730 г. Василий Шестаков, сын Афанасия, убитого весной того же года чукчами, посетил с 25 служилыми первые пять курильских островов, собрал там, в первый раз после Козыревского, ясак и взял двух аманатов [2])

5. В 1738 и 1739 годах всю гряду Курильских островов нанес на карту, хотя и не особенно правильно, Шпанберг, участник экспедиции Беринга. Подробно об этом говорится ниже (стр. 85 сл.).

Во время вторичного пребывания на Камчатке в 1742—44 г.г. Стеллер посетил первые Курильские острова, но когда и какие именно, неизвестно. В своей книге «Beschreibung von dem Lande Kamtschatka» он дает, частью на основании собственных наблюдений, частью по расспросам, описание Курильской гряды (стр. 19—28).

6. Вплоть до сороковых годов XVIII столетия сборщики ясака ходили не далее двух первых островов. В сороковых годах они проникли до Чиринкотана (против Спашкотана). Вследствие притеснений, чинимых сборщиками, многие из курильцев ушли на дальние острова, и для возвращения этих, как их называли, *сошлых* инородцев был послан в 1750 году тойён (старшина) Николай Сторожев, живший на первом острове. Он доходил до Симушира и успел объясачить некоторых мохнатых, но сошлые не пожелали вернуться на первые острова. В последующие годы Сторожев доходил до Симушира [3]). В представленном в 1755 г. в Большерецк донесении он писал, между прочим, что на острове Ушишир «курильцов 25, природою весьма мохнаты; губы, руки и ноги, для красы, черною краскою расписывают; платье у них японские азямы и из птичьих кож; в житии весьма необи-

---

[1]) Миллер, там же, стр. 323—325. Сгибнев (Мор. Сб., 1869, № 4, стр. 84) приводит краткое донесение Козыревского, в котором, между прочим, читаем: «шестой (остров) Шококи, на который приезжают японцы за рудою».

[2]) А. Сгибнев, Экспедиция Шестакова. Морской Сборник, 1869, № 2, неофиц. отд., стр. 18 (эта статья посвящена описанию похода Афанасия Шестакова). См. также 1869, № 4, стр. 114.

[3]) Полонский, стр. 398—403.

ходны: язык их мало походит на язык ближних, так что без толмача не понять; к приезжим весьма благосклонны; хвосты орловые покупают весьма дорого; владелец их, тоён, которому они оказывают честь и покорство, живет на 21-м острове (Итурупе?); 10 человек из них уговорены в ясачный платеж» [1]). Тойон Симушира подарил Сторожеву саблю с ножнами, что у мохнатых означает великую честь и дарится в знак вечной дружбы. Однако, на уговоры принять подданство России ответил отказом.

7. Сибирский губернатор Соймонов поручил в 1761 г. полковнику Плениснеру, командиру Анадырского, Охотского и Камчатских острогов, собрать более подробные сведения о южных Курильских островах. С этой целью в 1766 г. отправлены из Большерецка тойон второго острова Никита Чикин и сотник Иван Черный с поручением разузнать о числе островов и количестве населения на них; курильцев надлежало «уговаривать в подданство, не оказывая при том не только делом, но и знаком грубых поступков и озлобления, но привет и ласку». Мы увидим далее, как исполнил этот наказ Черный. Чикин скоропостижно умер на острове Симушире, и с 1767 года Черный сделался главою партии. Зиму 1767—68 г.г. сотник провел на Симушире, заставляя несчастных курильцев работать на себя и зверски наказывая провинившихся. Следующим летом Черный достиг острова Итурупа и привел в подданство всех мохнатых, а также двух приезжих с Кунашира. Тойон Итурупа объяснил, что на Кунашире живут японцы, где у них имеется крепость. На следующую зиму Черный поселился на Урупе и здесь занялся промыслом бобров в свою пользу, невероятно притесняя курильцев. Осенью 1769 г. он вернулся в Большерецк и подал здесь отчет о плавании, в котором подробно и весьма толково описывает острова. Как ничтожно было население в русской части Курильской гряды, видно из того, что Черному на 19-ти островах (включая Итуруп) удалось привести в подданство лишь 83 мохнатых (взрослых мужчин). Преступления Черного были обнаружены, и над ним назначено следствие, прекращенное, однако, за его смертью в Иркутске от оспы [2]).

Озлобленные действиями Черного, мохнатые в 1771 г. подняли восстание против русских и многих истребили на острове Итурупе.

---

[1]) Полонский, стр. 403—404.

[2]) Об экспедиции Черного подробно рассказывается у Полонского, стр. 405—440; здесь перепечатан и отчет Черного.

Не смея нападать в открытом бою, курильцы ночью похищали у русских оружие и затем обращали его против безоружных. Пользовались они также отравленными стрелами [1]).

8. Теперь, когда Курильские острова сделались более или менее известными, сибирские власти начали заботиться о более прочном закреплении их за Россией, стали также собирать сведения о Японии, на случай возможных с ее стороны покушений на Курильские острова, а частью, чтобы завести с нею торговые сношения. Бем, главный командир Камчатки, предлагал построить на Урупе укрепление, сделать опыты хлебопашества и устроить русское поселение. Для осуществления всех этих проектов он побудил в 1775 г. якутского купца Лебедева-Ласточкина снарядить на южные Курильские острова полуразведочную, полупромышленную экспедицию. Во главе дела поставлен сибирский дворянин Антипин, знакомый с японским языком [2]). В инструкции, полученной от Бема, Антипину поручалось плыть из Петропавловска прямо к острову Урупу, при чем наказывалось «под смертною казнью не обижать диких, как происходило на Алеутских островах от разных компаний», далее—итти на Итуруп, а затем, взяв с собой мохнатых, и на следующие Курильские острова. При встрече с японцами, предписывалось поступать с ними «учтиво, ласково и благопристойно» и сказаться купцами. У японцев выведывать, какие им нужны русские товары и что можно от них получить взамен, и попытаться заключить с ними «на котором-нибудь острове» письменный договор; у мохнатых тоже взять о торговле «объяснение, если они сведущи в письменном производстве». Затем инструкцией предписывалось собрать подробные географические сведения о Японии и Курильских островах: сколь велика Японская империя, сколько там городов, укреплений, о их вере, законе, житье, обычаях, праве, кто из иностранцев приходит для торговли, чем питаются, довольно ли «пропитания», «при каком климате родится», откуда доставляется, платье своего ли рукоделия или получают откуда, с кем ведут торговлю и чем, есть ли у японцев морские суда и мор-

---

[1]) Д. Позднеев, Материалы по истории Сев. Японии и ее отношений к материку Азии и России. II, Иокохама, 1909, стр. 20—25.

[2]) О плаваниях Антипина подробно рассказывается у Полонского, стр. 441 — 467. Также у Татаринова: Описание Курильских островов. Месяцослов историч. и географ. на 1785 г. (перепечатано в Собрании сочинений, выбранных из месяцословов на разные годы, ч. 6, СПБ. 1790, стр. 63—103).

ские карты, имеется ли строевой лес, довольно ли лошадей и рогатого скота. «Земли и острова класть на карты, а если у мохнатых или японцев есть собственные карты, то стараться их достать или скопировать». Наконец, узнать, «каков русский народ, приятен им, кажется». На Уруппе, где предполагалось построить крепость и основать русское поселение, Антипин должен был сделать пробные посевы ржи, пшеницы проса, овса, ячменя и конопли.

Плаванье 1775—76 г.г. было неудачно: бот «Николай» разбился у острова Уруп. В сентябре 1777 г. из Охотска отправлено на Уруп новое судно, бригантин «Наталия», на котором в качестве переводчика находился иркутский посадский Ш а б а л и н. В мае следующего года Шабалин на трех байдарах пошел на Итуруп. Здесь произошла удивительная встреча с местными тойонами мохнатых: в изъявление дружбы они сначала, держа в руках обнаженные сабли и копья, кричали с лодок; бывшие на берегу мохнатые, из числа сопровождавших Шабалина, в ответ «ходили вдоль берега с копьями, ноги выметывая вверх, необыкновенно кричали нелепым зверообразным голосом и скакали, а женский пол их, 32, ходили позади их и кричали также тонкими голосами»; затем все—и новоприбывшие, и береговые—соединились в одну толпу и с обнаженным оружием начали скакать; потом тойоны подходили поочередно к толмачу и держали над его головою сабли. Русские сначала подумали, не хотят ли мохнатые напасть на них, и выстроились в боевом порядке, но потом недоразумение разъяснилось [1]). Подобную же церемонию встречи, практикуемую курильцами, описывает и Крашенинников [2]). С Итурупа, или 19-го острова, Шабалин отправился далее к 22-му или Матсмаю [3]). По пути (на Кунашире?) от курильцев узнал, что топоры, сабли, пальмы (железные ножи с деревянной рукояткою), а из платья—азямы они получают из Японии, сами же готовят тканое платье из тополевого лыка (айны, действительно, готовят грубую ткань из лыка), имеют лук и стрелы, при чем наконечники стрел отравляют соком «лютика», (Aconitum), носят деревянные панцыри («куяки») из мелких доще-

---

[1]) П о л о н с к и й, стр. 453—454.

[2]) К р а ш е н и н н и к о в, II, 1755, стр. 182.

[3]) 20-й остров—это Кунашир; 21—Шикотан, лежащий к востоку от Кунашира в Малой Курильской гряде; на нем Антипин не был (Т а т а р и н о в, стр. 94).

чек [1]) и шлемы из досок, строят крепостцы, питаются рыбою, а равно привозным из Японии рисом. Далее курильцы рассказали, что против острова Кунашира с северной стороны имеется земля, называемая *Короска*, на которой живет многочисленный народ, говорящий одним языком с мохнатыми. Это—Сахалин, или по-японски Карафуто.

В июле 1778 г. Шабалин прибыл на 22-ой остров или «Аткис» [2]); это город и залив Аккеши (Аккеси) на северо-востоке Матемая (Хоккандо) [3]). Здесь застали японское судно. Русские и японцы, дружелюбно встретившись, обменялись друг с другом подарками. Шабалин завел речь о торговле, но японцы, опасаясь без разрешения начальства вступать в сделки, предложили прийти на остров Кунашир в июле следующего (1779) года. С тем Шабалин вернулся на Уруп, а отсюда в Охотск, куда бригантин прибыл 29 августа 1778 г. Лебедев-Ласточкин немедленно же снарядил судно для условленной встречи с японцами и погрузил на него сукна, бархат, атлас, муку, крупу, масло, сахар, солонину. Перезимовав на Урупе, Антипин и Шабалин весной 1779 г. пошли на семи байдарах на Аткис и 24 июня прибыли в японскую гавань Ноткоме (это место на северо-восточном берегу Хоккандо, повидимому,—Ноцукамафу японских источников, т.-е. местность не очень далеко от Аккеши) и взяли ясак с живших здесь курильцев. Японцев здесь, однако, не было, но спустя три недели к Антипину явился курилец с извещением, что как только погода позволит, японцы прибудут в Ноткоме; но вместе с тем японцы просили русских не двигаться далее, к Матемаю. Прождав бесполезно до 21 августа, Антипин решил плыть на юг вдоль берега и 25 августа прибыл в бухту Аткис, где встретил японское судно. Подходя к берегу, салютовал японскому флагу. Во время свидания командир японского судна, по распоряжению «Матмайского начальника», сообщил русским, что

---

[1]) Такого же рода панцыри, сделанные из косточек, сшитых ремнями, были в употреблении и у коряков (Крашенинников, II, стр. 35). Из моржевой кости, тюленьей кожи, а впоследствии и железа, делали их чукчи. Были они в употреблении и у гиляков, а также у других народов на берегах Тихого океана. См. рисунки у Bogoras. Chukchee, p. 163. Монографию об этом предмете дал Ратцель в 1886 г.

[2]) По словам Татаринова (стр. 67, 95), бывшие в Иркутске японцы, потерпевшие в 1744 г. крушение на пятом Курильском острове, сообщили, что острова Аткиса нет, а есть на Матмае место, именуемое Аткис.

[3]) По японским источникам (Д. Позднеев, II, стр. 33), русские пристали «во владении Нэмуро в восточных Эзоских землях, в местности Ноцукамафу».

Аткисская земля—их место, что они ведут здесь торговлю с курильцами: «атаманы мохнатых курильцев получают от японцев платье, пшено, табак, и другие вещи, а продают жиры, сухую треску, ракушки и прочее, для японцев потребное, а хорошего ничего не имеется», прибавил матмайский начальник. Что же касается до торговли с русскими, то японцы предлагали в будущем для переговоров прислать судно на Кунашир [1]). Из этого стало ясно, что японцы вообще не желают вступать в торговые сношения с русскими. 5 сентября прибыло с Матсмая судно еще с двумя японскими чиновниками, которые передали запрещение не только торговать на острове Матсмае, но и ходить на Итуруп и Кунашир; а если будет нужда в пшене (т.-е. рисе) и вине, то посылали бы за этими предметами с Урупа мохнатых курильцев, а сами не ходили бы; если же желают вести торговлю, то указали на Нагасаки, куда со всех сторон собираются народы. В японских источниках ответ японцев передан так: «иностранная торговля ограничивается исключительно портом Нагасаки, и так как в остальных местах она совершенно не разрешается, то сколько бы ни просили, позволения дано не будет. В будущем переплывать море и приходить сюда совершенно бесполезно» [2]). Впрочем, обращались японцы с русскими дружелюбно. Обменявшись с японцами подарками, Антипин с Шабалиным отправились обратно к своему судну на остров Уруп. Здесь пробыли до лета. С января 1780 г. на Урупе начались очень сильные землетрясения. Одно из сильнейших произошло 18 июня: море отхлынуло от берега, а потом бросилось на берег валом до 6 саженей высотой и разнесло имущество экспедиции, а судно, стоявшее на двух якорях, выкинуло на сушу в расстоянии 190 саженей от моря, где оно и осталось [3]). После этого Антипин, оставив Шабалина на Урупе, сам в сентябре ушел на одной байдаре в Большерецк искать помощи. Не дождавшись помощи, Шабалин в мае 1782 г. пошел на четырех байдарах в Большерецк, забрав с собой людей и все имущество. Специально посланные в 1784 г. люди пробовали спустить на воду бригантин на Урупе, но неудачно. Так печально кончились предприятия Лебедева-Ласточкина. Следует отметить, что посевы ржи, пшеницы и ячменя на Урупе удались и дали хороший урожай.

---

[1]) Полонский, стр. 460.

[2]) Д. Поздеев, II, стр. 35—36.

[3]) Об этом землетрясении упоминается и в японских источниках (см. Д. Поздеев, II, стр. 36).

Антипин сообщил некоторые сведения об острове Матсмае (Матмае), о курильцах и японцах. На Матсмае растет дуб, бук, вяз, липа, березник, тальник и много другого лесу, в России неизвестного; в горах растут большие орехи. В лесах—черные медведи, лоси, олени, дикие козы, мелкие соболи, лисицы, зайцы, а по речкам выдры. Диких коз жители стреляют из луков, а также ловят облавою. Богатые курильцы (т.-е. айны) на острове Матсмае одеваются по-японски, а прочие носят платье, шитое из кож медведей и диких коз, и тканое из лыка. «Когда курильцы разговаривают между собою, то почасту, гладя у себя бороды или брюхо, гогочут га, га, га и гладят ладонь об ладонь. Во время кушанья все молчат и сидят кротко, только один старшей гогочет». На Матсмае, как на Кунашире и Итуруне, курильцы живут в балаганах, поставленных на столбах и покрытых травою, т.-е. в свайных постройках, подобных камчадальским. Если в балагане кто умрет, то, как и камчадалы, устраивают себе новое жилище [1]).

9. Несмотря на вышеописанные неудачи, правительство не оставляло надежды завязать торговые сношения с Японией. В конце 80-х годов XVIII столетия в Иркутске находились японцы, доставленные туда с Алеутских островов, именно с острова Амчитка, где они 6 августа 1783 г. потерпели крушение. В 1790 г. японец Кодою [2]) с академиком Кириллом Лаксманом отправился в Петербург [3]). Здесь от Кодоя, который был купцом, получены были сведения о торговле в Японии. Лаксман дал весьма толковый совет, воспользовавшись, как предлогом, необходимостью отправить японцев на родину, послать экспедицию в Японию с секретной целью разузнать о возможности торговли с этой страной; кроме того, указывая на то значение, какое имеет Амур для нашего дальнего востока, советовал сплавить судно от впадения Горбицы до устья Амура. Последний проект, «по известным с Китаем обстоятельствам», не встретил одобрения, экспедицию же в Японию решено было снарядить. Во главе ее поставлен был поручик Адам Лаксман, сын Кирилла. За подробностями мы отсылаем к трудам Полонского, Лагуса, Позднеева (II, стр. 38—71).

---

[1]) Татаринов, стр. 95—99.

[2]) Правильнее—Кодаю (С. Г. Елисеев).

[3]) О Кирилле (Эрике) Лаксмане см. В. Лагус, Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. Пер. с шведского. СПБ. 1890, изд. Академии Наук.

IV. Первая экспедиция Беринга.

Среди черновых бумаг Лейбница, хранящихся в Ганноверской библиотеке, профессору Герье удалось разыскать одну чрезвычайно любопытную записку, составленную философом в 1697 г. В это время через ганноверские владения проезжало русское посольство, и записка, вероятно, предназначалась для подачи Петру I, через Лефорта. Попала ли она в руки Петра, неизвестно. В этой записке Лейбниц намечает ряд реформ, необходимых, по его мнению, для России. Между прочим, он советует составлять карты, записывать языки и обычаи, изучать промыслы и естественные произведения, производить астрономические наблюдения, наблюдать склонение магнитной стрелки и, наконец, *исследовать берега северо-восточной Азии, чтобы узнать, соединяется ли Азия с Америкой или же они разделены проливом* [1]).

Последний вопрос не переставал интересовать Лейбница. В 1711 г., в письме к Брюсу он просит сообщить ему сведения, доставленные лицами, которые, по приказанию Петра, ходили в Сибирь и к «Ледовитому мысу» (Eiss Cap): не могут ли они служить к разрешению спора, о существовании моря между Азией и Америкой: одни его допускают, другие отрицают. «Никто, говорит Лейбниц, не может лучше царя разрешить миру это сомнение, и это будет славнее и даже важнее всего, что сделано в свое время египетскими царями для исследования истоков Нила» [2]).

---

[1]) Вл. Герье. Отношения Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПБ. 1871, стр. 14, 18 (оттиск из Журн. Мин. Нар. Просв.), см. также: Сборник писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. Издал В. Герье, СПБ. 1873, изд. Акад. Наук. стр. 19.

[2]) Герье 1871, стр. 126; 1873, стр. 192.

23 сентября пов. ст. 1712 г. Лейбниц послал Брюсу подробную записку о желательности лингвистических изысканий и магнитных наблюдений в России. В конце этой записки философ возвращается к своей любимой идее о границе Азии и Америки. «Только в одном месте, говорит он [1]), эта граница не исследована, и это место находится во владениях царя; большая полоса земли тянется далеко на север, к так называемому, хотя еще неизвестному, Ледовитому мысу, и нужно было бы исследовать, существует ли этот мыс и оканчивается ли им та полоса земли. Я полагаю, что туземцы окрестной области могли бы предпринять такое путешествие в летние месяцы, когда солнце почти не заходит, и совершить его, если не сразу, то по крайней мере постепенно, тем более, что, вероятно, возможно устроить стоянки и с их помощью подвигаться все далее. Исследование это может быть произведено не только сухим путем, но еще легче водою по обеим сторонам. Тогда, может быть, объяснится, суживается ли там суша или расширяется, а, следовательно, увеличивается или уменьшается вероятность, что она оканчивается мысом. Морское течение, порода рыб и другие условия на тех и других берегах, может быть, еще прежде дадут возможность судить о том, соединяются ли моря, находящиеся по обе стороны».

Наконец, в письме к царю из Вены от 26 октября 1713 г. Лейбниц напоминает ему о том же проекте [2]). В 1716 г. Лейбниц около недели провел с Петром на водах в Пирмонте (Брауншвейг) и, без сомнения, беседовал с ним по вопросам, касающимся пролива между Азией и Америкой. В письме к Бурге от 2 июля 1716 г., Лейбниц сообщает: «Царь осведомляется о всех механических искусствах; но главный его интерес сосредоточивается на всем, что относится к мореплаванию, и поэтому он любит также астрономию и географию. Я надеюсь, что через него мы узнаем, соединена ли Азия с Америкой» [3]). 22 июня того же года Лейбниц через Шафирова подал в Пирмонте записку, в которой указывает по пунктам, какими способами царь мог бы с великой славой содействовать цивилизации и развитию наук. Здесь упоминается о необходимости собирать лингвистические материалы, производить наблюдения астрономические, а также над

---

[1]) Герье 1871, стр. 146—147; 1873, стр. 248—249.
[2]) Герье 1873, стр. 312.
[3]) Герье 1871, стр. 187; 1873, стр. 360.

склонением магнитной стрелки, собирать растения, животных и ископаемые не только в России, но и в сопредельных странах на востоке и, наконец, исследовать вопрос о соединении Азии с Америкой [1]). О том же Лейбниц повторяет и в другой обширной записке, поданной, повидимому, в Пирмонте тогда же [2]).

Таким образом, мысль о том, соединяется ли Азия с Америкой, не оставляла Лейбница в течение двадцати лет, и он неустанно напоминал Петру о необходимости разрешить эту загадку. Военные дела и другие неотложные нужды удерживали царя от этого предприятия [3]), но под конец своей жизни он решился снарядить экспедицию для разрешения вопроса, интересовавшего Лейбница.

1. Снаряжение экспедиции.

23 декабря 1724 г. [4]) последовал высочайший указ о назначении экспедиции, а 6 января 1725 г., за 3 недели до своей смерти, Петр собственноручно написал инструкцию Берингу следующего содержания [5]):

1) Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два бота с палубами.

2) На оных ботах [6]) возле земли, которая идет на Норд и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки.

3) И для того искать, где оная сошлась с Америкой: и чтоб доехать до какого города Европейских владений, или ежели увидят какой корабль Европейской, проведать от него, как оной кюст называют и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и поставя на карту приезжать сюды».

Эту инструкцию Беринг получил 5 февраля, уже после смерти Петра и в этот же день выехал из Петербурга. Часть экспедиции отправилась ранее, еще 24 января.

---

[1]) 1871, стр. 189; 1873, стр. 346.

[2]) 1871, стр. 194; 1873, стр. 360.

[3]) Ср. в моей статье в Зап. по Гидр., II, 1919, стр. 9—10 отт.

[4]) Стиль старый, как и всюду ниже.

[5]) А. С. Полонский, Первая Камчатская экспедиция Беринга 1725—29 г. Зап. Гидрограф. Департамента, VIII, 1850, стр. 535—556.

[6]) Здесь, очевидно, пропущено слово «плыть».

В состав этой, так называемой первой камчатской экспедиции, входили, кроме Беринга, лейтенанты Алексей Чириков и Мартын Шпанберг, гардемарин (впоследствии мичман) Петр Чаплин и свыше 60 человек матросов, солдат и мастеровых, не считая штурманов, геодезиста и др.

Несколько слов об участниках экспедиции. Витус Беринг (по-русски его звали Иван Иванович) был родом датчанин, служивший в России с 1704 г. Биография его до 1725 г. известна мало. Родился он в 1680 г. в Ютландии. Плавал в Остиндию. Петр I пригласил его на службу в балтийский флот с чином мичмана. Морское дело Беринг знал, был честный и добрый человек, но нерешительный, а потому мало пригодный для начальствования в таком сложном предприятии, как экспедиция на Камчатку. Он был чересчур осторожен и слишком придерживался правила tu nisi ventis debes ludibrium, cave [1]). К тому же, к научным вопросам он не выказывал никакого интереса. Но, как бы то ни было, экспедиции, во главе коих стоял Беринг, сделали громадное научное дело; сам командор погиб геройской смертью на острове, названном впоследствии его именем.

Лейтенант Алексей Ильич Чириков был один из лучших офицеров своего времени—умный, образованный, скромный и твердый, как характеризует его А. Соколов. Он начал службу гардемарином флота в 1716 г. Скончался в 1748 г. Лейтенант Мартын Шпанберг, родом датчанин, был хороший моряк, но грубый и жестокий человек, вызывавший массу неудовольствий. Умер в 1761 г.

План экспедиции был таков: через Сибирь сухопутьем в Охотск, отсюда на судах в Камчатку и далее морем проведывать, соединяется ли Азия с Америкой.

Путь по Сибири шел через Вологду, Тотьму, Устюг, Сольвычегодск, Кайгородок, Соликамск, Туринск, Тюмень, Тобольск. В Тобольск прибыли 16 марта (1725 г.) и затем отправились уже водою, Иртышем и Обью, до Маковского острога, что на Кети, притоке Оби. Отсюда по суху перебрались в Енисейск (70 верст). Затем снова пошли водою по Енисею и Верхней Тунгуске до устья Илима, впадающего в В. Тунгуску. В Илимске, куда прибыли в конце сентября 1725 г., зазимовали.

---

[1]) Гораций, Оды, I, 14: если ты не хочешь сделаться игрушкой ветров, берегись.

Зимою в Усть-Кутском, на Лене, были построены суда, на которых весною следующего года отправились вниз по Лене к Якутску, куда и прибыли в июне.

Теперь предстояло из Якутска по суху переправиться в Охотск—задача чрезвычайно трудная и в настоящее время. Большую часть провизии и легкие вещи отправили в конце августа вьюком на 663 лошадях, из коих 267 пали в дороге; остальные же в половине и конце октября добрались до Охотска. Беринг приехал в Охотск еще раньше, 1 октября.

Более громоздкие вещи были отправлены из Якутска водою, по Лене, Алдану, Мае и Юдоме. С верхнего течения Юдомы, именно с Юдомского креста, вещи должны были по суху быть перевезены в Охотск. Караван, шедший под начальством Шпанберга, не дошел далее устья Юдомы, ибо здесь был застигнут морозами. Для ускорения Шпанберг решил часть вещей перевезти зимой на нартах, запрягая их людьми. В начале ноября вышло по направлению к Охотску сто нарт; из них 40 в январе 1727 года достигли, с величайшими трудностями, Охотска. Морозы были ужасные, провизии не хватало. «Идучи путем, говорит Беринг, оголодала вся команда, и от такого голоду ели лошадиное мертвое мясо, сумы сыромятные и всякие сырые кожи, платье и обувь кожаные». Многие в дороге погибли, некоторые убежали.

В Охотске в это время было всего с десяток дворов, и для размещения команды пришлось строить избы, для снаряжения—амбары; кроме того нужно было готовить суда. Лошади, пришедшие в Охотск, все от бескормицы пали, и команда должна была на себе таскать камни, глину, лес. Людям же пришлось дотаскивать на себе разбросанные по Юдоме грузы. С ропотом пошли они на эту работу в феврале. Многие погибли, не мало разбежалось. Только в апреле часть из этих вещей была доставлена в Охотск.

Еще до прибытия Беринга в Охотск, здесь для экспедиции был выстроен в 1725 г. «шитик» [1]), который спустили на воду в июне 1727 г.

[1]) Шитик—это судно северного, беломорского типа. В основу шитика, имевшего до 35 фут. длины, при ширине до 14 фут., клалось выдолбленное из одного дерева днище («труба»), к которому «нашивались» (откуда и самое название шитика)—обыкновенно ивовыми прутьями — боковые доски, пазы же проконопачивались мхом; снасти и паруса для шитиков часто делались из оленьих кож, якоря—деревянные, с подвязками из камней. См. Н. П. Загоскин, Русские водные пути и судовое дело в до-Петровской России. Мат. для опис. русск. рек, XVI, Казань, 1909, стр. 454.

и назвали «Фортуною». На нем нужно было достичь восточного берега Камчатки. Но Беринг не решился огибать мыс Лопатку. Вместо этого он 30 июня отправил «Фортуну» с грузом провизии под начальством Шпанберга в Большерецк, что близ устья реки Большой на западном берегу Камчатки. Шпанберг успел в скорости обернуться обратно в Охотск, и 4 сентября все, Беринг, Чириков и Шпанберг, собрались в Большерецке.

Теперь, согласно плану начальника экспедиции, надлежало весь груз перевезти по суху на восточную сторону Камчатки, в Нижнекамчатск, на расстояние в 850 верст. Предприятие очень трудное, которого можно было бы избежать, если бы обогнуть Камчатку водою.

В Большерецке в это время было всего 14 дворов русских. Зимою часть грузов на камчадальских собаках была перевезена на восточный берег Камчатки. Это дело Беринг описывает так: «каждый вечер в пути для ночи выгребали себе станы из снегу, а сверху покрывали, понеже живут великие метелицы, которые по тамошнему называются пурги, и ежели застанет метелица на чистом месте, а стану себе сделать не успеют, то заносит людей снегом, отчего и умирают». Для несчастных камчадалов экспедиция Беринга была сущим бедствием: со всех селений были собраны собаки, так что население осталось без перевозочных средств. Кроме того, камчадалы, занятые перевозкой грузов, упустили удобное зимнее время для звериного промысла. Большая часть доставленных на работы камчадальских собак погибла, так что и на будущее время инородцы были разорены [1]).

---

[1]) Беринг распорядился не брать ясаку с тех камчадалов, которые состояли при экспедиции, но сборщики взыскивали с них ясак в свою пользу. Особенно отличался взяточничеством и жестокостью комиссар Новгородов и его помощники. Про них участники камчатского бунта 1731 г. рассказывали, что в 1730 г. они, кроме двойного ясака, брали по пяти голов с души «в чащину» (камчатское слово, означающее взятку) соболями и лисицами, а у кого не было зверей, то кухлянками, парками, женами и холопьями; да в 1731 г. брали по три ясака да по пяти чащины. «Сверх того сбирали «неподобные» (т.-е. неуказанные) сборы: сладкую траву, кипрей, сарану, уток, гусей, юколу, ушканину; собирали ясаки за умерших и били за недачу на смерть. За обором кормов камчадалы голодают и умирают; а по отнятии жен и детей и от смертного битья многие давились и, не стерпя таких обид, стали быть в зломыслии». (Сгибнев, Морской Сборник, 1869, № 4, стр. 117—118, 122—123). Возможно, что одним из поводов к восстанию 1731 г. были также непомерные тягости, возложенные на камчадалов экспедицией Беринга.

В январе 1728 г. в Верхнекамчатск прибыл Беринг, в марте переехавший в Нижнекамчатск. В это время в Верхнекамчатске было всего 17 дворов, в Нижнекамчатске около 50, а во всей Камчатке не более 150 служивых. В Нижнекамчатске Беринг 4 апреля приступил к постройке судна длиной в 60 футов. Лес возили на собаках, смолу курили («сидели») из лиственницы. Усердно заготовляли провиант: покупали оленей, ловили рыбу сетями, сделанными из крапивы, выварнвали соль из морской воды, сидели вино из сладкой травы (Heracleum lanatum) [1].

8 июня судно было спущено на воду и названо «св. Гавриилом».

2. Плавание к Берингову проливу.

13 июля 1728 г. бот «св. Гавриил» вышел из устья реки Камчатки в море, погрузив провианту на 40 человек на год.

29 июля миновали устье Анадыря, 1 августа открыли губу, названную губой св. Креста, 6-го вошли в губу св. Преображения, где налились водою. 8-го, под $64^1/_2$° с. ш., подошли к одной губе, где к судну пригребли в кожаной лодке (из кожи сивучей) восемь чукчей, которые, объясняясь через посредство бывших на «св. Гавриле» коряцких толмачей, сказывали, что «земля их делает две губы и обращается к устью реки Колымы и всюду прилегло море и великие отмели; и на море, в которое впала река Колыма, всегда носит льды». «На море де знаем один остров, на котором живут люди нашего рода, а кроме того никаких островов и земель не знаем» [2].

9—11 августа обходили Чукотский нос, 10 августа открыли остров, названный именем св. Лаврентия. Полагают, что это тот же остров, о котором говорили чукчи. Но следует иметь в виду, что на острове этом, по крайней мере теперь, живут эскимосы; в 1890 г. их было 267 душ.

Затем вошли в пролив, теперь называемый Беринговым, и 13 августа, под широтою 65° 30′, стали держать совет, итти ли к северу и сколь далеко. Шпанберг предлагал подвигаться вперед до 16 августа, а затем вернуться назад. Мнение же Чирикова было таково:

«Понеже известия не имеется, до которого градуса ширины из северного моря подле восточного берега Азии, от знаемых народов Европей-

[1]) Зап. Гидр. Департ., VIII, стр. 547.

[2]) Зап. Гидр. Деп., VIII, стр. 559. См. также Дневник Чаплина, В а х т и н, Русские труженики моря, 1890, стр. 56—57.

ским жителям бывали, и поэтому не можем достоверно знать о разделении морем Азии с Америкою, ежели не дойдем до устья реки Колымы, или до льдов—понеже известно, что в Северном море всегда ходят льды—того ради надлежит нам непременно, по силе данного Вашему Благородию указа, подле земли итти, ежели не воспрепятствуют льды или не отыдет берег на запад к устью реки Колымы, до мест, показанных в означенном с. и. в. указе; а ежели земля будет поклоняться еще к N. то подлежит по двадцать пятом числе сего настоящего месяца в здешних местах искать место, где бы можно было зимовать, а напаче против Чукотского носа, на земле, на которой, по полученной сказке от Чукоч через Петра Татаринова, имеется лес. А ежели до означенного числа будут противные ветры, то в то время всегда искать зимовой гавани».

Беринг не последовал совету рассудительного и храброго моряка. А между тем к разрешению поставленной экспедиции задачи нужно было итти только таким путем, какой предлагал Чириков: надлежало плыть к устьям Колымы, на что по состоянию погоды и льдов, а также по времени, 15 (26) августа, была полная возможность. Только этим способом можно было удостовериться в том, что между Азией и Америкой нет соединения. Осторожный командор присоединил свой голос к мнению Шпанберга.

14 августа «довольно видели котов», т.-е. морских котиков. 15-го достигли 67° 18′ [1]) с. ш. Так как тут земли больше не было видно, то Беринг решил, что задача исполнена: Азия не соединяется с Америкой, и приказал вернуться обратно. В своем донесении [2]) он говорит об этом так:

«А 15 дня того же августа пришли в ширину северную 67 градусов 18 минут. Рассуждал, что по всему видимому и по данной инструкции блаженныя и вечнодостойныя памяти его императорского величества исполнено, понеже земля более к Северу не простирается, а к Чюкоцкому или к Восточному углу земли никакой неподошло, и возвратился».

Таким образом Берингу не удалось видеть ни американского берега, ни заворота азиатского к западу.

---

[1]) Dall 1890, p. 45, полагает, что настоящее положение этого места, вероятно, 67° 24′ с. ш., 193° 15′ в. д. от Гринича, т.-е. ближе к берегу Аляски, в заливе Коцебу.

[2]) Зап. Военно-Топогр. Депо, X, 1847, стр. 74.

На возвратном пути открыли остров св. Диомида (на самом деле тут два острова, Ратманова и Крузенштерна) [1]).

20 августа пригребли на четырех лодках человек сорок чукчей, которые привезли с собой для продажи мяса, рыбы, воды, лисиц, белых песцов «мест с 15 да 4 зуба моржовых, которые служители команды у них раскушили на иглы да на огнивы». Чукчи объяснили, что родники их ходят на Колыму сухим путем, на оленях, а морем не хаживали, что далеко по морскому берегу живут люди их рода и что русских они давно знают. А один сообщил, что бывал в Анадырском остроге [2]).

1 сентября прибыли к устью реки Камчатки и зазимовали в Нижнекамчатском остроге.

В июне следующего, 1729 г., Беринг пытался отсюда достичь американского берега: «камчатские жители сказывали, что будто в ясные дни они видят землю через моря» [3]). Камчадалы имели в виду остров Беринга. Выйдя из Нижнекамчатска 5 июня на восток, Беринг уже 8-го, из-за сильного ветра с туманом, повернул обратно, обошел южный мыс Камчатки (м. Лопатка), положил его на карту и 2 июня вошел в Большерецк. Отсюда 23 июля пришли в Охотск.

29 августа Беринг был уже в Якутске, а 1 марта 1730 г. вернулся в Петербург, после пятилетнего отсутствия.

Нельзя не отметить, что Беринг не решил с непререкаемой очевидностью поставленной ему задачи: узнать, не соединяется ли Азия с Америкой, ибо, как указывал Чириков, мост между ними мог находиться где-нибудь к западу от того места, где прошел «св. Гавриил».

О ходе экспедиции мы имеем весьма скудные сведения, и все наиболее существенное, что известно, приведено выше.

3. Некоторые результаты.

Сам Беринг ничего не напечатал относительно результатов своего плавания. По возвращении в Петербург, в марте 1730 г., он представил карту и краткий отчет. И то и другое было впервые опубликовано

---

[1]) Об этих островах подробности см. в моей статье в Зап. по Гидрогр., II, (1919), глава 2.

[2]) Беринг, там же.

[3]) Донесение Беринга.

в самом неподходящем месте и потому до сих пор лицам, занимавшимся историей экспедиции Беринга, оставалось неизвестным. Мы говорим о четырехтомном «Описании Китая» французского иезуита Дю-Гальда. В последнем томе этого труда, вышедшем в Париже в 1735 г., помещен краткий отчет о путешествии Беринга [1]), а равно и карта, составленная Д'Анвиллем в 1732 г. [2]). Дю-Гальд говорит, что карта Беринга была послана (кем не сказано) польскому королю «как предмет, достойный его внимания и любопытства», а королем переслана Дю-Гальду. Очевидно, к карте был приложен и отчет, написанный, судя по транскрипции географических имен, по-польски. Опубликованный в книге Дю-Гальда отчет о пути на Камчатку и плаваниях 1728 и 1729 г.г. представляет пересказ донесения Беринга императрице Анне Иоанновне 1730 г. По-русски он напечатан впервые в 1847 г. и перепечатан Вахтиным в 1890 г. Здесь помещены некоторые не безынтересные сведения о якутах и камчадалах, частью повторенные и в «предложении» Беринга, поданном им в Петербурге в апреле 1733 г., и впервые напечатанные полностью Соколовым в 1851 г. [3]).

О якутах Беринг сообщает следующее:

«Якуты имеют у себя скота довольно, лошадей и коров, а пропитанием и одеждою довольствуются все от скота, а которые скота мало имеют, оные рыбою; веру держат идолопоклонническую, кланяются солнцу, луне да изо птиц лебедю, орлу и ворону; имеют у себя в великой чести ворожеи, которые по тамошнему называются шаманы. они же у себя имеют болванов маленьких, а по их шайтаны; а по признанию, что оные от татарской породы» [4]).

О камчадалах Беринг рассказывает: «По их зловерию пакость имеют, если жена или скот какой родит двоих, то одного из них тотчас задавят которой час родится и признавают себе за великий грех, ежели не задавят одного из двоих родившихся» [5]).

---

[1]) Relation succinte du voyage du capitaine Beerings dans la Sibérie. Помещено в: J. B. du H a l d e. Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie chinoise..... IV, Paris, 1735, p. 452—458.

[2]) Carte des Pays, traversés par le Cap. Beerings depuis la Ville de Tobolsk jusqu'à Kamtschatka, 1732.

[3]) С о к о л о в, Зап. Гидр. Деп., IX, стр. 427—435.

[4]) Зап. Военно-Топограф. Депо, X, 1847; В а х т и н, стр. 89.

[5]) Зап. Гидр. Деп., X, 1847; В а х т и н, стр. 93.

«А народ Камчатской имеет обыкновение, когда захворает человек и пролежит немного, хотя и не при смерти, тогда выбрасывают

Рис 5. Богатые якутки (из «Азиат. Росс.», 1914).

вон и пропитания ему дают мало, то от голоду умирают; старый или молодой человек не похочет более жить, то выйдет в зимнее время на мороз и голодом умирают; и многие сами себя давят; а ежели случится

утопать в реке одному, а многие видят, то ему споможения не чинят, а ставят себе в великий грех ежели избавят от потопления; и тако напрасно много народу от такого их обыкновения погибает. Того ради надлежит приказать накрепко, чтоб болезнующих из домов не выказывать и самим себя не умерщвлять» [1]).

Далее Беринг передает про камчадалов, что они оставляют то жилище, в котором скончался человек; мертвых не хоронят в землю, а выбрасывают на съедение собакам. Коряки же (у Дю-Гальда это, по описке, приписано курилам) мертвых сожигают «понеже им такой их обычай хотя и запрещается, но токмо не под страхом».

Про камчатских русских Беринг говорит, что они ни хлеба, ни скота не имеют, для передвижения пользуются собаками, питаются рыбой, кореньями, ягодами, дикими птицами и морскими животными. Из овощей на Камчатке хорошо родится репа «такая великая годом живет, какой и в России мало находится, а именно: по 4 репы в пуд».

Сообщаемые Берингом сведения о камчадалах правильны. Стеллер передает, что камчадалы выбрасывали опасно больных на съедение собакам или оставляли одних в юртах, где их пожирали собаки [2]). Надо думать, что это делалось с согласия самих умирающих, дабы сократить их мучения; так, по крайней мере, говорит Стеллер в другом месте [3]). Случалось, что больные сами уходили в лес и здесь обрекали себя голодной смерти; тела их оставлялись на растерзание диких зверей [4]). Ничтожного повода камчадалу было довольно, чтобы лишить себя жизни. Во время следствий 1741 и 1742 г.г. камчадалы нередко кончали жизнь самоубийством. Самый распространенный способ самоубийства был—утопить себя, потом повеситься, потом зарезаться. Нередко прибегали к самоубийству старики, придя к убеждению, что они стары и ни к чему не годны. В 1737 г., рассказывает Стеллер [5]), по этой причине один старик просил своего сына повесить его на балагане (летнее жилище на столбах), что сын и исполнил; однако, ремень оборвался, и отец, упав, стал бранить сына за неловкость. Тогда сын снова его повесил и на этот раз более удачно. И у чукчей старики, соскучa жизнью, просят иногда своих родственников

---

[1]) Соколов, стр. 432; ср. также Du-Halde, p. 456—457.

[2]) Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, 1774, p. 354.

[3]) p. 294.

[4]) p. 354, 294.

[5]) p. 294.

насильно пресечь им жизнь. О таком случае, происшедшем около 1820 г., рассказывает Врангель [1]). О том же подробно говорит Богораз, который за время с 1890 по 1901 год слышал о двадцати случаях подобной смерти среди чукчей. Один из чукчей, почувствовав сильную боль в желудке, ночью просил своих товарищей убить его, что те и исполнили. Вообще, добровольная смерть считается делом как бы богоугодным. Следующие способы распространены среди чукчей: закалывают ножом или копьем, вешают или убивают из винтовки [2]). Добровольная смерть встречается также среди эскимосов и до недавнего времени наблюдалась и среди коряков. У курилов (т.-е. айнов), говорит Крашенинников (II, стр. 184), «самоубийства не меньше бывает как у камчадалов» [3]).

Точно так же весьма распространены были самоубийства среди алеутов. Про жителей, например, острова Атхи, Вениаминов рассказывает, что они лишали себя жизни от печали по родным (сыну, племяннику, мужу, жене), от неудачи; предпочитали также добровольную смерть пленению неприятелем [4]). Про коняг (эскимосское племя, живущее на острове Кадьяк) Давыдов рассказывает следующее: «равнодушие сих дикарей к жизни достойно удивления. Самоубийства здесь от самых малых причин иногда происходят, и об отвращении оных мало заботятся. Когда кто скажет, что он хочет убиться или утопиться, то его не станут ни удерживать, ни уговаривать об оста-

[1]) Ф. Врангель, Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледов. морю. СПБ. 1841, I, стр. 345.

[2]) Bógoras, The Chukchee, p. 560—568.

[3]) Добровольная смерть стариков встречается и у других народов. Так, про зауральских самоедов Ю. Кушелевский (Северный полюс и земля Ялмал. СПБ. 1868, стр. 52) рассказывает следующее: «Остяки называют самоедов *орхой* (дикий). В преданиях самоедов и остяков еще по настоящее время сохранилось в памяти следующее обыкновение самоедских предков. Удрученный летами самоедин, когда чувствовал себя неспособным к промыслам и езде на оленях, тогда жизнь свою считал в тягость себе и своему потомству. Вследствие этого и вследствие убеждения, что в загробной жизни он может быть купцом, приказывал себя убить в честь счастливой жизни своего потомства, а тело свое съесть. Этот обряд отцеубийства исполняли дети при шаманстве с особенным благоговением и тело съедали... Еще недавно был такой случай: лет 15 тому назад самоед, руководясь убеждениями своих предков, съел свою мать, старую и неспособную к труду».

[4]) И. Вениаминов, Записки об атхинских алеутах и колошах (Записки об островах Уналашкинского отдела, часть III). СПБ. 1840, стр. 9.

влении сего намерения и даже, увидев его утопающего, ни кто не поедет спасать» [1]).

О распространении самоубийств среди камчадалов говорит и Крашенинников; особенно участились самоубийства после покорения Камчатки, так что из Москвы даже был прислан указ, «чтоб Россиянам не допускать камчадалов до самовольной смерти» [2]) вероятно,—результат «предложений» Беринга. Во время войны камчадалы, если военное счастье им изменяет, закалывают жен, детей и кончают жизнь самоубийством [3]). По словам того же автора [4]), «за смертной грех почитают утопающего избавить от погибели, для того, что по их суеверию, тем, кои изловят, самим утонуть будет». (Стеллер прибавляет, что утопающему не только не помогали, но напротив старались утопить его, полагая, что лучше ему умереть; если же утопающему удавалось спастись, то считали его как бы зачумленным: не пускали в свое жилище, не давали пищи, не говорили с ним, принимая его как бы за настоящего мертвеца.

Крашенинников подтверждает, что в случае появления на свет двойни, одного младенца камчадалы умерщвляли [5]). Мертвых камчадалы вытаскивали из юрты, привязав ремень на шею и отдав на съедение собакам, считая, что кого съедят собаки, тот на том свете будет ездить на добрых собаках [6]). Жилища, в которых кто-нибудь умер, они всегда покидают из страха, чтобы к ним не пришел умерший [7]). То же делали и курильцы на южных Курильских островах [8]). Коряки [9]) и иногда чукчи [10]) сжигают мертвых, а курилы,—по крайней мере, островные,—умерших зимою хоронили в снег, а летом в землю [11]).

---

[1]) Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, Часть II. СПБ. 1812, стр. 33; см. также стр. 33—35, 40—42.

[2]) Крашенинников, II, стр. 16.

[3]) Крашенинников, II, стр. 65.—Steller, p. 238.

[4]) Крашенинников, II, стр. 79.—Steller, p. 295.

[5]) Крашенинников, II, стр. 127.

[6]) Крашенинников, II, стр. 135—136.

[7]) Крашенинников, II, стр. 136, 78.

[8]) Г. Шелехов, Путешествие. Ч. I, СПБ. 1812, стр. 131.

[9]) Крашенинников, II, стр. 166. То же коряки делают и теперь (В. И. Иохельсон).

[10]) Bogoras, Chukchee, p. 522, 532. Чукчи или сжигают своих мертвецов, или выбрасывают их на съедение диким животным.

[11]) Крашенинников, II, стр. 184. Полонский (стр. 383) говорит, что островные курилы зарывали покойников неглубоко в землю.

V. Вторая экспедиция Беринга.

1. Снаряжение экспедиции. Участники.

Беринг сам сознавал, что его плавание 1728 года не вполне разрешило поставленные ему задачи. Немедленно по возвращении в Петербург, уже в апреле 1730 г., он подал проект новой экспедиции. В этом проекте он предлагал построить на Камчатке судно и на нем постараться разведать берег Америки, которая, по предположениям Беринга, «не очень далеко от Камчатки, например, 150 или 200 миль быть имеет». В качестве довода в пользу этого мнения Беринг приводит следующее соображение: «выведывая, изобрел» (т.-е. открыл) он, «что далее оста, то море волнами ниже подымается, такожде и на берег острова, именуемого Карагинской, великой сосновой лес, которого в Камчатской земле не растет, выбросило»[1]. Кроме того, полезно было

[1] Подробнее об этом говорит Миллер (Сочинения и Переводы, 1758, ч. I, стр. 208): «На Карагинском острову, лежащем против устья реки Караги, примечены у тамошних жителей (коряков, Л. Б.) большие бревна еловые и сосновые, которые употреблены на подпоры и в стены в их зимних земляных юртах, а такого лесу нет ни на Камчатке, ни на островах, близ земли сей лежащих. Жители сами сказывали, что такой лес иногда приносит к их острову восточным ветром». В эти широты (57°—58° с. ш.) выкидной лес может попадать только с Юкона. О том же острове Миллер (стр. 207—208) рассказывает следующее: «Сказывают, что около 1715 году жил на Камчатке человек иностранной, которой, по причине Камчатских мелких кедровых орехов и ниских кустов, на коих растут те орехи, объявлял о себе, что он родился в такой земле, где растут кедровые дерева высокие, а на них орехи, гораздо крупняе Камчатских; а сия де земля лежит от Камчатки на восток. В ней де есть большие реки, которые впали в Камчатское море. Жителям де имя *тонтолы;* они обыкновениями схожи с камчадалами и употребляют к водяному ходу такие же коженые суда, или байдары, как Камчадалы. Назад де тому много лет приехал он с земляками своими на таком судне на Карагинской остров, где товарищи его от тамошних жителей убиты, а он, оставшись один, ушел на Камчатку». Большие реки, леса и кожаные лодки как бы указывают на Аляску и эскимосов. Но название «тонтолы» мне непонятно. Заметим еще, что у камчадалов лодки не кожаные, а деревянные.

бы «Охотской или Камчатской водяной проход до устья реки Амура и далее, до Японских островов, выведывать; також, ежели возможность допустить, и с Японами торг завесть, чегоб не малой прибыли Российской Империи впредь могло оказаться». Наконец, Беринг указывал на необходимость исследования берегов Сибири от Оби до Лены [1]).

По словам Г. Миллера, деятельное участие в осуществлении проектов Беринга принимал сенатский обер-секретарь Иван Кириллович Кириллов.

17 апреля 1732 г. последовал указ о снаряжении новой экспедиции на Камчатку под начальством Беринга. В обсуждении плана экспедиции принимали участие сенат, адмиратейств-коллегия и академия наук. Астроному Иосифу Делилю было поручено составить карту Камчатки и прилежащих стран. Первая экспедиция Беринга не принесла данных, которые позволили бы разрешить вопрос о том, как далеко отстоит Америка от Азии. Это сознавал И. Делиль, который в своей объяснительной записке к карте писал: «А понеже також мало известно, сколь далеко Америка на северо-восток простирается, то может статься, что она там с Азией сближается, что между оными не широкий пролив находится, по которому, в способную погоду, может быть небольшими судами ходить безопасно» [2]). Делиль высказывает предположение, что земля, в которую вдались заливы Гудзонов и Баффинов, продолжается далеко на запад и что «следовательно, самый крайний нос Азии (т.-е. мыс Восточный или Дежнева), где Капитан Беринг был, близко к вышеупомянутым берегам подался. И ежели бы таким образом твердая земля Америки так далеко простиралась, то бы подле Азиятских берегов, подле которых Капитан Беринг ходил, надлежало означить пролив Аннанской [3]). Токмо я того утверждать не могу, есть ли такой пролив или нет, ибо может быть, что токмо думают, что есть».

Берингу инструкцией 1732 г. предписывалось, когда «найдут острова и земли новые, не подвластные никому, и на них народы, по силе с. и. в. высокого указа, прилежным вашим старанием подданство примут, с такими поступать ласково

[1]) А. Соколов, Записки Гидрогр. Департ., IX, 1851, стр. 435—436.

[2]) Соколов 1851, стр. 438.

[3]) Об Аннанском проливе см. мою статью в Записках по Гидрогр., т. II (XLIII), в. 2 за 1919 год.

и никакого свирепства не показывать и жестокостию не поступать» [1]).

Начальником экспедиции назначен был Беринг, помощником ему определен Чириков, вторым помощником Шпанберг. Последний предназначался в качестве начальника отряда для плавания в Японию; впоследствии к нему были назначены англичанин лейтенант Вальтон и голландец мичман Шельтинг (Шхельтинг).

Из штурманов, участвовавших в плавании Беринга, отметим имена Свена Вакселя и Софрона Хитрова. Оба они оставили записки, доселе не опубликованные.

Для описи северных берегов Сибири определены лейтенанты Муравьев и Павлов, впоследствии смененные Малыгиным и Скуратовым; Овцын, работы которого продолжал Минин, затем Прончищев и Ласиниус, по смерти замененные Харитоном и Дмитрием Лаптевыми.

От Академии Наук были назначены: натуралист Иоганн Гмелин, затем профессор истории и географии Герард Миллер, впоследствии знаменитый историограф, наконец, «профессор астрономии» Людовик Делиль-де-ла-Кройер (брат известного астронома академика Иосифа-Николая Делиля), пьяница и вообще человек никуда негодный [2]), помощниками у него были студенты Красильников, впоследствии член Академии Наук, и Попов. Гмелин и Миллер впоследствии были заменены Стеллером и И. Фишером.

Герард Фридрих (а по-русски Федор Иванович) Миллер [3]) родился в 1705 г. в Герефорде, в Германии. Двадцатилетним юношей

---

[1]) Соколов, стр. 230—231.

[2]) В 1742 г. иркутская канцелярия доносила Академии Наук, что на де-ла-Кройера поступил отчасти подтвердившийся донос, что «оной де профессор де-ла-Кройер имеет при себе торговых и промышленных людей, под именем служителей— города Томска обывателя Семена Оленева да Филиппа Минина, которые де, под прикрытием живучи при нем многие годы и переезжая с города на город, торгуют заповедною мягкой рухлядью: соболями, лисицами, песцами, горностаями, белкою и всякими товарами беспошлинно тайно, обще с ним, профессором». (П. Некарский, История Императ. Акад. Наук в Петербурге, т. I, СПБ. 1870, стр. 153).

[3]) Подробная биография его у Некарского, l. c., стр. 308—430. См. также: князь Н. В. Голицын, Портфели Г. В. Миллера. М. 1899, 150 стр., где помещено подробное описание документов, оставшихся после Миллера, а также напечатана автобиография историка (стр. 136—148).

он был приглашен на службу в петербургскую академию со званием студента. В 1733 г. был назначен в экспедицию Беринга, в которой и пробыл, вместе с Гмелином, 10 лет. В Сибири Миллер работал в архивах, делая выписки из бумаг, относящихся к истории и к географии края. Помимо того, изучал быт бурятов, тунгусов, остяков, вогулов. Так как сибирские архивы затем по большей части погорели, то собранные Миллером материалы (а они хранятся в Москве в архиве бывшего министерства иностранных дел) представляют бесценное сокровище. Часть документов напечатана в Собрании государственных грамот и договоров (1819—28), Дополнениях к Актам историческим, в Памятниках Сибирской Истории.

В феврале 1743 г. Миллер вернулся в Петербург. Здесь он обрабатывал собранные им материалы, напечатал первый том «Описания Сибирского царства» (1750), с 1755 г. в продолжение 10 лет выпускал при Академии периодическое издание «Ежемесячные Сочинения», первый в России научно-популярный журнал. Здесь помещены чрезвычайно ценные статьи Миллера по истории исследования Сибири. Беспокойная жизнь в Петербурге заставила историографа переехать в 1765 г. в Москву, где он и скончался в 1783 г. Это был ученый большого таланта, широкого кругозора и громадной эрудиции. Заслуги его перед русской наукой неоценимы.

Иоганн Георг Гмелин [1]) родился в 1709 г. в Тюбингене. Окончив здесь медицинский факультет, он в 1727 г. приехал в Петербург и в 1731 г. был объявлен в академическом заседании профессором химии и натуральной истории. Значительную часть своего путешествия по Сибири он проделал совместно с Миллером, с которым и вернулся в Петербург в 1743 г. Здесь он приступил к обработке ботанических коллекций, собранных им в Сибири, и через три года представил Академии первый том своего классического труда Flora sibirica. В 1747 г. Гмелин был отпущен на год заграницу, с обязательством вернуться назад. У себя на родине он был назначен профессором медицины в Тюбингенский университет и возвратиться в Россию отказался. В 1751—2 г.г. Гмелин опубликовал в Геттингене свой знаменитый отчет о сибирском путешествии: Reise durch Sibirien; он переведен на многие языки, но не на русский. В 1755 г. Гмелин скончался. Его «Путешествие» представляет чрезвычайно важный географиче-

[1]) Биография его у Пекарского, стр. 431—457.

ский памятник, а Flora sibirica, заключающая описание 1178 сибирских видов, весьма высоко ценится ботаниками.

Георг Вильгельм Стеллер [1]) родился в Франконии в 1709 г. 25-летним юношей он приехал в Петербург искать счастья. Здесь он служил сначала врачем у Феофана Прокоповича, а в 1737 г. был принят на службу Академии адъюнктом натуральной истории при Камчатской экспедиции и, согласно своему желанию, отправлен на Камчатку. В том же году Стеллер выехал в Томск; переболев здесь горячкой, он в 1739 г. прибыл в Енисейск к Миллеру и Гмелину. Последний во втором томе своего «Путешествия по Сибири» дает меткую характеристику Стеллера. Это был натуралист весьма даровитый и вместе с тем путешественник прирожденный. Он не останавливался ни перед какими трудностями и вел жизнь самую простую. Имел один сосуд, в котором сам стряпал свою пищу и из которого и ел и пил. Всякое платье и всякий сапог были ему впору. Всегда он был весел. При всей беспорядочности жизни, Стеллер был наблюдатель весьма точный.

Из Енисейска Стеллер поехал в Иркутск, отсюда в Баргузинск и Кяхту. В начале 1740 г. встретился в Киренске с Шпанбергом. В мае того же года был в Якутске, а 20 августа в Охотске. Выйдя отсюда на судне «Охотск» на Камчатку, 21 сентября 1740 г. прибыл к устью Большой реки. Приглашенный Берингом принять участие в путешествии к берегам Америки, Стеллер 20 марта 1741 г. прибыл в Петропавловск. Приемом Беринга он остался весьма недоволен и писал в сенат: «Во всем принят не так, как по моему характеру принять надлежало, но яко простой солдат и за подлого от него, Беринга, и от прочих признаван был, и ни к какому совету я им, Берингом, призыван был» [2]). О плавании Стеллера подробно говорится ниже. По возвращении с острова Беринга, он еще два года оставался на Камчатке, занимаясь здесь исследованиями. 3 августа 1744 г. отправился в Охотск. Пробыв довольно долго в Якутске, он весной 1746 г. приехал в Соликамск и лето провел в ботанических экскурсиях. Но здесь его ждала беда. На Камчатке Стеллер имел столкновения с мичманом Хметевским. Они посылали друг на друга жалобы. В одном из доносов Хметевский писал, что Стеллер самовольно отпустил в Большерецке камчадалов, главных зачинщиков восстания. Сенат распоря-

[1]) Биография его у Некарского, стр. 587—616.

[2]) Донесение сенату от 16 ноября 1742 г. (Записки Академии Наук, XV, приложение № 1, 1869, стр. 15).

дился строго допросить Стеллера в иркутской канцелярии. В 1745 г., в бытность в Иркутске, путешественник дал объяснения, которые были признаны удовлетворительными; канцелярия дозволила ему продолжать путешествие и обо всем донесла сенату. Получив из Сибирского Приказа извещение, что Стеллер едет в Петербург, но не имея еще вышеупомянутой бумаги от иркутской канцелярии, сенат послал нарочного с приказанием везти Стеллера обратно в Иркутск. Это распоряжение застало нашего натуралиста в Соликамске. Он отправился согласно предписанию обратно и доехал уже до Тары, как здесь застало его второе предписание сената, посланное с курьером: «Стеллера из караула освободить, а ехать им как Стеллеру, так и курьеру в С.-Петербург, каждому особо и Стеллеру по его воле». Дело в том, что сенат успел получить донесение иркутской канцелярии о невиновности Стеллера. Путешественник опять поехал обратно к Петербургу, но, не доезжая до Тюмени, заболел горячкой и умер 12 ноября 1746 г. Погребен он в Тюмени. После Стеллера осталась масса рукописей; часть их опубликована. Главнейшие из напечатанных трудов: наблюдения над морскими зверями Берингова моря (1752), дневник путешествия в Америку (1793) и, наконец, описания Камчатки (1774) и Берингова острова (1781).

Стеллер был необычайно талантливый человек, и преждевременная смерть его большая потеря для науки. О его удивительной проницательности мы будем иметь случаи неоднократно говорить. Натуралист разносторонний и наблюдательный, обладавший большим запасом знаний, неисчерпаемой энергией и умением приспособляться ко всем невзгодам путешествий, он вместе с тем отличался большим самомнением, запосчивостью и весьма неприятной склонностью вмешиваться во все дела, которые его официально не касались. Этим объясняется крайне враждебное отношение, какое он вызвал к себе среди командного состава «св. Петра». Его отзывы об офицерах этого судна продиктованы злобой и никоим образом не могут приниматься на веру. В своем ослеплении Стеллер нередко переходит даже границы здравого смысла, как, например, когда обвиняет Вакселя и Хитрова «в измене и предательстве» за то, что они, перед высадкой на остров Беринга, правили на север [1]).

---

[1]) Reise von Kamtsch. nach Amer., p. 94.

Его поведение на крайне важном совете 6 ноября также было крайне неприличным и вызывающим, несмотря на то, что шел вопрос о судьбе судна и всех людей [1]). Не удивительно, что, при таком характере Стеллера, даже дельные советы его (а большинство, действительно, были дельными) принимались недружелюбно.

Наконец, нужно упомянуть об Иоганне Эбергарде Ф и ш е р е [2]). Он родился в 1697 г. в Германии. В 1730 г., имея ученую степень магистра, прибыл в Петербург. В 1739 г. отправлен в Сибирь для смены Миллера, просившего о возвращении в Петербург. Фишер, по специальности филолог-классик, для экспедиции решительно ничего полезного не сделал. В Сибири Фишер, человек, по отзыву Гмелина, вздорный и ограниченный, вел себя непристойным образом, бил прикомандированных к нему солдат, не платил за заказанные вещи, говоря, что он «государев человек» и т. п. Один из солдат в своей жалобе на Фишера рассказывает, что тот велел везти себя «в колыбели или в качке», которую должны были тащить люди, «а трость свою с костылем велел наперед себя нести таким образом, якобы как перед архиереем носят». В 1768 г. Академией была издана «Sibirische Geschichte», составленная Фишером по документам, привезенным из Сибири Миллером. В 1774 году вышел русский перевод. Труд этот имеет громадную важность для истории Сибири вообще и в частности для истории открытий в этой стране, но Фишеру принадлежит лишь весьма скромная заслуга компилятора по чужим материалам. Умер Фишер в 1771 г. в Петербурге.

Кроме перечисленных лиц, в состав экспедиции входили штурмана, лекаря, матросы, студенты, геодезисты, два живописца, конвой из 14 человек, а всего до 570 человек.

В феврале 1733 г. участники экспедиции начали выезжать из Петербурга. Берингу и Чирикову было назначено, построив суда в Охотске или на Камчатке, итти на двух судах для проведывания предполагаемых берегов Америки, чтобы узнать, «какие на них народы, как то место называют и подлинно ль те берега американские». Шпанбергу поручалось на трех судах описать Курильские острова, а затем итти к Японии и постараться завести с японцами дружественные сношения. Прочие офицеры должны были описать северные берега

[1]) Reise von Kamtsch. nach Amer., p. 97.
[2]) П е к а р с к и й, стр. 617—636.

Сибири, начиная от Архангельска и, если возможно будет, до Камчатки; целью работы полагалось удостовериться, «есть ли соединение Камчатской земли с Америкою, также имеется ли проход Северным морем» [1]). Академики Гмелин и Миллер должны были производить географические и исторические исследования в Сибири и на Камчатке. Делилю поручались астрономические наблюдения и заведывание съемками. Сибирским властям было послано предписание оказывать экспедиции всяческое содействие. Специально для ускорения сношений приказано учредить постоянную почту между Москвой и Тобольском.

Экспедиция была рассчитана на шесть лет. Многие из офицеров и некоторые из нижних чинов взяли с собою жен и детей. Снаряжение морской экспедиции следовало на подводах до Твери, отсюда до Казани Волгою; от Казани до Тобольска на подводах. Здесь экспедиция зазимовала.

Весною 1734 г. обоз под начальством Чирикова отправился далее, водою по Иртышу, Оби, Кети, Енисею, Тунгуске и Илиму до Илимска, отсюда сухопутьем до Усть-кута на Лене. Летом 1735 г. обоз был доставлен по Лене в Якутск. Беринг прибыл туда еще в октябре предыдущего года, а Шпанберг, посланный вперед, еще в мае (1734). Из Якутска Шпанберг отправился в Охотск, где предстояло подготовить все нужное для экспедиции. Прибыв сюда в октябре, он должен был прежде всего заняться постройкой помещений. Зимою, из-за недостатка провизии, пришлось претерпевать громадные лишения. С весны 1735 года в Охотске приступили к постройке новых судов и починке старых.

Из Якутска Беринг в 1734 г. посылал в Нерчинск двух геодезистов, Скобельцына и Шетилова, для отыскания легчайшего пути к Охотскому морю, между верховьями Лены и Уда. Они дошли до реки Еловой, впадающей в Олекму, но дальше, за отсутствием проводников, не могли пройти и в 1736 г. вернулись в Якутск. Отсюда Беринг их снова отправил в Иркутск, поручив опять итти той же дорогой. В июле 1737 г. они вышли из Нерчинска, дошли до Зеи при устье Гилюя, а отсюда отправились вверх по Зее, но в конце декабря, не надеясь найти дорогу к верховьям реки Уд, повернули к китайской границе и вышли к Албазину.

---

[1]) Соколов, стр. 224.

К концу 1736 г. в Якутске собрались Беринг, Чириков, Миллер, Гмелин, Делиль и другие участники экспедиции, а всего, считая с командой, служилыми и с ссыльными, назначенными для перевозки тяжестей в Охотск, до 800 человек. Прошло уже 4 года со времени отправления экспедиции из Петербурга, а между тем к работам еще не приступали. Сенат и адмиралтейств-коллегия были весьма недовольны такой медлительностью. Отвечая на побуждения ускорить дело, Беринг жаловался на то, что сибирские власти не исполняют его распоряжений. Адмиралтейств-коллегия в ответ на это строго приказывала местным начальствам помогать экспедиции, стращая «не токмо штрафом, но и жестоким истязанием». Местные же власти, в свою очередь, слали жалобы на членов экспедиции. Беринг в ответ писал: «по чистой моей совести доношу, что уж как мне больше того стараться, не знаю».

Побуждаемый адмиралтейств-коллегией, Беринг, летом 1737 г., после трехлетнего пребывания в Якутске, переехал в Охотск, хотя экспедиция не была еще подготовлена как следует, и плохая организация, в конце концов, привела к гибели как самого Беринга, так и многих людей.

Еще раньше, весной 1737 г., в Охотск приехал Чириков. В Охотск переведена была и команда, и для пропитания экспедиции требовалось на год до 16.000 пудов провианта. Если принять во внимание, что все это должно было быть привезено издалека, то станет ясным, почему Беринга угнетали опасения, «чтоб такого многолюдства не поморить от голоду».

В Охотске, под наблюдением Шпанберга, были построены два новых судна: бригантин «Архангел Михаил», одномачтовое судно длиною в 60 фут., и дубель-шлюпка «Надежда» длиною 70 фут., трехмачтовая, и исправлены два старых бота, «Фортуна» и «Гавриил» длиною в 60 футов. В сентябре можно было выйти в море, но помешал недостаток провианта. 4 октября 1737 г. был послан на Камчатку бот «Фортуна», для привоза оттуда смолы и для перевоза заготовленной в камчатских острогах провизии к Большерецку (на западном берегу Камчатки). На этом боте отправился студент Степан Петрович К р а ш е н и н н и к о в, впоследствии академик и автор классического труда «Описание земли Камчатки» (1755), выпущенного в свет Академией Наук уже после смерти путешественника. Переход в смысле погоды был благополучный, но, по прибытии к Большерецку,

старое судно было сильным ветром выкинуто на берег и разбито вдребезги... Пришлось за смолою посылать в Якутск.

2. Плавания Шпанберга и Вальтона в Японию.

Одной из важнейших целей экспедиции Беринга было завязать сношения с Японией. После того, как через пленных японцев были получены обстоятельные сведения о Японии, в Петербурге стали весьма интересоваться этой страной. В 1716 г. два петербургских купца подали в сенат ходатайство о разрешении производить торговлю с Японией и Ост-Индией.

Инструкция, данная капитану Шпанбергу в Петербурге, предписывала ему на трех судах следовать «ради обсервации и изыскания пути до Японии», осмотрев и описав прежде всего Курильские острова; затем итти, не мешкая, к Японии и разведывать о ее состоянии и портах, стараясь расположить японцев к себе, «дабы своей дружбою перемогать их застарелую Азиатскую нелюдность» [1]).

В это время очертания Японии не только у нас, но и на Западе были известны очень плохо. На картах изображали на севере тогдашней Японии остров Jedzo, т.-е. Иезо, или Хоккандо, или Матемай, к востоку от него большой остров Штатов, а еще восточнее—несуществующую землю Гамы. Происхождение этих обозначений таково.

О земле Ecо (Yeço), лежащей к северу от Ниппона (Хондо), главного острова Японии, принес в Европу первые известия один из иезуитов еще в 1566 г. Более обстоятельные сведения были получены в первые десятилетия XVII века. В 1620 г. иезуит Caravaglio посетил Иезо. В конце XVI и в первой половине XVII столетия среди испанцев, а также голландцев, были распространены слухи, что к востоку от Японии имеется страна, необычайно богатая золотом и серебром (Rica de Oro, Rica de Plata). Основываясь на этих сведениях, управление голландскими колониями снарядило в 1643 г. из Батавии экспедицию к берегам Японии на судах «Castricum» под начальством Фриза (Vries) и «Breskens» под командой Схепа (Schaep). На широте южной оконечности Японии корабли разлучились, и Фриз продолжал свои исследования один, плывя на север. 9 июня он был у берегов Иезо, где его судно посетили айны. Затем он подошел к южным Курильским

---

[1]) Соколов, стр. 223—4.

островам; двум из них он дал названия: остров *Штатов* (ныне Итуруп) и *Земля Компании*. Эта последняя, лежавшая на востоке, была, по мнению Фриза, частью Сев. Америки. 26 июля он достиг юго-восточной части Сахалина, а день или два спустя—мыса Терпения (на Сахалине). После бесплодных поисков золотоносных островов, Фриз в ноябре 1643 г. вернулся на Формозу.

Португалец Texeira изобразил на своей карте 1649 г. *Землю Гамы*, под 44—45° с. ш. и к северо-востоку от Японии, т.-е. приблизительно на том месте, где Фриз открыл южные Курильские острова. Гама—это был португальский моряк, будто бы открывший эту землю на пути из Китая в Мексику.

На картах XVII и первой половины XVIII столетий господствует необычайная путаница в отношении острова Иезо: одни соединяли его с материком Азии, другие причисляли к Америке, третьи изображали в виде громадного острова между Азией и Америкой. На карте Страленберга 1730 г. Иезо отождествлено с Камчаткой: «Terra Kamtszatka alias Jedso».

На карте, составленной Иосифом Делилем, по поручению сената, в 1732 г. и переданной Берингу в руководство, изображена под 48° с. ш. и Земля Гамы, к северо-востоку от обширной Земли Компании (45°—48° с. ш.). О Земле Гамы Делиль в своем объяснении к карте [1]) говорит: «Усмотренная Дон-Жуаном (де-Гама) земля, которую я на ландкарте прямо против Камчатки означил, может быть не соединяется ли с твердою землею Америки, а именно с Калифорниею, на севере, при сысканном от Мартина д'Агвилара заливе». «Может быть еще скорее и с большею достоверностью виденная дон-Жуаном-де-Гамою земля найдется, если оную искать будут отправлять с Камчатки на полдень, потому что она лежит на восток от так называемой Земли Компании, которая в 1643 году Голландскими кораблями найдена, и оными, именем Господ Генеральных Штатов, взята в Голландское владение».

1. Плавание Шпанберга.

Под начальством Шпанберга было три судна: «Михаил» с экипажем в 63 человека, на котором командовал он сам, «Надежда» под

[1]) Соколов, стр. 437—445 (русск. перевод); Golder, p. 302—312 (франц. оригинал).

начальством лейтенанта Вальтона и «Гавриил» под начальством Шельтинга; на обоих по 44 человека команды. Выйдя из Охотска 18 июня 1738 г., в начале июля прибыли в Большерецк на Камчатке, где взяли провиант, и 15 июля отправились на поиски Японии. Шли вдоль Курильской гряды. Спутники Шпанберга скоро отстали, а он нанес на карту гряду Курильских островов, коих он насчитал 31,—больше, чем их числится ныне [1]). Обогнув остров Уруп, названный им Ольховым, он, 3 августа, приблизительно под $45^1/_2$° с. ш., решил вернуться назад из-за недостатка в провизии и отсутствия хороших якорных мест между островами. 17 августа Шпанберг прибыл в Большерецк.

Таким образом, поручения проведать Японию он не исполнил и по причинам, которые нельзя назвать уважительными. Погода все время была тихая. Равным образом он не попытался, как ему предписывалось, завязать сношения с жителями Курил. Об этих островах он сообщил только, что у них «берега каменные, утесы весьма крутые, и в море великая быстрота и колебание жестокое, на якоре стоять грунтов не имеется и очень глубоко» [2]).

Вальтон доходил к югу, частью вдоль Курильской гряды, до 43° с. ш., т.-е. до параллели острова Хоккайдо, но берегов не видел. Он вернулся в Большерецк через неделю после Шпанберга, а Шельтинг был здесь уже с 7-го августа. В Большерецке решили зазимовать.

В следующем, 1739-м г., Шпанберг вышел 21 мая, уже в составе четырех судов, к первым Курильским островам. Отсюда пошли на юго-восток, пересекли местоположение не оказавшейся Земли Гамы, а затем повернули к юго-западу. 14 июня, под $39^1/_2$° с. ш., Вальтон умышленно отделился от Шпанберга.

16-го июня под широтою 39° Шпанберг увидел берега Японии, именно северо-восточное побережье острова Хондо. Следуя вдоль берега на юг, он, приблизительно под 38° 20′ с. ш., [3]) 22 июня, стал на якорь. Экипаж, привыкший к скудной охотской и камчатской природе

---

[1]) Карта Курильских островов, составленная Шпанбергом на основании работ 1738 и 1739 г.г., воспроизведена Е г е р м а н о м в XXXVIII томе (1914) Записок по Гидрографии, при стр. 448.

[2]) С о к о л о в, стр. 347.

[3]) По М и л л е р у (Сочин. и Перев., 1758, ч. II, стр. 104) под 38° 25′, по С о к о л о в у (стр. 350) под $37^1/_2$°, по карте Шпанберга 38° 20′, по японским источникам $38^1/_4$°.

и безлюдью, был поражен роскошной растительностью, невиданными животными, богатством и многолюдством селений. С корабля было замечено, что жители встревожены появлением иноземцев: по ночам они жгли сигнальные огни. Но никаких враждебных действий японцы не предпринимали.

Оставаясь на якоре в версте от берега, завели сношения с жителями. Японцы привозили сорочинское пшено, т.-е. рис, листовой табак, разные овощи и ткани, камбалу «и прочие еще 4 рода рыбы, которых мы, говорится в вахтенном журнале, в Европе ни в Азии не видали», а также четыреугольные золотые монеты и обменивали все это на русские вещи. С обеих сторон соблюдали большую учтивость. При обмене товаров японцы поступали справедливо. Более всего японцам нравились сукна, суконное платье и синий стекляный бисер, бумажных же и шелковых материй, зеркал, ножей, ножниц, игол и подобных вещей не брали, так как все это имелось в их стране [1]).

Около судна заметили много японских лодок, длиной около 24 футов, остроносых, с плоской кормой, посреди с палубой; на палубе небольшой очаг; у некоторых было по два руля. Якоря железные, четырехрогие. Вместо железных гвоздей и скоб на этих лодках и на других судах—медные. Гребут стоя. Были и другого типа суда, более крупные, *бусы*, острые, как спереди, так и сзади. Они ходят хорошо только по ветру и употребляются для развоза товаров вдоль берегов, при противных ветрах часто заносятся в открытое море и попадают даже на Камчатку [2]).

К судну подошла большая лодка, на которой, помимо команды, находилось четыре японца, повидимому, высокопоставленных, судя по платью и другим признакам. Капитан пригласил их к себе в каюту. «При входе во оную поклонилися ему до земли, подняв руки в верьх, и сложа их вместе, держали над головою, и стояли на коленах до тех пор, пока Капитан их встать не принудил. Он подчивал их водкою и кушаньем, что казалось им не неприятным. Как Капитан показал им морскую карту сим странам и глобус, то узнали они тотчас свою землю, которую называли именем *Нифон*. Они приметили и остров *Матмай* (т.-е. Матемай или Иезо или Хоккандо) и *Садо*, также и на мысы *Сангар* (имеется в виду пролив Сангарский) и *Ното*

---

[1]) Миллер, Сочин. и Перев., 1758, ч. II, стр. 104.

[2]) Там же, стр. 105—106.

перетами указывали. При отходе поклонились они также и земле, изъявляя свою благодарность за то, чем они довольствованы были» [1]). Тем не менее Шпанберг не доверял японцам.

Наружность их он изображает в своем донесении следующим образом:

«Оные Японцы росту среднего и малого, платье у них много схоже с Татарским; ходят босые, штанов и портков никаких не имеют; с полуголовы по лбу волосы стрижены и подклеены клеем, назади завязываются кустиком, который торчит к верху; шляпы у них великие, травяные, плоские; носят те шляпы, подвязав себе под бороду, а у которых шляп нет, те головы подвязывают платками; вместо епанеч имеют вощанки, сделанные из бумаги. А телом оные Японцы некоторые из-бела, а более смуглых, глаза малые, волосы черные, бороду бреют» [2]).

Видя около себя сразу до восьмидесяти лодок, на которых было около 900 душ японцев, и опасаясь враждебных со стороны их действий, Шпанберг поспешил в тот же день сняться с якоря, не выходя на берег. Такая поспешность не совсем понятна, ибо поведение японцев не подавало никаких поводов к опасениям. Шпанберг, пробыв у берегов Японии всего один день, не использовал удобного случая ближе сойтись с японцами, к чему была полная возможность. Кроме того, следовало бы запастись свежей провизией для больных, которые имелись на бригантине.

В японских источниках мне удалось найти сведения о посещении Шпанбергом и Вальтоном берегов Японии. В книге «Хоккайдоо сикоо» (ч. I, 1896, стр. 47—48), извлечение из коей дано Д. Позднеевым [3]), относительно плавания корабля Шпанберга сообщается:

17 июня (ст. ст.) 1739 г. [4]) в открытом море у берегов уезда Озикагоори (полуостров приблизительно под 38½° с. ш.) владения Сэндай (город на севере Хондо) в Оосюу (название северной части Хондо)

---

[1]) Миллер, стр. 106—107.

[2]) Соколов, стр. 352.

[3]) Д. Поздневев, Материалы по истории северной Японии и ее отношений к материку Азии и России. II. Иокохама, 1909, стр. 18—20.

[4]) Перевод японского летосчисления на европейское любезно сделан С. Г. Елисеевым по книге: P. Hoang, Concordance des chronologies néoméniques chinoise et européenne. Chang-hai, 1910, p. 324.

появились и исчезли два совершенно неизвестных японцам судна. На следующий день утром, 18 июня, против берегов уезда Ватари-гоори (населенный пункт Ватари-гоори под 38° с. ш.) появились и исчезли три судна. 21 июня в сумерки рыбак берега Амицихама, (небольшой остров у западного берега полуострова Озика-гоори, прибл. под 38¼° с. ш.), выйдя за рыбою, дошел в лодке до Тасирохама в открытом море (небольшой остров севернее острова Амици). В это утро он поел свой завтрак очень рано и скоро, почему захотел есть, и в то время, когда он имел намерение возвратиться на сушу, одно большое судно прошло близко от него под парусами. Полагая, что это судно, провозящее рис и хлебные продукты, он приблизился к нему, но тут увидел, что это иностранный корабль (как видим, японский рыбак подробно мотивирует, почему он вынужден был вступить в сношения с иностранцами, ибо японскими законами того времени это строго возбранялось). Он увидел, что люди на судне что-то ели и, будучи сам голоден, попросил у них знаками поесть. Они дали ему хлеба, который ели сами. В это время рыбаку показалось, что они как бы просят у него табаку, поэтому он достал свой кисет с табаком и отдал им. Потом они дали ему карточку, на которой был написан знак креста. Посмотрев внутрь судна, он увидел там 40—50 высоких людей. Так как в это время день уже склонялся к вечеру, то рыбак вернулся на берег.

Здесь, очевидно, рассказывается о приближении Шпанберга к берегам северного Хондо. Мы видим, что Шпанберг стал на якорь приблизительно под 38¼° с. ш., что близко сходится с указанием Миллера (38° 25′ с. ш. [1]). Посещение японцами русского судна, японский источник описывает так:

Из Сэндан, для расследования дела о появлении неизвестных судов, прибыл чиновник Канеицироо. Приблизившись к судну, К. снял свою шляпу. Вежливо и с церемониями он дал понять, что желает быть проведенным на судно. Он сообразил, что это русское судно. Его ввели. Так как он показывал знаками, что ему желательно осмотреть корабль, то служащие на судне провели его и пригласили в комнату. Пришел сам начальник судна и принес с собою вина в серебряном кубке. Затем он показал ему карту всех государств

[1]) Приблизительно под 38° 20′ с. ш. место стоянки указано и на карте Шпанберга, опубликованной Егермапом.

мира и сказал, что находится вблизи Японии. Военных орудий он на судне не видел, а мехов была масса, и они дали слугам К. каких-то мехов, похожих на мех лисицы (очевидно, песца). На одном из слуг К. они увидели бумажный промасленный дождевик и показали вид, будто очень хотели его получить—его отдали. Потом К. возвратился домой.

Таким образом, сведения, сообщаемые Шпанбергом и японцами, совершенно совпадают.

Продолжаем описание обратного плавания Шпанберга. Подняв якорь от места стоянки под $38^1/_4°$ с. ш., пошли к северу и 3 июля, под $44^1/_2°$, увидели несколько южных Курильских островов, покрытых богатою растительностью. Самые крупные из них получили названия: Фигурного, Трех Сестер и Цитронного. Какие именно это острова, сказать трудно. 8 июля осмотрели еще острова Зеленый и Куцпям (по предположению Соколова, Кунашир и северная часть острова Иезо). На Кунашире жили тогда, как и теперь, курильцы или айны, которых Шпанберг, не называя этим именем, описывает так [1]): они «сходны по персонам Курильским народам, носят долгое платье, портков и штанов не имеют, ходят босые, на платье у них нашиты лоскутки камчатные разных цветов; по ногам у них и по всему телу шерсть; бороды у них великие, продолговатые, черные, а которые престарелые, у тех с сединою как бороды, так и на теле; у некоторых имеются в ушах кольцы серебряные. Лодки у них такие ж, как у наших Курильских мужиков байдары; а язык у оных жителей походит на Курильский». Миллер прибавляет к этому, что островные жители, увидев на судне живого петуха, пали пред ним на колени и «жжав руки, держали над головою и поклонялися до земли как пред петухом, так и за полученные подарки».

Крашенинников (II, стр. 180) говорит, что обычай носить серебряные кольца в ушах курилы заимствовали у японцев. Платье их он описывает следующим образом: оно сделано из кож морских птиц, также лисье, бобровое и из других морских зверей, «при чем не наблюдают того, чтоб платье было из одной материи, но шьют из чего прилучится, так что и поныне редкую курильскую парку увидишь, которая бы не из лоскутья разных зверей и птиц была сделана».

---

[1]) Соколов, стр. 354; ср. также Миллер, стр. 108—109.

24 июля, под 41° с. ш., подошли к острову Матсмаю (Хоккандо), где застали три большие японские бусы. Шпанберг не только не послал людей на берег, но «приуготовился к бою, если они (японские суда) его атакуют». Таким образом опять был упущен случай для сношений.

Имея на судах большое количество больных, Шпанберг решил повернуть обратно. Шли к востоку от Курильских островов, западнее того пути, который избрали в передний путь. 14 августа Шпанберг прибыл в Большерецк и, не дождавшись спутников, через пять дней отправился в Охотск, куда прибыл 29-го. Во время плавания он лишился 13 человек умершими.

2. Плавание Вальтона.

Как мы отметили, Вальтон еще 14 июня умышленно отделился от Шпанберга. 16 июня в тот же день, что и его начальник, он увидел берега Японии под 37° 42′ с. ш. (остров Хондо). Поплыли вдоль берега к югу и остановились под 35° 10′ [1]) у большого города,—впрочем, довольно далеко в море. На берег выслали за водой штурмана Казимерова, квартирмейстера Черкашенина и шесть солдат с ружьями. Близ берега их окружили японские лодки, числом более ста «и шли подле елбота столь блиско, что на силу можно было весла на нем поворачивать». На берегу было множество народу. Все кланялись приезжим. Японцы вынули из ялбота порожние бочки, налили их с услужливостью водой и принесли обратно.

Оставив на шлюпке двоих для караулу, Казимеров с прочими отправился в город. Хозяин дома, где наливали воду в бочки, пригласил Казимерова в гости, потчивал его вином из фарфоровых чашек и закусками, принесенными на такой же посуде. Угощение состояло из винограду, яблоков, померанцев и редьки в сахаре. В другом доме его приняли также учтиво и угощали сорочинским пшеном (т.-е. рисом). Казимеров отдаривал японцев бисером и другими мелочами. В домах и на улицах виден был порядок и чистота. Много было лошадей, коров и кур. Тамошние «полевые плоды»—это пшеница и горох. В лавках продавались бумажные товары. На улице встретился японец, носивший две сабли. Когда штурман возвращался на судно,

[1]) По Соколову под 34° 16′, по Миллеру под 33° 48′. Счисление не надежно. По японским источникам (см. ниже) под 35° 10′, что вернее всего.

туда же отправился на небольшой лодке знатный японец в шелковом платье. Войдя на судно, он подарил Вальтону сосуд с красным вином, которое тот привез на Камчатку [1]). Вальтон в свою очередь угощал гостя и его свиту и поил их водкой, «причем оказалося, что руское вино Японцам не было противно». Вокруг судна теснилось более сотни мелких японских лодок [2]).

Опасаясь, как и Шпанберг, быть застигнутым врасплох, Вальтон снялся с якоря, не успев ничего толком увидеть и узнать. Перед отплытием сделали один выстрел из пушки—в качестве салюта или для острастки, неизвестно. «На сей земле»,—сообщает Вальтон в корабельном журнале, много золота и жемчугу и винограду и сарачинского пшена, но всего, по краткости времени, осмотреть было не можно». Отсюда поплыли к югу, имея пред собою берега, покрытые роскошной растительностью: померанцами, каштанами, виноградом и рисом. 22 июня подошли ближе к берегу и попросили у японцев, приплывших на лодках, воды. Те охотно исполнили просьбу, а затем стали предлагать ввести судно в гавань, но Вальтон на это не согласился. Тогда «пришел от берегу бот, которой запретил Японцам иметь дальнейшее с нашими сообщение. В боту сидел человек военный при шпаге, в руке пистолет держащий» [3]).

23 июня на широте 33° 28′ (?) остановились на якоре и, выйдя на берег, достали «померанцовое дерево, несколько жемчужных раковин и сук еловой», а лекарский ученик набрал трав и сосновых шишек, из коих после варили для больных декокт. На следующий день повернули в обратный путь, 23 июля прибыли на Камчатку, в Большерецк, а 22 августа в Охотск.

О плавании судна Вальтона упомянутые выше японские источники рассказывают так.

19 июня (ст. ст.) 1739 г. в двух ри от берега, против деревни Амацу-мура уезда Нагаса-гоори провинции Ава (Амацу-мура на восточном берегу провинции Ава, к югу от Кацура, приблизительно под 35° 10′ с. ш.) остановился иностранный корабль. С этого судна 8 человек в лодке прибыли на берег. Они имели с собою боченок для

---

[1]) И здесь потчивал им Крашенинникова, о чем тот упоминает в своем «Описании земли Камчатки», I, 1755, стр. 119.

[2]) Миллер, стр. 110—115.

[3]) Миллер, стр. 114—115.

воды, носили постоянно саноги (очевидно, рассказывается о посещении берега штурманом Казимеровым). Они спросили, где колодец, и начерпали себе воды. Они положили 17 нанизанных камней (бусы) и затем еще 7 штук отдельных камней и, показывая знаками выражение благодарности, удалились с молчаливыми поклонами. Они посидели у дома рыбака Таробээ, что вблизи колодца, придвинули к себе бывший в доме табак и покурили немного (по изображению японца, выходит, будто русские сами «придвинули» к себе табак; как мы уже указывали, общение с иностранцами было запрещено, и японец, доносивший о людях Вальтона, опасался, как бы его односельчане не пострадали за гостеприимство, оказанное русским. На самом деле, как мы видели, в этом доме Казимерова угощали фруктами, а также редькой в сахаре). Подали им бумаги и кисти и просили что-либо написать, но они, однако, не написали. У соседнего с Таробээ дома у двери лежало несколько штук редьки; взяв из них четыре-пять, они положили серебряную монету и удалились. Хозяин дома хотел вернуть им монету, но так как они не понимали друг друга, то они оставили деньги против его воли и ушли (на самом деле и здесь японцы угощали русских). О появлении русских японцы донесли местному начальству, которое явилось на берег. Русские в это время садились в лодку. «За ними гнались по следам, но их большое судно уже подняло якорь и ушло, держа курс на юг». На самом деле, старшина мирно посетил судно, подарил Вальтону вина и в свою очередь был потчиван русскими. Как бы то ни было, местные власти отправили оставленные русскими деньги и «камни» (бусы) в Нагасаки, где голландский капитан объяснил, что деньги—русские, а «камни принадлежат к украшениям, продаваемым на улицах». «Отсюда поняли, что как к берегам Муцу (Оосюу, т.-е. северное Хондо, имеется в виду посещение Шпанберга), так и в Ава приходили русские суда».

В 1742 г. Шпанберг и Шельтинг снова ходили из Большерецка в Японию, но неудачно. Шпанберг, дойдя до $39^1/_2°$ с. ш., вернулся обратно. Шельтинг, разлучившись с начальником, доходил до $38^1/_2°$ с. ш., т.-е. до параллели Хондо, и тоже вернулся обратно, к первым Курильским островам.

1 августа того же года Шельтинг подошел под 50° 10′ с. ш. к восточному берегу Сахалина, который он называет землей Ессо, т.-е. Иезо. Находясь милях в 6-ти от берега, но из-за туманов редко

видя его, он спустился на юг до 45° 34′ с. ш., т.-е. до широты пролива Лаперуза. 17 августа поворотил назад и, идя вдоль восточного берега Сахалина; прибыл в Охотск 10 сентября [1]).

В Петербурге, вследствие доносов Писарева, сначала не поверили отчетам Шпанберга и Вальтона: думали, что они в 1739 г. были не у берегов Японии, а возле Кореи. Сомнения были решены в их пользу только в 1746 г.

Между тем наши мореплаватели совершили важные географические открытия: они нанесли на карту Курильские острова и часть Японии, доказали апокрифичность земли Гамы, а также обнаружили, что остров Штатов и Земля Компании есть не что иное, как два из Курильских островов. Наконец, они впервые нашли путь к Японии с севера. На основании карт Шпанберга и Вальтона составлена карта, напечатанная в академическом Российском Атласе 1745 г. и изображающая устья Амура, Сахалин, часть Японии, Курильские острова и южную часть Камчатки.

Вместе с тем нельзя не отметить, что во время плавания 1739 г. было сделано для ознакомления с Японией менее, чем обстоятельства позволяли.

3. Плавание Беринга и Стеллера к берегам Америки.

Прошло уже семь лет со времени отбытия экспедиции из Петербурга, а Беринг еще не пускался в плавание. Адмиралтейств-Коллегия постоянно ставила Берингу на вид медленность дела и в 1737 г. даже лишила его прибавочного жалования.

В мае 1740 г. Адмиралтейств-Коллегия писала начальнику экспедиции: «Из полученных Коллегиею рапортов усмотрено только одно, что леса заготовляются и суда строются и паруса шьются. А к которому времени будут готовы и в подлежащий путь отправится, о том не показано. Из чего Коллегия иначе рассуждать не может, что оное чинится чрез не малое время от неприлежного старания к скорому по инструкции исполнению; потому что лесам давно надлежало быть приготовленным и судам построенным и парусам сшитым, а не так, как в оном рапорте объявлено: для шитья тех парусов и дела такелажа строются избы. И оное за основательный резон весьма

[1]) Соколов, стр. 422.

почитать не надлежит; и для того наикрепчайше подтверждается суда, ежели паче чаяния, до получения сего указа не достроены, достроивать и подлежащее все исправлять, и в путь свой отправляться без всякого замедления, не утруждая, яко излишними, без всякого действия переписками, и не ожидая впредь подтвердительных указов, понеже о том многими, через всю его тамо бытность указами, наикрепчайше подтверждено, и в такое не малое время весьма исправиться без всяких представлений уповательно возможно» [1]).

В июне 1740 г. в Охотске были закончены постройкой и спущены на воду два пакетбота, «св. Петр» и «св. Павел», каждый по 80 фут. длиною, двухмачтовые, подымавшие по 6000 пудов. На каждом было по 14 небольших пушек. Летом приехали в Охотск де-ла-Кроер и Стеллер. Только 8 сентября суда могли выйти в море. Пакетботом «св. Петр» командовал сам Беринг. В половине сентября суда пришли в Большерецк. Оставив здесь де-ла-Кроера и Стеллера, пошли отсюда в Авачинскую губу. Так как время было позднее—начало октября—то пришлось зазимовать. Гавань на месте зимовки, одну из лучших в мире, Беринг назвал Петропавловской.

Весною следующего (1741) года Беринг, перед выступлением, созвал совет, на котором должен был решаться вопрос о плане предстоящего плавания, имевшего целью отыскание берегов Америки. В руководство была положена злополучная карта Делиля, на которой была нанесена фантастическая Земля Гамы; существование коей было уже опровергнуто плаванием Шпанберга 1739 г. Несмотря на убеждение всех участников экспедиции, что новые земли нужно искать к востоку от Камчатки, было решено итти из Петропавловска на SEtE до широты 46° и, если там не окажется искомой земли Гамы, то отсюда следовать на EtN. Впоследствии спутники Беринга приписывали все неудачи этим неправильно выбранным курсам.

С Берингом на «св. Петре» отправился Стеллер, с Чириковым на «св. Павле» де-ла-Кроер. У Беринга, кроме того, находились лейтенант Вакселъ с малолетним сыном, мастер Хитров, штурман Эзельберг, подштурман Юшин, «за живописца капрал» Плениснер (впоследствии командир Анадырского, Охотского и Камчатского острогов) и разжалованный из лейтенантов матрос Д. Л. Овцын. У Чирикова: лейтенанты

[1]) Соколов, стр. 343—344.

Чихачев и Плаутинг, мастер Дементьев и штурман Елагин.

4-го июня 1741 г. «Петр» и «Павел» вышли, наконец, из Авачинской губы в море, имея первый всего 77 человек команды, второй 75. Беринг следовал впереди, а Чирпков позади, милях в пяти под ветром; но с полудня 6 июня Беринг приказал Чирикову итти впереди, как будто, говорит Соколов, отдавая преимущество его опытности и бдительности. После полудня 12-го, находясь под широтой 46° 9′, Беринг предложил переменить курс на EtN. Так и сделали; но вскоре стал дуть противный восточный ветер.

Стеллер [1]) в своем дневнике указывает, что накануне изменения курса на поверхности моря видны были морские растения (преимущественно «морской дуб», о котором говорится ниже), также птицы: морские чайки, затем «большие чайки, Diomedea exulans» (это северный белоспинный альбатрос, Diomedea albatrus Палласа или, по современной номенклатуре, Phoebastria albatrus) [2]) и «утка Anas histrionica» (на Камчатке, по Стеллеру, Klipp-Ente, по современной номенклатуре—Histrionicus histrionicus, каменушка или каменная утка). Стеллер обратил на это внимание офицеров и советовал держаться старого курса, уверяя, что скоро можно ожидать земли. Однако, его не послушали, за что он в дневнике осыпает офицеров упреками, но, очевидно, совершенно неосновательно, ибо, продолжая плыть по курсу ESE, конечно, земли не открыли бы.

Последующие дни часто приходилось менять курс. Наконец, 20 июня оба судна, во время свежего ветра, потеряли друг друга из виду. Беринг некоторое время искал своего спутника, а затем решил итти на юг, надеясь или встретить судно Чирикова, или достичь проблематичной Земли Компании. Только 25-го, находясь на широте 45° 16′, повернули на восток, а 28-го стали держать курс на восток-северо-восток. Постепенно подымаясь на север, оказались в недалеком расстоянии от Алеутских островов, о чем, однако, не подозревали. Стеллер, впрочем, указывает, что плыли «вдоль земли» [3]): с севера течением приносило много морских водорослей: «морской дуб»

[1]) Steller, Tagebuch. Neue Nordische Beyträge, V, 1793, p. 16. Цитата здесь (и ниже) по отдельному оттиску, носящему название: Reise von Kamtschatka nach Amerika.

[2]) В. Бианки, Фауна России. Птицы, I, 1913, стр. 886.

[3]) Reise, p. 20—21.

(Seeiche, «Quercus marina»), это водоросль из багрянок (Rhodophyceae), Delesseria sinuosa, водящаяся в северных частях Атлантического и Тихого океанов и чрезвычайно похожая на дубовые листья [1]); затем попадались из водорослей «Alga dentata Raji» (это Odonthalia dentata (L.) Lyngb.), которая растет на камнях на глубине двух-трех футов, «Fucus membranaceus calyciformis» (неизвестная водоросль), «Fucus clavae effigie» (Holosaccion saccatum Kütz.; вопреки указанию Стеллера, водоросль эта растет и у берегов Камчатки), «Fucus lapathi sanguinei foliis» (Hydrolapathum sanguineum (L.) Stack.) [2]). Однажды принесло массу тростника.

Из животных, которых несло течением, Стеллер отмечает «белую и красную морскую крапиву» (Seenesseln, «Priapi Linn.»), которая в Охотском море живет на подводных скалах, на глубине 5—6 футов. Это—актинии [3]), прикрепившиеся к каким-нибудь водорослям и с ними унесенные в море. Видели тюленей, морских бобров (Latax lutris), чаек, тянувших на север и северо-запад. Стеллер советовал повернуть на север, но его, к сожалению, не послушались: Алеутские острова были близки, но из-за туманов невидны.

С 12-го июля, из опасения наскочить на берег, стали на ночь убирать паруса и ложиться в дрейф и тем только теряли понапрасну время. Наконец, 16-го июля, находясь на широте 58° 14′, увидели после полуторамесячного плавания берег: высокую сопку и снеговые хребты. Это была гора, которая теперь известна под именем горы св. Ильи, одна из высочайших в Северной Америке (18100 фут.). Стеллер в своем дневнике отмечает, что такой высокой горы он не видел ни в Сибири, ни на Камчатке. Все обратились с поздравлениями к командору, но он, казалось, был довольно равнодушен к своему открытию. Словно предвидя свою печальную участь, он сказал Стеллеру и Пленисперу, когда они оказались одни в каюте: «Мы

---

[1]) Н. Н. Воронихин, Морские водоросли Камчатки. Камчатская Экспедиция Рябушинского. Ботан. Отд. Вып. II, М. 1914, стр. 511. Этим указанием я обязан В. Л. Комарову.

[2]) Вышеупомянутые отождествления любезно сделал по моей просьбе А. А. Еленкин, за что приношу ему здесь мою искреннюю признательность.

[3]) Названия Priapus и Urtica marina (морская крапива) в первой половине XVIII века прилагались к актиниям; см. Linné-Gmelin, Syst. nat., VI, 1788, p. 3130, 3131, 3134.

не знаем, где мы, как далеко от дому и что нас вообще ожидает впереди. Может быть нас назад не пустит пассатный ветер. Земля нам незнакомая, а для зимовки не хватит провианта» [1]).

Когда находились в 12 милях от берега, из воды вытащили ствол «кипариса» (Cupressus),—дерева, которого Стеллер на берегу не заметил [2]). Это был аляскинский или желтый «кедр», Chamaecyparis nootkatensis, Alaska or yellow cedar, Alaska or yellow or Sitka cypress американцев. Русские же за своеобразный запах называли его душником, душмянкою или кипарисом. Он растет в изобилии на острове Баранова, или Ситхе; древесина его употребляется на шпангоуты [3]). По словам Sargent'a, дерево это не идет на запад далее залива Якутат; Fernow же говорит, что оно существует кое-где по берегам залива Чугач [4]). Во всяком случае в том месте, где пристало судно Беринга, душник не растет.

18-го вечером приблизились к берегу настолько, что видели великолепный лес, росший у самого моря. Берег был ровный, плоский, насколько можно было судить, песчаный. Повернувши на север-запад, оказались за гористым островом, сплошь покрытым пихтовым лесом (Tannenwald) [5]).

Остров Каяк.

Медленно подвигаясь, 20 июля (1741 года) утром подошли на расстоянии двух миль к северо-западному концу острова, которому дали имя св. Ильи. Теперь он носит название *Каяк*. Истинное положение южного конца его таково: 59° 47′ с. ш. и 56° 44′ в. д. от Петропавловска. По журналу же «Св. Петра», веденному Вакке-

---

[1]) Стеллер, p. 26.

[2]) Рукопись Стеллера: Catalogus plantarum intra sex horas in parte Americae septentrionalis iuxta promontorium Eliae observatarum. Архив Конференции Академии Наук, связка 13 С, Лит. L, № 5.

[3]) Ф. Литке, Путешествие вокруг света на военном шлюпе Сенявине в 1826—29 г.г. Отд. истор. СПБ., I, 1834, стр. 88.

[4]) B. Fernow, Forests of Alaska, in: Alaska. Harriman Alaska Expedition, vol. II, 1902, p. 247. — G. Sudworth (Forest trees of the Pacific slope. Washington, 1908, U. S. Dep. Agr., p. 170), приводит подробности о распространении душника на берегах залива Чугач; самый западный и северный пункт под 61° с. ш., 147° 20′ з. д.

[5]) Steller, Reise, p. 27.

Рис. 6. Гора св Ильи. Вид из бухты Якутат (из Harriman Alaska Expedition).

лем, широта 59° 40′, долгота 48° 50′ [1]). Широта была определена довольно верно, долгота же, по судовому счислению, оказалась почти на 8° западнее настоящей.

Долгое время существовало разногласие относительно точного приурочения места, где пристал Беринг. Кук и Ванкувер принимали за таковое залив Якутат, который они назвали заливом Беринга [2]). На картах, которые получил Сарычев из Адмиралтейств-Коллегии, за место, где пристал «св. Петр», принят остров Цукли (Montague I.) в заливе Чугач (Prince William Sound) [3]). Впервые отождествил пункт высадки Хитрова и Стеллера с островом Каяк Сарычев, который был в этих местах летом 1790 г. [4]). Помимо разбора Беринга, Сарычев приводит весьма важные сведения, полученные им от эскимосов в заливе Чугач. Будучи в июле 1790 г. на острове Нучек (или Хтагалук), Сарычев спросил у местных «американцев», т.-е. чугачей, не помнят ли они того судна, которое первое остановилось у этих берегов. «Один из Американцев сказал, что он слышал от своего отца о сем судне и что оно приходило не к Цукли, но к острову, называемому *Каяк*, которой от здешнего места лежит к востоку, на полтора дня езды, где Американцы в летнее время обыкновенно промышляют бобров. Люди с сего судна сходили на берег и оставили в их шалашах некоторое число ножей и корольков» [5]), Наконец, всякие сомнения исчезают, после того как в 1851 году А. Соколов опубликовал в IX томе Записок Гидрографического Департамента копию карты острова Каяк из подлинного журнала мастера Хитрова. Остров, названный «св. Илии», нанесен здесь весьма недурно [6]).

---

[1]) Соколов, Зап. Гидр. Деп., IX, стр. 383. Впервые более точно определил положение мыса св. Ильи (южный мыс о-ва Каяк) Ванкувер в 1794 г.: 59° 48½′ с. ш., 215° 51′ в. д. от Гринича. Он дал этому мысу имя Cap Hamond. G. Vancouvers, Entdeckungsreise, 1790—1795. Th. II. Halle, 1800, p. 219.

[2]) Vancouver, l. c., p. 228—229.

[3]) См. также Путешествие Шелехова, ч. II, СПБ., 1812, стр. 4 (1788 год).

[4]) Сарычев, Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Вост. Океану. Часть II, СПБ., 1802, стр. 60. См. также J. Billings. An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia. London, 1802, p. 195, 202.

[5]) Сарычев, II, стр. 52—53; ср. также Billings, p. 193—194.

[6]) Поэтому совершенно неправильно почтенный W. H. Dall в своем кратком обзоре The discovery and exploration of Alaska (см.: Alaska, Harriman Alaska Expedition, II, 1902, p. 187) говорит, что Беринг пристал у острова Wingham. Островок Wingham лежит к западу от Каяка, под 60° с. ш.

Название Каяк (по-эскимосски — «лодка») впервые услыхали от переводчиков-чугачей Измайлов и Бочаров, посланные сюда Шелиховым в 1788 г. [1]). Но еще за десять лет до этого, 11 мая 1778 г. мимо острова Каяк прошел Кук, который положил его на карту, определил положение южного конца (59°49′ с. ш.) и назвал Kaye's Island в честь капеллана Dr Kaye [2]). У Биллингса он именуется Kay's Island, у Сарычева—Каяк.

До Беринга эти места не были посещены никем из европейцев. Самый крайний пункт, которого будто бы достигли европейцы у западных берегов Сев. Америки — это $57^1/_2°$ с. ш., куда якобы приставал в 1582 г. испанский мореплаватель Франциско Гали (Gali или Gualle) на пути из Макао в Акапулько [3]); но описания путешествия Гали, данные Hakluyt'ом и Linschoten'ом, вместо $57^1/_2°$ с. ш. указывают $37^1/_2°$ [4]). Вениаминов, бывший на Алеутских островах в 20-х и 30-х годах прошлого столетия, передает следующее [5]): «есть предание между алеутами, что задолго до прибытия русских было какое-то судно, которое стояло подле острова Аватанака (один из восточных Алеутских, под 54° с. ш.), с которого алеуты в первый раз получили железо. И бывшие на нем люди, по сказкам стариков, имели такое чудное свойство, что когда захотят есть, то спустятся в море и там наевшись выходят на берег. Судно ушло отсюда, но кто такие были на нем, неизвестно». Быть может,— японцы, которых иногда бурей заносило даже на Алеутские острова. Так, в 1786 г. японское судно, шедшее с острова Матемая (Хоккандо), было занесено ветрами к острову Амчитка, одному из Крысьих под 179° в. д. [6]).

---

[1]) Путешествие Г. Шелехова, ч. II. СПБ., 1812, стр. 31—32.

[2]) J. Cook, A voyage to the Pacific ocean. Vol. II, 2-d edit. London, 1785 p. 350.

[3]) C. Grewingk, Verhandl. miner. Gesell. St. Petersburg (1848—49), p. 374.

[4]) A. Humboldt, Essai politique sur le royaume de la Nouvelle Espagne. 2-e édit. Paris, II, 1827, p. 293.

[5]) И. Вениаминов, Записки об островах Уналашкинского отдела, ч. I. СПБ., 1840, стр. 113—114 (это класическое сочинение, которое мы неоднократно будем ниже цитировать по изданию 1840 г., перепечатано в III томе «Творений Иннокентия, митрополита московского», М. 1888, издание И. Барсукова).

[6]) См. об этом у В. Лагус, Эрик Лаксман, перевод Э. Паландера. СПБ. 1890, изд. Акад. Наук, стр. 238, 426—427 (здесь и литература).

Население территории Аляски.

Прежде чем перейти к дальнейшему, скажем несколько слов о населении бывших русско-американских владений, т.-е. нынешней территории Аляски. Это нам поможет разобраться в сведениях, сообщаемых участниками экспедиции Беринга.

На островах Алеутских, Шумагинских, а также на западном берегу полуострова Аляски на север вплоть до реки Уганик живут *алеуты* (сами себя они называют *унанган*), народ, родственный эскимосам [1]). Число их Вениаминов для 1834 года определяет в 2250 душ; в 1890 г. их было 1702. Они разделяются по языку на унналашкинцев, обитающих на материке и на Лисьих островах, и на атхинцев, населяющих Андреяновские острова и прочие к западу. Раньше они были более многочисленны, и число их до прихода русских, т.-е. в средине XVIII столетия, Вениаминов определяет в 12—15 тысяч душ [2]).

Если не считать алеутов, то все северные и западные берега территории Аляски сплошь заселены *эскимосами* (сами себя называют *инуит*, т.-е. народ). Они же живут на восточном берегу полуострова Аляска, к северу от мыса Иванова (что против Шумагинских островов), далее в северной части полуострова Аляски, на островах Кадьяк и Афогнак, на южном берегу Кенайского полуострова и, наконец, на берегах залива Чугач, или Prince William Sound, на восток приблизительно до устьев реки Медной. При этом на Кадьяке и противолежащей части материка, на север до озера Илямна, живут эскимосы-*коняги* (канягмюты), а на южном берегу Кенайского полуострова и на берегах залива Чугач—эскимосы-*чугачи* (чугачигмюты); последних в 1834 г. было 471 душа, а в 1890—433 [3]). Чугачи, по языку, религии и обычаям, очень близки к конягам, и Врангель передает, что

---

[1]) См. этнографическую карту в масштабе 1 : 3.500.000, составленную в 1880 г. Иваном Петровым на основании данных Гольмберга, Вермана и других русских авторов, далее G. Gibbs'a, W. Dall'я, E. Nelson'a и других. Она приложена к Tenth Census of United States, 1880, v. VIII, Alaska.

[2]) И. Вениаминов, II, 1840, стр. 177.

[3]) Handbook of American Indians, edited by E. Hodge, Bureau Amer. Ethnology, Bull. 30, part I, Wash. 1912, p. 294.

они происходят с острова Кадьяк [1]). Русские впервые встретились с чугачами в 1783 г.

На берегах Кенайского залива (Cook's Inlet), прерывая область сплошного распространения эскимосов, живут *кенайцы*, одно из подразделений индейцев-атабасков. Это единственное из северно-атабасских племен, живущее на берегу моря. Число их (у амери-

Рис. 7. Эскимосы с Чукотского полуострова (из Harriman Alaska Exp.).

канских авторов—Knaiakhotana) в 1890 г. 724. Далее можно упомянуть, что на реке Медной, выше устьев, живет другое племя атабасков — *медновцы* или атнайцы (атнахтяне, Ahtena), числом около 300 душ. С торговыми целями они спускаются в устья Медной и бывают на берегах залива Чугач [2]). Внутренность страны занята

[1]) W r a n g e l l, Beitr. Kenntn. Russ. Reich., I, 1839, p. 116.—Т и х м е н е в (Ист. обозр. образования Российско-американской компании, II, 1863, стр. 351) сообщает, будто чугачи переселились с Кадьяка на берега Чугачцкого залива около половины XVIII века. Но это неверно, ибо уже во время Беринга, т.-е. в 1741 г., чугачи жили в Чугачском заливе, как увидим ниже.

[2]) W. H. D a l l, Tribes of the extreme northwest. Contributions to North American Ethnology, I, Wash. 1877, p. 34.

разными племенами атабасков, из подразделения тинне, куда относятся и кенайцы с медновцами.

На берегу моря, в устьях реки Медной и несколько далее к востоку, живет плохо изученный народец *угаленцы*, или *угалахмюты*, как полагают,—эскимосы, подвергшиеся влиянию индейцев-тлинкитов и смешавшиеся с ними. О них мы скажем подробнее, так как к области их обитания пристал Беринг.

Насколько мне известно, первые сведения об угаленцах принесли Измайлов и Бочаров, осмотревшие в 1788 г. берег от залива Чугач до бухты Льтуа. Согласно их описанию, на берегах залива Чугач живут чугачи, а к востоку от них угалахмуты, состоящие с ними в союзе [1]). 2-го июня Измайлов и Бочаров находились у острова «Кояк» (Каяк); сопровождавшие их чугачи передавали им, что на острове нет постоянного населения; иногда туда приходят чугачи и угалахмюты для промысла на морских бобров [2]). Угалахмюты жили и далее к востоку, между островом Каяк и заливом Якутат (повидимому, у бухты Ледяной); с соседними колюжами (колошами) они были во враждебных отношениях [3]). С самими угаленцами мореходам не пришлось встретиться, но они видели у последнего из вышеупомянутых пунктов «шалаш, покрытый корою». Давыдов, посетивший остров Кадьяк в 1802 и 1803 годах, сообщает: «народ, живущий между Медною рекою и Чугацкою губою, называется угалахмюты, что значит «восточное селение» на языке тех диких» [4]). Веніаминов (ч. I, стр. V) насчитывает в 1834 г. угаленцев всего 150 душ и говорит (ч. III, стр. 143), что язык их близок к якутатскому (о якутатах будет сказано ниже). Для этого же времени приблизительно то же число (38 семейств) указывает Врангель. По описанию этого автора, угаленцы живут к западу от «мыса св. Ильи» (повидимому, имеется в виду мыс Suckling, ограничивающий с востока бухту между островом Каяк и материком). Зимою они обитают на берегах небольшой бухты,

---

[1]) Путешествие Г. Шелехова. СПБ. 1812, ч. 2, стр. 24. (1-е изд. под заглавием: Российского купца Григорья Шелехова странствование. СПБ. ч. 2, 1792, стр. 27); также Gregor Schelechof's Reise von Ochotsk nach Amerika. Neue nordische Beyträge, VI, 1793, p. 218.

[2]) Там же, стр. 32; нем., p. 221—222.

[3]) Стр. 39; нем., p. 225.

[4]) Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, т. II, СПБ. 1812, стр. 132.

к востоку от острова Каяк (по ошибке здесь сказано—Кадьяк), а летом отправляются для рыбного промысла к восточному устью реки Медной. В стране угаленцев, в некотором удалении от морского берега, много речных бобров; они добывают их ежегодно 500—700 штук и для продажи их отправляются на своих лодках, похожих на колошенские, в Константиновский редут (ныне Нучек в Port Etches на острове Нучек, в заливе Чугач). Угалецы мирный и покорный народ. Они живут по несколько семейств (от двух до шести) в бараборах (Schoppen), в которых посреди разводится огонь для всех [1]). По образу жизни и религии они не отличаются от колошей, с которыми угаленцы тесно связаны родственными отношениями. Язык, хотя и отличается от якутатского, но ближе к нему. Угаленцы и колоши есть два племени одного и того же народа. Соседние якутаты, а также население реки Медной называют угаленцев тем же именем, под каким они известны и в русских поселениях (т.-е. угаленцами) [2]). От медновцев угаленцы получали медные топоры, ножи и проч. [3]). Тебеньков (1852) помещает угаленцев между заливами Чугачским и Якутатом; «они имеют свой язык» [4]). Гольмберг (1855) считает угаленцев за одно из подразделений тлинкитов [5]), а на карте дает им место от Ледяной бухты на востоке и до левого берега реки Медной на западе. Почти такова же область распространения их на карте Ф. К. Вермана, приложенной ко второму тому труда П. Тихменева, «Исторический очерк образования Российско-Американской компании», Спб. 1863. Называет Тихменев (II, стр. 341—342) этот народец угаленцами или угалахмютами.

С течением времени угалахмюты были обращены в православную веру, и в 1860 г. их состояло в приходе 148 душ [6]).

---

[1]) Бараборой в наших северо-американских владениях называли колошенскую избу без печи, с большим отверстием вверху; передний фасад обшивается тесом, остальные стороны из кольев, обтянутых древесной корой.

[2]) v. Wrangell, Statistische und ethnographische Nachrichten über die Russischen Besitzungen an der Nordwestküste von Amerika. Beitr. z. Kennt. Russ. Reich., I, 1839, p. 96—97. Список слов угаленского языка при стр. 258.

[3]) Wrangell, l. c., p. 97—98.

[4]) Тебеньков; Гидрографические замечания к атласу северо-западных берегов Америки. СПБ. 1852, стр. 32—33.

[5]) H. J. Holmberg, Ethnographische Skizzen über die Völker des russischen Amerika. Helsingfors, 1855, p. 4 (= Acta Soc. scient. fennicae, IV, 1856, p. 281—421).

[6]) Капитан-лейтенант Головин, Обзор русских колоний в Сев. Америке. Морской Сборник, 1862, № 1, стр. 151.

Л. Радлов, изучавший язык угалахмютов, по словам, собранным Резановым у залива Якутат, и по материалам Врангеля, говорит, что язык их своеобразен: почти ничего он не имеет общего с эскимосским, именно с чугачским, очень мало—с кенайским и сравнительно больше с языком тлинкитов (колошей): из 1132 слов, записанных Резановым, около 40 оказываются общими с тлинкитскими [1]). Но так как неизвестно, от кого именно собраны эти слова, то заключения Радлова не могут считаться окончательными [2]). W. H. Dall, известный исследователь Аляски, работавший здесь с 1865 г., первоначально считал угалахмютов и угаленцев за два различных народа. Первых он считает за эскимосов и помещает на протяжении от устьев Медной до Ледяной бухты. [3]). Не имев случая лично ознакомиться с этим народом, Dall приводит сообщенный ему список слов угалахмютов, собранных через посредство русских промышленников [4]). Слова эти весьма близки к эскимосским, в частности—к языку чугачей. Угаленцев Далль, со слов русских промышленников, помещает летом на острове Каяк, зимою на р. Медной; по языку он склонен их отнести к атабаскам-тинне (p. 430, 550). В 1874 г. Dall [5]) посетил остров Нучек и здесь, по расспросам чугачей, убедился, что угалахмюты и угаленцы это одно и то же, что они, подобно чугачам,—эскимосы и называют себя Chilkhakmut [6]). Раньше их территория была в соприкосновении с чугачской, но затем медновцы поселились на небольшом клочке земли в устье Медной. «Прежнее смешение угалахмютов с тлинкитами и с индейцами-тинне основано, повидимому, на собраниях слов, полученных или от медновцев, или от кочевых якутатов, которые иногда являются на лодках из залива Якутат в Нучек, для торговли. Зимою угалахмюты живут на острове Каяк, а летом ловят лососевых в устье Медной и вдоль берега вплоть почти до Ледяной бухты» [7]). Далль признает угалахмютов за самую восточную ветвь тихо-

[1]) Leopold R a d l o f f, Ueber die Sprache der Ugalachmut. Bull. de la classe hist.-philol. Acad. de Sciences St.-Pétersb., XV, 1858, p. 26—27.

[2]) У залива Якутат живут и жили, насколько известно, якутаты.

[3]) W. H. D a l l, Alaska and its resources. Boston, 1870, p. 401.

[4]) D a l l, l. c., p. 548.

[5]) W. D a l l, Contrib. to North American Ethnology, I, 1877, p. 21.

[6]) Chilkat, Chilkhaat—это деревни, сейчас же к востоку от устьев р. Медной; они населены, насколько известно, якутатами. Не смешивать с тлинкитским племенем Chilkat в изголовье Lynn Channel.

[7]) D a l l, l. c.

океанских эскимосов. Но, судя по кучам раковин, правдоподобно, прибавляет он, что некогда эскимосы простирались до р. Stikine (под $56^1/_2°$ с. ш.), если не дальше—к югу и востоку.

Иван Петров, посетивший Аляску в 1880 г., передает [1]), что угалахмюты живут в хижинах из досок, как и тлинкиты (следует отметить, что и эскимосы—чугачи, ближайшие соседи угаленцев, тоже живут в бревенчатых жилищах); эскимосские парки заменены у них типичными тлинкитскими плащами или, как их называли русские, накидками (blanket). Они забыли даже свою эскимосскую лодку, каяк. Места погребения у них в виде домов, на тлинкитский манер, но без тотемов. Наконец, они потеряли свой язык, и молодежь при переговорах с своими сородичами-чугачами нуждается в переводчике. Отметим еще, что на этнографической карте, приложенной к отчету Петрова, остров Каяк закрашен цветом не угалахмютов, а чугачей. Однако, новейшие американские авторы (Handbook Amer. Ind.) признают жителей этого острова угалахмютами. Далее, Петров сообщает (p. 28), что раньше эскимосы распространялись на восток вплоть до острова Каяк и противолежащего берега (Comptroller bay), но впоследствии тлинкиты продвинулись на запад, частью смешавшись с эскимосами; «в настоящее время (1880—1881) тлинкиты живут даже к западу от устья р. Медной» (p. 28). По словам того же автора, на о. Каяк нет постоянного населения; сюда на время приезжают промышленники-туземцы, которые иногда остаются по несколько месяцев. В этой области эскимосы живут в подземных жилищах [2]); там же, где они подверглись влиянию тлинкитов, они строят бревенчатые избы. Местопребывание угалахмютов, по Петрову (p. 146 и карта)—это дельта Медной и прилежащая полоса берега на восток до бухты Контроллер. G. T. Emmons, большой знаток тлинкитов, помещает угалахмютов (guth-le-uk-qwan по-тлинкитски) на восток вплоть до мыса Якташ (что на полпути между островом Каяк и заливом Якутат), а также на острове Каяк. По словам Эммонса, система тотемов у угалахмютов та же, что у якутатов, и вообще оба народа сходны

---

[1]) Ivan P e t r o f f, Report on the population, industries and resources of Alaska. Tenth Census of the United States (1880), vol. VIII, Wash. 1884, p. 146.

[2]) Однако, Сарычев (II, стр. 51; срав. также стр. 54) в 1790 г. видел жилища чугачей рыбаков на острове Нучек: «некоторые из них жили в составленных из досок шалашах, другие под тремя опрокинутыми большими коженными байдарами».

во всем [1]). Поэтому он включает угалахмютов в число тлинкитов (p. 239). Наконец, авторы статьи Eskimo в Handbook of American Indians, I, p. 436, считают угалахмютов отлинкитившимися эскимосами [2]).

Итак, мы видим, что угаленцы продолжают оставаться загадочным народом. Очень мало, кто ознакомился с ними лично. Как бы то ни было, название, какое им дают чугачи, свидетельствует скорее в пользу того, что они эскимосского происхождения: угалахмюты значит по-эскимосски «далекий народ»; и действительно, они самые дальние из эскимосов. Но они подверглись такому сильному влиянию тлинкитов, что их материальная и духовная культура, а в значительной степени и язык, стали тлинкитскими [3]). Ниже, мы еще будем иметь случай судить об этом.

Что касается населения острова Каяк, то здесь жили угалахмюты, но приезжали сюда, как свидетельствует Шелехов, и чугачи.

С востока к угалахмютам примыкают *якутаты*, одно из подразделений *тлинкитов*. Индейцы, относящиеся к группе тлинкитов (=«люди»), или *колошей* (*колюжей*), как их называли русские, живут по берегу и островам Тихого океана от залива Контроллера (несколько восточнее устья Медной) и вплоть до параллели, проходящей через южную треть острова Принца Уэльского. Центр обитания якутатов находится около бухты Якутат; отсюда они распространяются на запад почти до устья Медной, на восток до бухты Сухой (Dry bay, под 59° с. ш.). В 1890 г. их числилось 436 душ [4]). Краузе, исследовавший тлинкитов в 1882 г., говорит, что якутаты продвинулись на запад вплотную до устьев реки Медной [5]).

---

[1]) E m m o n s, The basketry of the Tlingit. Mem. Amer. Mus. Nat. Hist., III, part II, 1903, p. 231.

[2]) См. то же мнение у J. R. S w a n t o n, Social condition, beliefs, and linguistic relationship of the Tlingit Indians. XXVI Annual Report of the Bureau of American Ethnology (1904—05). Wash. 1908, p. 396.

[3]) С другой стороны, и тлинкиты-якутаты, в свою очередь, подверглись влиянию эскимосов: они одни из тлинкитов едят китовое мясо, их женщины не носят у рта втулок (ср. Holmberg, p. 23—24).

[4]) J. R. S w a n t o n in: Handbook Amer. Ind., II, p. 985.

[5]) A. K r a u s e, Die Tlinkit-Indianer. Jena, 1885, p. 99. Здесь же, p. 98—100, вообще об якутатах.

Природа и люди острова Каяк.

Возвращаемся теперь к наблюдениям Стеллера. На остров св. Ильи (Каяк) послали флотского мастера Софрона Хитрова «для сыскания гавани». Кроме того, послан другой ялбот с небольшим числом людей за пресной водой. Стеллер пожелал отправиться на берег на втором боте, и в этом намерении он был поддержан офицерами, но командор сначала не хотел пускать его. Вот как рассказывает об этом Стеллер: «Но как я усмотрел, что со мною так не порядочно поступлено, и я в небрежении и презрении оставлен, и что ласковыми словами ничего учинить не мог, употребил уже жестокие слова ему, капитану командору Берингу, по правде говорить и публично засвидетельствовать, что я высокоправительствующему сенату на него, капитана командора, под таким видом буду протестовать, чему он был достоин; но как смелая уже такая гордость в таких отдаленных землях у многих уже в обычай вошла, ничего не учинил, как только то, что с великим негодованием и вредительными словами меня с судна спустили против своего обещания верности и совести, не учиня никакого вспоможения, с одним команды моей служивым, к великой беде и смерти подвергнул, которого прежде моего отпуску весьма непорядочно чиня, обещая подарки, говорил, чтоб меня хуже всех в поругание перед всеми ввел; но как жестокими поступками и страхом ничего сделать не мог, претворивши все в дружбу, приказал: как я на берег с отправленными по воду людьми выеду, в трубы трубить, думая, что я того рассудить не могу и что бесчестие за знак чести приму и тем подлиннее в посмеяние мое предложение будет» [1]).

Где в этой жалобе, невразумительно переведенной с немецкого, правда, и где пристрастие, решить в настоящее время невозможно. По всем вероятиям, много тут преувеличенного.

Как бы то ни было, Стеллер оказался на берегу острова Каяк в сопровождении данного ему для охраны и помощи казака Фомы Лепехина. Здесь Стеллеру было разрешено пробыть всего шесть часов, и за это время он успел сделать множество наблюдений над страной, остатками быта ее обитателей (сами туземцы убежали), над флорой и фауной. Достаточно сказать, что за такой короткий промежуток времени Стеллер успел описать около 160 видов растений.

---

[1]) Зап. Академии Наук, XV, № 1, 1869, стр. 18.

Пройдя с версту вдоль берега, Стеллер увидел следы людей [1]: под деревом лежал ствол, корытообразно выдолбленный, в котором туземцы еще два-три часа тому назад варили мясо, положив в воду раскаленные камни, «как это прежде делали и камчадалы, за отсутствием котлов и горшков». Выше (стр. 11) мы уже упоминали об этом и указывали, что тлинкиты еще в 80-х годах прошлого столетия пользовались этим способом варки.

Тут же, продолжает наш путешественник, лежали кости, некоторые с мясом, которое, очевидно, жарили на огне. По внешнему виду и величине, эти кости, казалось Стеллеру, должны были принадлежать северному оленю, хотя этих животных на острову не было видно. Неизвестно, водится ли на острове Каяк северный олень или нет, но на материке, близ берегов заливов Чугач и Кенайского, он попадается до сих пор, хотя и очень редко. Северный олень (caribou) берегов Кенайского залива принадлежит к форме Rangifer arcticus Rich. subsp. stonei Allen [2]. Про берега и острова залива Чугач Измайлов и Бочаров [3] сообщают, что здесь попадаются: «медведи двух родов, черные (Ursus americanus Pall., black bear) и темно-желтые, называемые там *нуни*, с колючими, на подобие кости, щетинами и с когтями (это дикобраз, Erethizon epixanthus myops Merriam; о нем упоминает и Тихменев; кроме того, он же приводит и бурого медведя, Ursus middendorffi Merriam, brown bear); лисицы трех родов: черные, сиводушки и красные (все это цветовые вариации Vulpes fulva, недавно для здешних мест выделенной в особый вид, V. kenaiensis Merr.), куницы (Mustela americana Turt.), выдры (Lutra canadensis Schreb.), росомахи (Gulo luscus L.), норки (Lutreola vison Schreb.), речные бобры (Castor canadensis Kuhl; теперь они очень редки; Тихменев о них не упоминает). Внутри же земли, как островитяне уверяли, есть и дикие бараны, коих находящиеся на галиоте видели кожи и шерсть длинную белую (эти дикие бараны на самом деле — снежные козлы, Haplocerus montanus Ord; в настоящее время они

---

[1]) Steller, Reise nach Amerika, p. 31.

[2]) W. Osgood, North American Fauna, № 21, Washington, 1901, p. 61, № 30, 1909, p. 13.

[3]) Путешествие Г. Шелехова, II, 1812, стр. 23—24, ср. также Тихменев, Исторический очерк образования Российско-Американской Компании, II, СПБ. 1863, стр. 325. Латинские названия я прибавил, руководясь работой W. Osgood, Natural history of the Cook inlet region, Alaska. North Amer. Fauna, № 21.

для здешних мест, именно для гор в низовьях Медной, выделены в особый вид, по современной номенклатуре обозначаемый как Oreamnos kennedyi Elliot, Alaska mountain goat; но и настоящие каменные бараны, Ovis dalli (Nelson), водятся в горах у залива Чугач; у них тоже белая шерсть); зайцы (Lepus americanus Erxl.), *олени* (см. выше), белка (Sciurus hudsonicus Erxleben), горностай (Putorius kadiacensis Merriam) и собаки (не знаю, о каких собаках здесь идет речь; кроме волка, Canis occidentalis Rich., никаких других диких представителей ни р. Canis ни близких здесь не водится. Тихменев о собаках не упоминает). Промышляются тут морские звери, т.-е.: бобры (Latax lutris L.), киты, спучи (Eumetopias jubata Schreb. или stelleri Less.), нерпы (Phoca vitulina largha Pall.), коты (Arctocephalus ursinus alascanus Jordan and Clark), стрелками из досок сделанными и из луков, так как Кенайскими и прочими народами. По рекам имеются рыбы: чавыча (Oncorhynchus tschawytscha Walb.), семга (имеются в виду другие виды из рода Oncorhynchus: нерка, горбуша, кета, кижуч) и другие многие морские».

Продолжаем описание наблюдений Стеллера. Тут же лежали остатки юколы, или вяленой рыбы, «которая на Камчатке употребляется вместо хлеба» [1]), а также много крупных створок гребешка из группы Pecten jacobaeus, которого Стеллер называет Jacobsmuscheln, шириной свыше 8 дюймов, и, наконец, «blaue Muscheln», т.-е. мидии (Mytilus), «очень похожие на камчатские и, без сомнения, употребляемые в пищу, по «здешнему» (т.-е. камчадальскому) обычаю, сырыми». Действительно, как эскимосы, так и тлинкиты едят сырых мидий. Давыдов передает случай, когда из партии коняг и чугачей, поевших сырых раковин, умерло более 80 человек [2]). Тлинкиты тоже употребляют в пищу сырых мидий и других моллюсков (Cardium), а также морских ежей [3]).

В некоторых створках Pecten оказалась заготовленной по-камчадальски «сладкая трава». Это—зонтичное, Heracleum lanatum или

[1]) «Главная их (камчадалов) пища, которую должно почесть за ржаной хлеб, есть юкола, которую делают они из всех родов лососья роду» (Крашенинников, II, стр. 49).

[2]) Двукратное путешествие в Америку Хвостова и Давыдова. II. СПБ. 1812, стр. 76—77. См. также К. Хлебников, Жизнеописание А. А. Баранова. СПБ. 1835, стр. 48.—Holmberg, 1855, p. 94—95.

[3]) Krause, Die Tlinkit-Indianer, 1885, p. 91.—Holmberg, 1855, p. 22.

H. dulce, из которого на Камчатке добывают сахар и водку (см. выше стр. 17). Сообщение Стеллера насчет употребления «сладкой травы» на острове Каяк весьма любопытно: у позднейших путешественников не встречается указаний на то, чтобы эскимосы (например, коняги) или тлинкиты употребляли Heracleum. Коняги еще до прихода русских готовили опьяняющий напиток из ягод малины и вересковых.

Вблизи дерева видны были уголья и деревянное огниво такого же типа, что и на Камчатке. Крашенинников описывает камчадальское огниво так: «огнива их были дощечки деревянные из сухого дерева, на которых по краям наверчены дырочки, да кругленькие из сухого ж дерева палочки, которые вертя в ямочках огонь доставали. Вместо труду употребляли они мягкую траву тонщичь, в которой раздували загоревшуюся от вертения сажу. Все сии принадлежности обертя берестою каждой Камчадал носил с собою и ныне носят, предпочитая их нашим огнивам для того, что они не могут из них так скоро огня вырубать, как достигают своими огнивами» [1]). На таблице, приложенной к этому месту, изображены «Камчадалы, достающие огонь из дерева». Более усовершенствованное огниво было в ходу у эскимосов. По словам Давыдова, коняги на острове Кадьяк «огонь достают посредством завостренной палочки, которая, равно как и брусок для сего употребляемый, делается из дерева чаги, выкидываемого на остров морем и растущего на матерой Америке. По средине сей палки, которой конец обмазывается жиром, обвертывают несколько раз веревочку и взяв конец оной в руки, вертят в обе стороны сколь можно поспешнее, пока от приставленного к бруску конца палки покажется дым: тогда берут затлевшуюся от того стружку, кладут ее в сухую траву, размахивают в руке, и огонь появляется» [2]). У эскимосов был прежде в ходу еще другой способ получения огня, именно посредством высекания пиритом из кремня [3]). Этот прием был, повидимому, заимствован эскимосами от европейцев через посредство скандинавов или же пришел из Азии [4]).

---

[1]) К р а ш е н и н н и к о в, Описание Земли Камчатки. II, стр. 32—33, табл.

[2]) Двукратное путешествие Хвостова и Давыдова в Америку, ч. II, СПБ. 1812, стр. 105—106.

[3]) Ср. также данные Плениснера 1763 г. для берега Берингова пролива (Сев. Архив, XVIII, СПБ. 1825, стр. 171).

[4]) Handbook Amer. Ind., I, p. 459.

Рядом с огнивом Стеллер нашел и трут; это был мох Fontinalis antipyretica L. [1]) (по Стеллеру—Quellenmooss, Alga fontinalis, «побелевший на солнце»; между тем на Камчатке трутом служит один из местных злаков [2]).

Эти наблюдения, особенно же способ приготовления сладкой травы, привели Стеллера к выводу (p. 32), что жители этих берегов Америки одного происхождения с камчадалами—взгляд, к которому присоединяется и современная наука: эскимосский клин разъединил две группы родственных народов: с одной стороны азиатских чукчей, коряков, камчадалов, с другой—индейцев северо-западной Америки (Иохельсон, Богораз). Далее Стеллер прибавляет: «если это так, то можно думать, что Америка простирается далее к западу и на севере гораздо ближе к Камчатке, ибо при таком большом расстоянии—не менее 500 миль,—какое прошло наше судно, мало правдоподобно, чтобы камчадалы на своих жалких лодках могли достичь сюда». Стеллер представлял себе вопрос много проще, чем на самом деле.

Насколько Стеллер мог подметить по срубленным деревьям, топоры у американцев были каменные или костяные, «как на Камчатке и как и у немцев в давнопрошедшие времена». Подробнее по этому поводу мы скажем ниже.

Пройдя еще версты три, путешественники попали в густой лес. Здесь заметили, что со многих деревьев недавно содрана кора. Из этого заключили, что невдалеке должно быть жилье.

Действительно, вскоре нашли место, покрытое скошенной травой; под травой были камни, под камнями на перекладинах древесная кора, покрывавшая продолговатую яму, длиной в три сажени, а шириной и глубиной в две [3]). В землянке (Стеллер ее называет погребом) находились следующие предметы [4]):

1) Лукошки из древесной коры, высотой аршина полтора, наполненные копченой рыбой из лососей, которая в Охотске называется по-тунгусски неркой, а на Камчатке красной рыбой.—Это лососевая

[1]) Точнее—одна из американских форм этого вида. Отожествление любезно сделано А. А. Еленкиным.

[2]) Steller, Reise, p. 32.

[3]) Кора деревьев идет у тлинкитов на покрышку барабор (Krause, p. 134). Делают они также из нее и из жердей шалаши (Holmberg, p. 24); члены Harriman Alaska Expedition видели такие шалаши из еловой коры в бухте Якутат, в 1899 г., см. Grinnell, Harr. Alaska Exp., I, 1901, 158—159, fig.

[4]) Steller, Reise, p. 34.

рыба, нерка или нярка, Oncorhynchus nerka, которая водится и у берегов Северной Америки, нося название redfish, у тлинкитов же *ухат* или *храт* (юкола же из нее—*гат*). Рыба эта составляет главнейший объект промысла тлинкитов; она имеет в среднем 7 килограммов весу. Тлинкиты ловят ее острогой, багром, а также запорами при помощи верш. Нерка начинает свой ход в реку Чилкат в конце июня и продолжает в июле, августе и сентябре (Krause, p. 175). Лососевые и у коняг составляют главный предмет питания (Holmberg, p. 104). Следует отметить указание Стеллера на то, что нерка была копченой: тлинкиты, по словам Гольмберга (p. 23), коптили юколу в юртах, в отличие от эскимосов, которые ее вялили; впрочем, и тлинкиты применяли вяление (Krause, p. 176).

2) Сладкая трава, из которой на Камчатке гонят водку; трава была приготовлена очень чисто и на вкус весьма сладка. О ней мы говорили выше (стр. 111—112).

3) Трава очищенная от коры, как это делают с конопляй. Стеллер счел ее за крапиву, которая здесь росла в изобилии, и возможно, говорит он, что она как и на Камчатке [1]) употреблялась для изготовления рыбачьих сетей. Мне неизвестно, чтобы тлинкиты или эскимосы готовили дель из крапивы. Вообще, сетные орудия лова, особенно—морского, были мало распространены у тех и у других. Коняги ловили прежде лососевых, во время вхождения их в реки, баграми, а затем стали «в новое время» пользоваться кроме того сетями из сухожилий кита, а также перегораживали речки (Holmberg 1855 p. 104). Треску и палтуса в море ловили на деревянные и костяные крючки (там же, стр. 105). Паллас, со слов Глотова, посетившего в 1763 г. остров Кадьяк, относительно рыболовства коняг («канагистов») сообщает: «они по большей части питаются сырою и сушеною рыбою, которую ловят отчасти на море костяными удами, а отчасти в ручьях неводами из жил сплетенными» [2]). Шелехов (1783) [3]) так описывает

[1]) Об употреблении камчадалами крапивы для приготовления сетей см. у К р а ш е н и н н и к о в а, I, 1755, стр. 207—208.

[2]) П. П а л л а с, О российских открытиях на морях между Азиею и Америкою. Месяцеслов истор. и географ. на 1781 год. Перепечатано в Собрании сочин., выбранных из месяцесл., IV, 1790, стр. 340. См. также W. C o x e, Account of the Russian discoveries between Asia and America. L. 1780, p. 117.—Собрание сочин. из месяцесловов, III, 1899, стр. 357 (канагысты... «речную рыбу ловят чирючами, то-есть из жильных ниток связанными мешками»).

[3]) Путешествие, ч. I, 1812, стр. 75.

рыболовство коняг: «рыбу удят в море удами костяными; по рекам рыбу ловят каменными запорами, а колют носками, похожими на копья... Красную рыбу стрелками убивают». Эскимосы на берегах Берингова пролива, по описанию Нельсона (80-е годы прошлого столетия; Nelson, p. 173 sq.), пользуются для лова рыбы костяными удочками, острогами, вершами, глушат дубинами, пользуются также небольшими неводами, для которых идут нитки из сухожилий; дель для сачков готовят из ивового луба, из кожаных ремешков, из китового уса [1]). У тлинкитов были в ходу тоже острога, багор, крючки, крючья, запоры с котцами, верши; иногда бредни из сухожилий (Krause, p. 175—179). Таким образом, мало правдоподобно, чтобы очищенная крапива, которую видел Стеллер, шла на приготовление сетей. Быть может, трава эта предназначалась для изготовления каких-либо плетений (корзин и т. п.), в каковом ремесле тлинкиты большие мастера, или для тканей. Тлинкиты-якутаты в заливе Якутат привозили в 1788 г. Измайлову и Бочарову «пестрые коренные и травяные мешечки» в обмен на голубые и красные сережные корольки и голубой бисер [2]). Давыдов передает, что эскимосы-коняги из крапивы готовили ткани [3]).

4) Высушенная и свернутая заболонь («innerer Rindenbast») лиственницы или ели (Fichtenbaum). Не только на Камчатке, но и во всей Сибири и в России вплоть до Хлынова и Вятки в случае голода едят древесную кору, прибавляет Стеллер. Нужно отметить, что лиственницы здесь нет, а именем лиственницы русские обозначали хвойное Tsuga (нечто вроде пихты, об этом см. ниже). По словам Лисянского [4]), бывшего на Ситхе в 1805 г., здешние тлинкиты употребляют в пищу «род коврижек из лиственничной (следует подразумевать из Tsuga), перепонки, покрывающей дерево под корою, которая соскабливается и сушится в виде четвероугольников, толщиною около дюйма».

5) «Большая связка веревок из морской травы, необыкновенной прочности». Здесь идет речь о громадной морской водоросли, Macrocystis pyrifera, из которой как эскимосы, так и тлинкиты выделы-

[1]) О сетях см. Nelson, p. 185—190.

[2]) Г. Шелехов, Путешествие, ч. II, 1812, стр. 54—55.

[3]) Двукратное путешествие Хвостова и Давыдова, II, 1812, стр. 130.

[4]) Ю. Лисянский, Путешествие вокруг света в 1803—06 г.г. на корвете Нева, т. II, СПБ. 1812, стр. 145—146.

вают веревки. Про костяные удочки, употреблявшиеся конягами (в 1783 г.) для лова трески и камбалы, Шелехов (Путешествие I, стр. 75) говорит, «что поводки при удах длинные, из засушенной морской капусты: ибо одна стебль капустная бывает сажень по сорока и более» [1]). Из того же материала готовили поводки и тлинкиты; сделанные из «морской травы» веревки выдерживали палтусов весом в 10—12 пудов (Holmberg, p. 32). Krause (p. 179) говорит, что тлинкиты делают веревки для лова трески и палтуса из луба красного «кедра» (Thuja plicata), или из сухожилий животных, или из водоросли Macrocystis pyrifera, которая бывает с палец толщиной и очень прочна.

Кроме того тут же Стеллер заметил несколько стрел, превосходивших величиной камчадальские; они похожи были на тунгусские и «татарские», выкрашены в черный цвет и так гладко выстроганы, что заставляли подозревать у владельцев наличие железных инструментов [2]). (Черную краску тлинкиты добывали из сока черники) [3]). Хотя во время прихода русских тлинкиты пользовались преимущественно каменными орудиями, но они были знакомы и с металлами, особенно—с медью; они получали самородную медь от медновцев, с реки Медной и знали искусство ковки [4]). Из меди делали разные украшения, кинжалы, копья, наконечники стрел. Врангель говорит, что медновцы еще до прихода русских сбывали угаленцам, кенайцам и другим медные топоры, ножи и прочие вещи [5]). По всем вероятиям, тлинкиты умели до прихода русских обрабатывать и железо холодным способом [6]). С появлением европейцев, каменные орудия у тлинкитов стали быстро исчезать, и Гольмберг, около половины XIX столетия, лишь с трудом мог достать на острове Ситхе несколько каменных топоров [7]). Равным образом, к этому времени исчезли, даже из памяти,

---

[1]) То же видели русские промышленники у алеутов Андреяновских островов в 1761 г.: «камбалу ловят они костяными удами, для коих снурки делают из липкой и длинной морской травы, которую мочат несколько в пресной воде и потом вытягивают» (Паллас, стр. 324).

[2]) Reise nach Amerika, p. 34.

[3]) A. Krause, Die Tlinkit-Indianer. Jena, 1885, p. 211.

[4]) Holmberg, l. c., p. 27.

[5]) Wrangell, Beitr. Kenntn. Russ. Reich, I, 1839, p. 97—98.

[6]) Krause, l. c., p. 212.

[7]) Holmberg, l. c., p. 29. См. также Krause, p. 250.

лук и стрелы [1]). В Этнографическом Музее Академии Наук, обладающем богатыми, и притом старыми, сборами из русской Америки, луки, стрелы в тлинкитских коллекциях отсутствуют [2]); но имеются каменные и костяные орудия: каменный молот из коллекции Лисянского 1806 г., наконечник копья из яшмы с острова Ситхи, костяной кинжал, костяные крючки для удочек. Тлинкиты изготовляли каменные топоры главным образом из нефрита и жадеита [3]).

У эскимосов каменные орудия сохранились дольше, но у коняг, например, на острове Кадьяке к средине XIX столетия были в повсеместном ходу железные ножи и топоры, сделанные, однако, по образцу прежних каменных орудий (Holmberg, p. 101—102) [4]). Впрочем, наконечники гарпунов для охоты на китов еще тогда делались из камня (там же, p. 109), на морских бобров—из кости (p. 114—115), наконечники копий для охоты за тюленями и сивучами тоже из кости (p. 116, 117), наконечники стрел для охоты за морскими птицами—из кости (p. 117—118).

---

[1]) H o l m b e r g, l. c., p. 29. Измайлов и Бочаров видели в 1788 г. у тлинкитов-якутатов в заливе Якутат «луки и стрелы» (Г. Ш е л е х о в, Путешествие, ч. 2, 1812, стр. 53); были у них и копья с (железными) остриями, «которые и куют они на камне сами» (там же, стр. 51). «У них видели европейские топоры, у коих обушник узкой и высокое острее; по примечанию же должно быть сим выменянным из приходящих иностранных судов» (стр. 55). Лангсдорф, бывший на Ситхе в 1805 г., говорит, что луки и стрелы совершенно вытеснены огнестрельным оружием; стрелы употреблялись только на охоте за морскими бобрами и тюленями. G. L a n g s d o r f f, Bemerkungen auf einer Reise um die Welt 1803—07. Bd. II, 1812, p. 113.

[2]) С. А. Р а т н е р - Ш т е р н б е р г, Тлинкиты. Изд. Муз. Антр. и Эти. Росс. Акад. Наук. Печатается.

[3]) Р а т н е р - Ш т е р н б е р г, l. c.

[4]) У кадьякских коняг железо застал уже Ш е л е х о в в 1783 г. (Путешествие. СПБ. 1812, I, стр. 74): «для войны есть у них луки и копья железные, медные, костяные и каменные. Топоры железные особого манера, состоящие в маленьком железце; трубки, ножи—железные и костяные, иглы—железные». Между тем, за двадцать лет до того, в посещение Глотова (1763), у кадьякцев еще не было железа: «оружия их суть: лук, стрелы, деревянные щиты и рогатины, у коих копье, равно как и острее у топоров, сделано из кремневого камня. Иные делают также как ножи, так и копья из ланьих костей». (П а л л а с, стр. 339); см. также Собран. сочин. из месяцесл., III, 1789, стр. 356.

У эскимосов на берегах Берингова пролива каменные топоры и молотки (из нефрита, кремня и пр.) сохранились еще в 80-х годах XIX столетия., см. E. W. N e l s o n, The Eskimo about Bering Strait. XVIII Report Bur. Amer. Ethnol. (1896—97), Wash., 1899, p. 91—92, pl. XXXIX, f. 3—14.

Лук и стрелы были в полном ходу у коняг еще в половине XIX столетия (Holmberg, p. 106).

Из предметов, замеченных в землянке, Стеллер взял две связки рыб, стрелы, огниво, трут, древесной коры, травы, связку веревок из морской травы и послал все это с казаком туда, где на берегу наливались водой, с поручением передать все это капитан-командору. Оставшись один, он прошел еще шесть верст, не встречая людей. Виден был только дым в нескольких верстах, на холме, покрытом «пихтовым» лесом (Tannenwald). Вернувшись к месту высадки, Стеллер получил от Беринга предписание немедленно вернуться на судно, иначе, угрожал командор, его не станут дожидаться.

С горьким чувством отмечает Стеллер, что на подготовку экспедиции ушло 10 лет, а на самые исследования ему было предоставлено всего десять часов, «яко бы только для взятия и отвозу из Америки в Азию американской воды приходили» [1]). Упреки Стеллера здесь совершенно справедливы. Равнодушие Беринга к научной работе в данном месте непростительно еще потому, что целью экспедиции было проведать новые земли, т.-е. всесторонне исследовать их и завести связи с туземцами.

К вечеру Стеллер вернулся на судно, где был угощен шоколадом.

По распоряжению Беринга, на берег были посланы «конец зеленой крашенины, два котла железных, два ножа, двадцать штук большого бисера, две китайские табашные трубки железные да фунт черкасского табаку» [2]), с приказанием положить все это в ту землянку. Это было исполнено, но посланные люди вместе с тем порядком разграбили оставленные там запасы туземцев. Выше (стр. 100) мы уже отметили, что об этих вещах (ножах и бисере) осталось у туземцев воспоминание еще через пятьдесят лет, во времена Сарычева.

Через час после Стеллера на пакетбот вернулся Хитров с командой из 15 человек и сообщил, что он нашел между островами безопасную гавань. Людей ему не пришлось встретить, но на одном из островков поблизости материка (т.-е. в бухте Контроллер) он видел жилище из бревен, обшитое досками, весьма гладко обструганными. Доски «местами вырезаны фигурами» [3]). Это была барабора туземцев, построенная по тлинкитскому образцу: наружные стены из толстых

[1]) Зап. Ак. Наук, XV, № 1, 1869, стр. 19.

[2]) Миллер, Сочин. и Перев., 1758, II, стр. 204.

[3]) Миллер, там же, стр. 201.

Рис. 8. Покинутая индейская деревня у м. Фокс. (Из Harr. Alaska Exp.)

обтесанных досок [1]), по бокам входных дверей, а также внутри дома оригинальные, резаные по дереву, изображения человеческих фигур [2]). (См. рис. 8 и 9). Следует отметить, что и чугачи живут не в полуподземных юртах эскимосского типа [3]), а в жилищах из бревен и досок [4]).

Отсюда Хитров привез кое-какие вещи: коробку из тополевого дерева, наподобие липового ларца, какие делают в России, камень со следами от медных ножей, служивший, повидимому, оселком, затем полый глиняный шар, диаметром дюйма с два, с погремушкой внутри, «как думать можно, что то робята вместо побрякушек употребляют», наконец, весло и хвост лисицы-сиводушки [5]).

Мы подробно остановились на этнографических наблюдениях и материалах, собранных нашими путешественниками на острове Каяк. Теперь, спрашивается, какому народу принадлежали эти предметы. Как выше уже отмечено, самое раннее указание на жителей острова Каяк принесено Измайловым и Бочаровым в 1788 г.; тогда здесь жили чугачи и угалахмюты. Те предметы, которые нам известны по описаниям Стеллера и Хитрова, не позволяют с уверенностью приурочить тогдашнее (1741) население этого острова к тому или другому народу. Чугачи живут на крайнем южном пределе распространения эскимосов и во многом приняли облик народа, живущего, среди лесов, каковы тлинкиты. Угалахмюты же совершенно отличались. В пользу того, что здесь жили угалахмюты говорит резьба на их жилище, отмеченная Хитровым; такой резьбы, насколько мне известно, для чугачей не отмечено; это типично тлинкитское украшение. Но следует иметь в виду, что барабора была усмотрена не на острове Каяк, а на острове к северу от него. С другой стороны, рассказ чугача в 1790 г., передаваемый Сарычевым, как бы свидетельствует

---

[1]) Krause, p. 124—125, figg.

[2]) Krause, p. 127—130, figg. См. также G. B. Grinnell, The natives of the Alaska coast region, in: Alaska, Harriman Alaska Exp., I, 1901, p. 145 sq.

[3]) Коняги на острове Кадьяк «живут в юртах, которые в земле выкопаны» (Глотов, 1763 г. Собр. сочин. из месяцеслова, III, 1789, стр. 357).

[4]) Сарычев, II, 1802, стр. 54 («один из досок сделанной шалаш, в коем было несколько женщин с малыми ребятами», 1790 г.). — Petrof, l. c., p. 145 («the dwellings are nearly always constructed of logs and planks affording good shelter during the long, cold winter»).

[5]) Steller, Reise, p. 38—39; Миллер, 1753, ii. стр. 201; Стеллер, Зап. Акад. Наук, 1869, стр. 19.

Рис. 9. Оставленная индейская деревня на м. Фокс. (Из Harriman Alaska Exp.)

в пользу того, что во время Стеллера в 1741 г. на острове Каяк жили чугачи.

Как бы то ни было, не будет ошибкой сказать, что в 1741 г. на острове Каяк жили эскимосы, подвергшиеся влиянию тлинкитов.

Переходим теперь к наблюдениям Стеллера над природой острова Каяк.

В Америке, говорит он, под 60° с. ш., на самом берегу растет густой лес, тогда как на Камчатке под 51°, берега безлесны, и только в расстоянии двадцати верст появляются ивы и ольха, а в 30—40 верстах береза; лишь в 60 верстах от устья р. Камчатки растут хвойные. У Анадырска на расстоянии 300—400 верст от моря страна безлесна. Все это позволяет Стеллеру сделать вывод, что к северу от мыса Св. Ильи (60° с. ш.) и вплоть до 70° и даже дальше должна находиться суша, которая защищает берег от действия холодных северных ветров. Между тем берега Камчатки открыты влиянию северных ветров [1]). Поэтому и рыба в Америке входит в реки раньше: на Камчатке в день св. Ильи только начинается обильный улов рыбы, а в Америке к этому времени уже готовы были запасы [2]).

Замечания эти не лишены известной доли справедливости. Действительно, климат северо-западных берегов Америки гораздо мягче, чем климат Камчатки. Это хорошо видно при сравнении годового хода температуры в Петропавловске на Камчатке и в Ситхе.

Петропавловск-порт, 52° 53′ с. ш., 158° 26′ в. д., высота 14 м.

Я	Ф	М	А	М	И	И	А	С	О	Н	Д	год
—10.9	—11.2	—7 0	—1.6	3.1	7.9	11.8	**13.5**	9.8	4.2	—1.8	—6 6	0.9 [3])

Ситха, 57° 3′ с. ш., 135° 19′ з. д., высота 19 м. [4])

Я	Ф	М	А	М	И	И	А	С	О	Н	Д	год.
—1.0	—0.1	1.4	4 3	7.7	10 7	12 5	**12.6**	10 3	6 6	3.0	0.5	5.7.

Несмотря на то, что Ситха лежит на 4° севернее, годовая средняя ее на 4,8° выше, чем в Петропавловске. Зима в Ситхе гораздо умереннее: средняя температура зимы —0,2°, тогда как в Петропавлов-

---

[1]) Steller, Reise, p. 41.

[2]) Там же.

[3]) Среднее за годы 1890—99, приведенные по Петропавловскому маяку. См. В. А. Власов, О климате Камчатки. Камч. Эксп. Рябушинского. Метеор. отд. Вып. 1, М. 1916, стр. 23.

[4]) За 25 лет: J. Hann, Handb. d. Klimatologie, III, 1911, p. 357.

ске—9,6°. Вообще, все месяцы в Ситхе теплее, кроме августа, который холоднее на 0,9: в это время в Петропавловске максимум штилей. Годовая амплитуда в Ситхе 13,6°, в Петропавловске 24,4°. Осадков в Петропавловске (маяк) выпадает 883 мм. (1890—1909) [1]), в Ситхе 2232 мм. (1867—77, 81—87, 1898—1902) [2]), а в Нучек (форт Константин в зал. Чугач), по наблюдениям всего за год, выпало свыше 4800 мм. [3])—самое большое количество во всей территории Аляски.

Причина большей умеренности климата сев.-западной Америки заключается в том, что здесь преобладают влажные ветры с моря, зимою теплые, летом прохладные, тогда как у берегов сев.-восточной Азии зимою дуют холодные северо-западные ветры из области сибирского максимума, летом—прохладные ветры с моря, со стороны максимума в северной части Тихого океана. В Петропавловске [4]) с сентября по март резко преобладает северо-западный ветер; но ветров этого направления и летом довольно много: как летом, так и зимою—это холодные и сухие ветры; зимою они дуют из области сибирского антициклона, летом—с охотского. Летний влажный муссон с E, SE, S дует в Петропавловске в июне и июле; в июне на долю ветров указанных направлений приходится 42%; ветры эти тоже прохладные. Кроме того, надо иметь в виду, что сравнительной суровости климата Камчатки способствуют холодные моря, ее омывающие—Охотское и Берингово.

Но относительно хода лососевых замечания Стеллера нужно признать неправильными. Так, в Усть-Камчатске (56° сев. шир.) летом 1909 г. 15 июня старого стиля (как и ниже) главный ход чавычи (Oncorhynchus tschawytscha) уже кончился; максимум хода этой наиболее ценной рыбы был в первых числах июня. Тогда же начался ход красной или нерки (Oncorhynchus nerka), наибольший ход которой был 14 июня; после 20-го уловы красной начали сильно падать, и стала в большом количестве итти кета (Oncorhynchus keta [5]). В 1908 г. в устье Камчатки нерка стала входить в начале июня, разгар хода

---

[1]) Власов, стр. 135.

[2]) Cl. Abbe in A. Brooks, The geography and geology of Alaska. U. S. Geol. Survey, Profess. Papers, № 45, 1906, p. 165.

[3]) Abbe, там же.

[4]) Власов, стр. 184—185.

[5]) П. Ю. Шмидт, Работы зоологического отдела на Камчатке в 1908—1909 г.г. Зоол. Отд. Вып. 1. Камчатская Экеп. Ф. П. Рябушинского. М. 1916, стр. 196—197.

ее был 8—10 июня, а к 15-му начал ослабевать [1]). Около тех же чисел нерка начинает входить и в реки, впадающие в Бристольский залив (Аляска).

Переходим к ботаническим наблюдениям Стеллера. Гористый остров св. Ильи, говорит он, покрыт чистым «пихтовым» лесом («mit lauter Tannenwaldung versehen», Reise, p. 27). Это, без сомнения, Tsuga heterophylla Sarg., coast hemlock американцев, численно преобладающий над елью (Picea sitchensis, Sitka spruce американцев) в лесах к югу от полуострова Аляски, составляя обычно от 70 до 80% смеси. Даже на западном конце своего распространения, на берегу залива Чугач, цуга преобладает [2]). Именно для этого дерева русские усвоили совершенно неподходящее название лиственницы, каковая здесь нигде на берегу моря не растет. Измайлов и Бочаров, описывая Чугачский залив, где они были в 1788 г., говорят, что здесь на берегах и островах растет «лес еловой, *листвяничной*, ольховой, березовой и тополынник» [3]). То же повторяет и Тихменев [4]). Также Лисянский об островах Ситхинских говорит, что они «покрыты лесом, который большею частью состоит из душистого дерева, ели и *лиственницы* [5]). Между тем ситхинские деревья есть Chamaecyparis nootkatensis (=душистое дерево), Picea sitchensis (=ель), Tsuga heterophylla и Tsuga mertensiana, а лиственница тут не растет. По словам Коцебу, густые леса на Ситхе состоят из ели («Tanne»; это слово собственно относится к пихте, но русскими немцами часто применяется к ели) и *лиственницы* (Lerchenbäume) [6]). Литке, описывая корабельный лес Ситхи, указывает, что «на шпангоуты употребляется кипарис, называемый здесь душмянкою, на бимсы и палубу—ель, на обшивку, а иногда и на палубы—*лиственница*» [7]). Головин говорит: «Лес на

[1]) Там же, стр. 28—29.

[2]) F e r n o w, Forests of Alaska. Alaska in: Harriman Alaska Exp., II, 1902. p. 247—248.

[3]) Путешествие Г. Ш е л е х о в а, ч. II, СПБ. 1812, стр. 23: ср. также стр. 8, 37, 38, 66 (в зал. Якутат «елевый и *листвяшной* лес»), 84 (в зал. Льтуа—тоже).

[4]) Т и х м е н е в, Историч. очерк образов. Рос.-Америк. Компании, II, стр, 324—325.

[5]) Ю. Л и с я н с к и й, Путешествие вокруг света в 1803—6 г.г. на корабле Неве. II, СПБ. 1812, стр. 141.

[6]) O. von K o t z e b u e, Reise um die Welt in den Jahren 1823—26. Bd. II, Weimar, 1830, p. 23.

[7]) Ф. Л и т к е, Путешествие вокруг света на военном шлюпе Сенявине в 1826—29 г.г. Отд. историч., I, СПБ. 1834, стр. 88.

Ситхе и близлежащих островах большею частью еловый, но чрезвычайно хорошего качества, есть *лиственница* и душное дерево (дикий кипарис), преимущественно употребляемое для судостроения» [1]). Словом, все русские промышленники и моряки называют Tsuga лиственницей. Повидимому, это название присвоено было цуге только за ее мягкую хвою, ибо Tsuga хвои никогда не сбрасывает.

Из других растений, виденных в Америке, Стеллер упоминает (Reise, p. 42) о новом виде малины, которая встречается здесь в громадном количестве. Зрелые плоды ее отличаются громадной величиной и прекрасным вкусом. «Стоило бы взять, говорит Стеллер, несколько кустов этой малины и доставить в ящике с землей в Петербург; не моя вина, язвительно прибавляет наш натуралист, что для них не оказалось помещения, ибо и я сам, как протестант, занимал на судне слишком много места» [2]). Малина, о которой идет речь, это— Rubus spectabilis Pursh, salmonberry американцев. Плоды ее достигают до $2^1/_2$ сантиметров в длину. Великолепный рисунок малины с острова Кадиак, в красках, имеется в сочинении «Alaska», Harriman Alaska Expedition, vol. I, New York, 1901, при стр. 116. Вениаминов говорит об этой малине, что куст ее растет всегда прямо и достигает в высоту иногда более семи футов. «Ягоды бывают вообще очень крупные, так что случается находить ягоды такой величины, что каждая из них весит до трех золотников, но вкусом малина не хороша и водяниста и почти совсем не имеет никакого аромату» [3]).

Из других ягод Стеллер упоминает о следующих: «Chamaecerasi»— очевидно, какой-нибудь из видов рода Rubus, далее «rothe und schwarze Heidelbeeren» (какие-нибудь виды рода Vaccinium, из коих тут встречаются V. vitis-idaea, V. uliginosum, V. caespitosum, V. ovalifolium, V. oxycoccus), Empetrum (водяника или шикша, E. nigrum) и «Scharbocksbeeren». Под этим последним названием Стеллер разумеет, очевидно, полянику (она носит еще названия княженики или мамуры), ягоды коей на севере считаются хорошим средством от цынги [4]). Здешняя полянника это не Rubus arcticus L., а R. stellatus Smith.

---

[1]) Головнин, Морской Сборник, 1862, № 1, стр. 110.

[2]) Протестантизм Стеллера здесь был, конечно, не при чем, ибо и сам командор Беринг был протестант.

[3]) Вениаминов, Записки об островах Уналашкинского отдела. I, 1840, стр. 50.

[4]) П. Маевский, Флора средней России. 5 изд. М. 1918, стр. 188.

В Германии название Scharbocksbeere для поляники не употребительно; это растение здесь называют nordische Himbeere.

Впоследствии Стеллер составил подробный список растений, собранных и замеченных им у мыса св. Илии, а также на островах Шумагинских. Этот список, носящий название Catalogus plantarum intra sex horas in parte Americae septentrionalis iuxta promontorium Eliae observatarum anno 1741 die 21 Iulii, sub gradu latitudinis 59, заключает перечисление 163 видов [1]). Кроме того Стеллер собрал в Америке у м. св. Илии и на Шумагинских островах семена 25 видов растений, часть коих отослал в Академию Наук [2]).

Из животных на острове и у берегов его Стеллер (Reise, p. 42—43) заметил тюленей, больших и малых акул, китов, много морских бобров, извержения которых он находил в изобилии на берегу. Из чего заключил, что туземцы не очень усердно охотились за бобрами, иначе они, как и на Камчатке, перестали бы в таком изобилии приваливать к берегам. На берегу встречались лисицы, красные и чернобурые, не очень пугливые. Из птиц попадались вороны (Corvus corax L.), священная птица тлинкитов, весьма здесь многочисленная и живущая поблизости человеческих жилищ [3]), сороки (Pica hudsonia Sab.) и затем еще свыше десятка неизвестных Стеллеру пестро-окрашенных птиц; одну из них, похожую на какую-то из «каролинских» птиц, Стеллер добыл, зарисовал и описал [4]). Здесь имеется в виду Стеллерова хохлатая сойка, Cyanocitta stelleri (Gmelin), у американцев Steller's jay или blue jay, одна из характернейших птиц северо-западного берега Америки. На север она идет до берегов Кенайского залива [5]). У нее большой гребень, грязно-черная голова и спина, крылья и хвост с полосами густо-синего цвета, грудь тоже голубая, но светлее. Она не пу-

---

[1]) Рукопись на 11 страницах хранится в архиве Конференции Ак. Наук.

[2]) Паллас сообщил Коксу следующий список растений, найденных Стеллером у м. св. Ильи и характерных для Америки: Trillium erectum, Fumaria cucullaria, Dracontium с листьями, как у Canna indica, Uvularia perfoliata, Heuchera americana, Mimulus luteus, Rubus idaeus var. с крупными плодами (C o x e, Account... 1780, p. 279).

[3]) Ch. K e e l e r, Days among Alaska birds. Harriman Alaska Exp., II, 1902, p. 206—207.

[4]) Описание Стеллера таково: «Garrulus sive Pica americana nigra, alis caudaque azureis». Оно приводится у P a l l a s, Zoogr. rosso-asiat., I, p. 393, где эта птица называется Corvus Stelleri.

[5]) O s g o o d, N. Amer. Fauna, № 21, 1901, p. 77.

Рис. 10. Остров Кадьяк. (Из Harriman Alaska Exp.).

глива, весьма любопытна, шумлива и, летая стаями, всюду бросается в глаза, выдавая свое присутствие [1]). Подобно всем сойкам, подражает голосам разных птиц. Среди других неизвестных птиц Стеллер, вероятно, видел здесь и аляскинского колибри (Selasphorus rufus Gmelin), который летом доходит на север до Кенайского залива [2]), зимует же в южной Калифорнии и в Мексике. Он питается в области горы св. Ильи ягодами здешней малины.

Обратное плавание к берегам Азии.

Рано утром 21 июля, Беринг, не дождавшись, пока нальют водою все бочки, приказал подымать якорь. Пошли на юго-запад. 26-го на широте $56^1/_2°$, усмотрели высокую землю,—вероятно, остров Кадьяк [3]) (см. рис. на стр. 127). Этот остров снова был открыт в 1763 г. яренским мещанином Степаном Глотовым, сообщившим впервые сведения о здешних эскимосах [4]).

2 августа, в тумане подошли очень близко к земле и открыли под 55° 48′ с. ш. остров, получивший от Беринга имя острова Архидиакона Стефана, или Туманного. Он лежит к юго-западу от Кадьяка. Его эскимосское название, Укамок, под которым он известен ныне, узнал впервые Сарычев в 1790 г. [5]). После Беринга остров Укамок открыли эскимосы-коняги, которые добывали на нем евражков (сусликов), морских бобров, а также янтарь [6]). В апреле 1794 г. мимо того же острова прошел Ванкувер, по определению которого средина его лежит под 55° 49′ с. ш. Он назвал остров в честь Чирикова, считая, что остров Туманный лежит западнее [7]).

---

[1]) Keeler, l. c., p. 208.

[2]) Osgood, l. c., p. 76. Прекрасное изображение самца и самки в красках в работе Keeler, при стр. 208.

[3]) Соколов, стр. 387.

[4]) «Люди живут незнаемые, по их названию Канагысть (т.-е. коняги. *Л. Б.*). Народ обычаем самоправен и зверообразен» (Краткое известие о новоизобретенном северном архипелаге. Месяцеслов ист. и геогр. на 1774 г. Собрание сочинений из месяц., III, 1789, стр. 356). См. также В. Берх, Хронологическая история открытия Алеутских островов. СПБ. 1823, стр. 64. Также Паллас, стр. 333.

[5]) Сарычев, Путешествие, II, 1802, стр. 34.

[6]) Holmberg, p. 138.

[7]) Vancouver, Entdeckungsreise, II, 1800, p. 152—153.

В полдень близ судна показался сивуч, с полчаса державшийся поблизости. Стеллер поймал на удочку двух рыб из группы Cottus (или, по новому, Myoxocephalus) scorpius, описал их и положил в спирт; но рыбы погибли впоследствии, вместе с другими коллекциями, во время крушения у острова Беринга.

Пройдя еще немного, увидели под 56° с. ш. на материке высокие снеговые горы, а затем открыли группу небольших островов, названных Евдокеевскими (к востоку от полуострова Аляски). Отсюда стали держать к югу; увидали плавающих тюленей, морских бобров, морских котов, сивучей и дельфинов.

10 августа Стеллер наблюдал в море в течение двух часов странное и доселе им невиданное животное, которое он описывает следующим образом [1]). Тело длинное, толстое, округлое, к хвосту утолщающееся, длиной около двух аршин. Голова собачья, с стоячими острыми ушами. На верхней и нижней губе по обеим сторонам борода. Глаза большие. Кожа казалась густо покрытой волосами, на спине серого, на брюхе рыжевато-белого цвета; в воде же все животное было такого цвета, как бурая корова. Хвост в виде двураздельного плавника, верхняя лопасть которого вдвое длиннее нижней. Никаких следов передних конечностей не было. В течение двух часов животное плавало около судна, иногда приближаясь настолько, что до него можно было бы дотронуться шестом, иногда ныряя под судном с одной стороны на другую. Временами оно высовывалось в вертикальном положении из воды и так оставалось несколько минут. Увидев крупную водоросль, на одном конце тонкую, на другом вздутую (это была—Macrocystis pyrifera), животное схватило ее ртом. Стеллер сравнивает это животное с рисунком, какой приводит Геснер с подписью Simia marina danica. Со слов Стеллера, о нем говорит и Крашенинников в своем описании земли Камчатки [2]). Это животное, ныне вымершее, занимало как бы середину между ушастыми тюленями и сиреновыми.

10 августа, находясь под широтой 53°, постановили на совете итти обратно к Камчатке; в это время на судне уже было 26 больных цынгою. Ветра стали очень свежими и дули прямо в лоб, позволяя двигаться вперед лишь очень медленно. А между тем воды оставалось всего 25 бочек. Решено было податься ближе к берегу.

---

[1]) Steller, p. 47—48.

[2]) I, 1755, стр. 295—296. Здесь дано в переводе все, что мы находим у Стеллера.

Острова Шумагинские.

30 августа стали на якорь под 54° 48′ с. ш. среди островов Шумагинских, названных так по тому, что здесь 31-го похоронили матроса Шумагина, первого, кого лишилась команда «св. Петра». Полагают [1], что остров, к которому пристал «св. Петр», был Нагай. По описанию Стеллера, это был, среди восьми окружающих островов, самый крупный: в длину он имел от 3 до 4 немецких миль (т.-е., 21—28 верст), в ширину, с запада на восток, три или четыре версты. После Беринга Шумагинские острова, и именно остров Унга, были посещены промышленниками компании Бечевина в 1762 г. Шумагинских островов считается всего 22, из них 15 крупных, прочие небольшие. Самый большой—Унга, потом—Нагай. Они безлесны, покрыты травой, изобилуют нерпой и птицами, особенно ипатками (Fratercula corniculata). В прежнее время на шести островах было двенадцать селений алеутов. Но с течением времени большая часть населения была уничтожена, благодаря междоусобиям и нападениям русских и коняг, т.-е. эскимосов с острова Кадьяк, и во времена Вениаминова был обитаем только один остров Унга [2], на котором в 1833 г. было 116 жителей, а в 1890—159. На островах из животных водятся выдры, еврашки, норки, лисицы, нерпы, бобры, а на ближайших к Аляске—медведи и олени, из птиц—ары, ипатки, топорки, говорушки, чайки, старички, из растений: шикша (Empetrum nigrum), толокнянка, малина, желтые коренья, ольховник, бузина, тальник, макарша (Polygonum viviparum), сарана (Fritillaria kamtschatcensis).

У вышеупомянутого острова (Нагай) простояли шесть дней, набирая воду. Ночью на острове видели огонь. 30-го для осмотра земли послали на берег Софрона Хитрова. Кроме того, за водой отправили людей, к которым присоединился и Стеллер. Вода оказалась очень плохой. Стеллер указывал тут же, поблизости, на источник с хорошей водой, но его не послушали, за что он в своем дневнике сильно упрекает офицеров.

На острове он увидел чернобурую лисицу, которая на него залаяла по-собачьи, так что он принял ее сначала за собаку. Много было крас-

---

[1]) Вениаминов, Записки об островах Уналашкинского отдела. I, 1840, стр. 255.

[2]) Вениаминов, I, стр. 255—256, 258.

Рис. 11. Шумагинские острова. Сзади вулкан Павлова на полуострове Аляска (из Harriman Alaska Exp.)

ных лисиц и масса еврашков, т.-е. сусликов. Заметили также на берегу следы как будто крупного волка. Много было водяных птиц [1]: лебедей, два вида урилов, т.-е. бакланов (большой, Phalacrocorax bicristatus Pall. и малый, Ph. pelagicus Pall.), утки, кулики, различные чайки, гагары, из коих одна представляла совершенно особый вид, «гренландские голуби», т.-е. чистики (Uria columbus), «морские попугаи (Alca arctica)», т.-е. тупики или топорки (Fratercula corniculata), мичагатки (Lunda cirrata) [2]. Из наземных птиц: во́роны, мухоловки, подорожники (Schneevögel, Plectrophenax nivalis subsp.), полярные куропатки (Tetrao lagopus). В другой раз [3]) на том же острове замечены глупыши (Fulmarus glacialis rodgersi), совершенно черный кулик с красным клювом и такими же ногами; он постоянно кивал головой, как красноногий кулик; затем необычайно красивая гагара, черная с белым, и наконец целый ряд удивительных, доселе невиданных птиц, о которых ближе ничего не сообщается. Из рыб видели мальму, рыбу из лососевых, близкую к гольцу (Salvelinus alpinus malma) и рамжу, бычка из группы Cottus (или, по-теперешнему, Myoxocephalus) scorpius, весьма здесь обыкновенную. Деревьев ни на одном из островов не было видно. Росли здесь только низкорослые ивы (тальник) до двух аршин высотой, в большом количестве брусника (rothe Heidelbeere), шикша (schwarze Moosbeere oder Schikscha, Empetrum), затем, противоцынготные травы: ложечная трава (Cochlearia officinalis), Lapathum folio cubitali или Rheum palmatum, горечавка (Gentiana) и др. [4]). Стеллер собрал эти противоцынготные растения для себя и для командора. Он просил дать ему матроса, чтобы сделать запас этих трав для всех, но его не послушали.

Алеуты.

Во время стоянки в Шумагинском архипелаге впервые встретились с туземцами. Это были *алеуты*, которые и до сих пор живут на Шумагинских островах. Стеллер и Ваксель называют их просто «американцами». Название алеуты дано этому народу русскими

---

[1]) Steller, Reise, p. 55—56.

[2]) На Командорских островах этот вид называется топорком, а Fratercula corniculata носит название ипатки.

[3]) Steller, Reise, p. 76.

[4]) l. c., p. 58.

промышленниками, еще в первой половине XVIII столетия. Сами они себя называют *унангам* (Веніаминов, II, стр. 1).

Впервые название алеуты встречается в 1747 г., в донесении Нижне-Камчатского приказчика в Большерецкую канцелярию о промышленных, посетивших Ближние острова (Атту и Агатту). Здесь говорится: «отпущенный в 1745 г. в морской вояж на незнаемых островах, именно *алеуцких*, Беляев с товарищи незнаемому тамошнему вновь обысканному народу, без всякой от него противности, самовольно смертное убийство учинили». (См. хранящуюся в архиве Географического Общества (под шифрой Б. V. 3.) рукопись А. Полонского. Промышленники на Алеутских островах (1743—1800), л. 27). О происхождении этого названия в той же рукописи (л. 27) рассказывается следующее. В 1747 г. промышленный Неводчиков вывез с острова Атту на Камчатку мальчика-алеута, который, пробыв с русскими на острове Атту год, подучился русскому языку. От него были получены на Камчатке первые сведения об алеутах. В объяснении Томпака (или Тампака, так звали мальчика) сообщается: «веры островитяне никакой не имеют, но слыхал он от стариков своих, что сотворил небо, море и землю и человека живущий на небеси, на их языке *Алеукста-Агудах*, и они ему кланяются на небо». К этому Полонский прибавляет: «набожность русских, воздававших обычное, частое поклонение творцу, заставляла мальчика, которого готовили они к восприятию православия (он крещен в Большерецке 1 августа 1747 г. и назван Павлом), повторять *алеукста*, и это могло служить поводом названия, которое укоренилось с первого похода промышленников на острова. К такому заключению ведет то, что название это произошло вскоре по возврате в Камчатку первых промышленных с Атту и Агатту, населенных, по их первому донесению, *незнаемым чукотским народом, шитыми рожами*».

Что значит «алеукста», мне неизвестно; «агудах» же, точнее *агугу*, у атхинских алеутов было обозначением творца вселенной (Веніаминов, III, стр. 2; у унималашкинских алеутов—*агугук*, Вен., II, стр. 119). В. И. Нохельсон любезно сообщил мне, что у всех алеутов *агудах* значит делатель, творец же—*агугух*, от какового слова *агугу* есть притяжательный падеж. Значение слова «алеукста» темно для В. И. Нохельсона; окончание его не алеутское; очевидно, слово искажено.

Некоторые (см. Handb. Amer. Ind., I, p. 36) полагают, что название алеут происходит от чукотского алят—остров, алиют—островн-

тяне. Но это сомнительно. Веніаминов (II, стр. 2) высказывает такую догадку: первые алеуты, увидев русских, говорили между собою *алик-уая* или *алиуая*—что это? и на вопросы русских, обращенные к ним, отвечали теми же словами; отсюда—название. Это тоже мало правдоподобно.

Сведения об этом народе, сообщаемые Стеллером, являются первыми известиями об алеутах, и так как быт их с того времени весьма сильно изменился (они, как известно, давно уже окрещены в православие), то наблюдения членов экспедиции Беринга вдвойне драгоценны. Поэтому мы постараемся не упустить ничего существенного.

4 сентября услышали на берегу крик, который сначала приняли за рев сивучей. Но вскоре увидели две байдарки, направляющиеся к пакетботу. На них было два «американца», т.-е. алеута. За полверсты от судна оба начали о чем-то громко и долго говорить, из чего толмачи не могли понять ни слова. Стеллер счел эту речь за молитву или заклинание или за приветственную церемонию. Когда алеуты приблизились, им знаками предложили взойти на судно. Но они показали рукою на землю, как бы приглашая мореплавателей туда, и при этом указывали пальцем на рот и черпали рукою морскую воду, как бы давая понять, что на берегу найдется пища и вода. «Мы, говорит Стеллер [1]), опять помахали им, приглашая к нам и при этом закричали *ничи*, что, по словам барона Лагонтана, в его описании Северной Америки, значит вода [2]). Туземцы повторили это слово несколько раз и снова показали на землю, как бы обещая там воду. Один из них приблизился к судну, вытащил из пазухи какой-то глины, цветом похожей на железо или свинец, и намазал себе ею щеки, воткнул в ноздри пучки травы (через носовые крылья были продеты с каждой стороны тонкие косточки). Позади «американца» на кожаной лодке лежало несколько палок из соснового дерева, формой похожих на биллиардный кий, длиной с сажень, и выкрашенных в красную краску. Он взял в руку одну из этих палок, прикрепил к ней при помощи рыбьих костей два соколиных крыла и бросил со смехом в воду перед нашим судном—не могу сказать, в качестве жертвы или в знак дружбы [3]). В ответ на это, мы прикрепили к дощечке две китайских

[1]) l. c., p. 64—65.

[2]) По любезному сообщению В. И. Иохельсона, вода по-алеутски та́нгах.

[3]) Reise, p. 64—65. В донесении сенату Стеллер писал: «оное, сколько и из истории явно, есть знак мира обыкновенного у американцев».

табачных трубки и немного китайских бус и бросили ему; он взял подарки, посмотрел на них немного и передал своему спутнику, который положил их на свою лодку. После этого туземец стал доверчивее, подошел, хотя и с величайшей осторожностью, еще ближе к судну, привязал к другой палке цельную шкурку сокола и подал ее нашему толмачу - коряку». Ему бросили зеркало и кусок шелку. Приняв подарки, оба стали грести обратно, к берегу, знаками приглашая мореплавателей следовать за ними. Все время, пока островитяне находились возле пакетбота, их товарищи на берегу не переставали зачем-то громко кричать.

Алеуты, несомненно, приняли русских за неземные существа и воздавали им божеские почести. Шкурка сокола была принесена не в знак мира или дружбы, а как жертва. Вениаминов сообщает, что хотя у атхинских алеутов и не было «явного или общего идолопоклонства», но у некоторых «были в скрытых местах и болваны, в человеческом виде во весь рост, называвшиеся «тайягулигук», которым приносили они жертвы, состоящие *в краске, шкуре ястреба и тонких жиленных нитках*» [1]). Уналашкинские алеуты приносили в жертву перья урила, т.-е. баклана, или сыча [2]). Алеуты острова Агатту приветствовали приплывших к ним в сентябре 1745 г. русских (во главе с Михаилом Наводчиковым), бросая к ним в бот урилов (очевидно, шкурки или перья)[3]). Через несколько дней на том же острове пожилая женщина «обще с другими дикими обоего пола плясала по бубну и дарила их красками» [4]). Это была первая, после Беринга и Чирикова, встреча русских с алеутами. Ниже мы увидим, что и шумагинские алеуты дарили людям Беринга краску.

Вениаминов (III, стр. 18) подтверждает, что атхинские алеуты считали первых русских за существа сверхъестественные, называя их духами или дьяволами (куган); вначале все вещи с разбившихся русских судов они считали заколдованными и бросали их в море или сжигали [5]).

---

[1]) Вениаминов, Записки об островах Уналашкинского Отдела, III, СПБ. 1840, стр. 3.

[2]) Там же, II, стр. 122.

[3]) П. Паллас, О российских открытиях на морях между Азией и Америкой. Месяцеслов историч. и географ. на 1781 г. Перепечатано в Собрании сочинений, выбранных из месяцесловов. IV, СПБ. 1790, стр. 286.

[4]) Паллас, стр. 298. Ср. также Coxe, p. 33.

[5]) Железо, впрочем, они тайком перековывали на ножи, копья и прочее (III, стр. 19).

По поводу палки с перьями, поднесенной американцем, Миллер (Соч. и Перев. 1758, II, стр. 217) вспоминает о калюмете (calumet, французское слово, в литературном языке ему соответствует chalumet, от латинского calamus). Действительно, некоторое сходство здесь есть. Калюмет—это пара деревянных или камышевых жезлов длиной от $1^1/_2$ до 4 футов, раскрашенных символическими цветами и украшенных разными символическими предметами; часто они снабжались трубкой («трубка мира») для воскурения табаку в честь богов. Калюмет употреблялся при разного рода церемониях: при заключении мира и договоров, при испрошении дождя и хорошей погоды, для изгнания злого элемента и для получения благорасположения от доброго и т. п. При этом нередко плясали и пели с калюметом в руках. Употреблялась эта эмблема и как знак объявления войны. Калюмет нередко украшался головой утки, перьями совы и орла и пр. Hennepin говорит, что к калюмету иногда прикреплялись два птичьих крыла, что делало его похожим на жезл Меркурия. Впрочем, были и другие способы украшения. Но всегда перья, хвосты, крылья и головы птиц играют самую главную роль. Этот обычай был широко распространен среди северо-американских индейцев от Атлантического океана до Альберты и от Калифорнии до Гудсонова залива (р. Нельсон) [1]). У эскимосов, насколько мне известно, калюметы в типичной форме не употреблялись. Но Nelson (Eskimo about Bering Strait, 1899, p. 415—416, fig. 142, 143) упоминает о жезлах, украшенных орлиными перьями; их держат в руках женщины во время плясок. Они наблюдались у эскимосов от Нортонова залива до Кускоквима.

У алеутов подобные жезлы никем не описаны, кроме спутников экспедиции Беринга. Изображение алеутского жезла имеется в книге Крашенинникова «Описание Земли Камчатки» (I, 1755, при стр. 128)—очевидно, с рисунка Вакселя. На одной из карт в царскосельской рукописи Вакселя нарисована алеутская байдарка с сидящим на ней алеутом («ein nord-Americaner»); алеут держит в руках жезл, на верху коего прикреплено чучело птицы. Этот рисунок воспроизведен у нас на фиг. 12.

Если будущие исследователи подтвердят, что алеутский церемониальный жезл есть, действительно, калюмет, то отсюда можно будет

---

[1]) См. *Calumet* в Handb. Amer. Ind., I, p. 191—195.

сделать весьма важные выводы относительно прежнего местообитания алеутов: жители Лисьих островов выводили себя, по словам Вениаминова (I, стр. 109), с запада, на самом же деле, исконное местожительство алеутов и эскимосов придется искать на материке Америки, где-нибудь в северо-западной ее части, в области, занятой теперь тлинкитами (где Далль нашел следы обитания эскимосов) или же где-нибудь в западной Канаде.

Рис. 12. Алеут с Шумагинских островов в байдарке. В руках у него жезл (калюмет), к которому прикреплена шкурка птицы. (Рисунок Вакселя, копия из Царскосельской рукописи.)

Возвращаемся к наблюдениям Стеллера.

После короткого совещания на судне, решили спустить шлюпку и высадиться на берег. Отправились Стеллер, Ваксель, коряк-переводчик и девять матросов и солдат. С собой взяли пики, сабли и ружье, но все это, чтобы не возбуждать подозрения, покрыли парусиной. Не забыли также сухарей, водки и кое-каких мелочей для подарков островитянам. Из-за ветра, прилива и сильного прибоя у каменистых берегов очень трудно было пристать. Туземцы все, и мужчины и женщины (их трудно было отличить одних от других из-за одинакового одеяния), высыпали на берег, удивленно и вместе с тем дружелюбно смотрели на пришельцев и знаками приглашали пристать. Но это было очень трудно; поэтому велели переводчику и еще двоим из команды раздеться и отправиться на берег по воде. Туземцы приняли их очень дружелюбно, повели, «как весьма важных

персон», под руки с великим почтением к тому месту, где сидели, и одарили куском китового жира. К оставшимся же в лодке пригреб один туземец. Его угостили чаркой водки, но он, отведав ее, тотчас выплюнул. «Сей напиток, говорит Миллер [1]), был оному гостю совсем незнаемой и неприятной. Выплюнув, закричал он громко, якобы жалуяся своим, как худо с ним поступают. Не было никакого способа к его удовольствованию. Давали ему иглы, бисер, железной котел, табашные трубки и другие вещи, но он не взял ничего, токмо хотел, чтобы его выпустили на берег, ради чего его и отпустили». Стеллер прибавляет [2]), что туземцу давали покурить, но и табак ему вовсе не понравился.

Наконец, решили вернуться на пакетбот и стали звать переводчика и его спутников. Но алеуты не хотели их отпускать, особенно коряка, который, говорит Стеллер, по выговору и лицом был очень похож на островитян. Алеуты дарили им китового жиру и краски «цвета железа» (для притирания), но когда те, несмотря на это, пытались вернуться к лодке, стали их удерживать насильно, схватив за руки. Другие же, взявшись за канат, на котором был укреплен ялбот, пытались вытащить его на берег. Делали они это, повидимому, без дурного умысла, с целью помочь высадиться [3]). Так как знаками нельзя было добиться, чтобы туземцы оставили ялбот в покое, то пришлось, для острастки, дать залп из трех ружей в воздух. Эффект получился необычайный: алеуты попадали наземь. Этим воспользовались оставшиеся на берегу люди и добрались до лодки. Очнувшись, туземцы с негодованием стали знаками показывать, чтобы пришельцы поскорее убирались прочь, а некоторые схватили камни. Пришлось поторопиться возвращением на пакетбот.

Вскоре началась буря с дождем. Ночью видели огни на берегу.

---

[1]) Сочин. и Пер., 1758, II, стр. 213.

[2]) Steller, p. 67.

[3]) Шелехов про эскимосов-коняг рассказывает следующее (1783 г., Путешествие, ч. I, 1812, стр. 78): «приезжающих гостей встречают, вымаравшись красною краскою и в лучшем их наряде, колотя в бубны и производя пляску, имея в руках военные свои орудия; а гости подъезжают точно так, как на сражение. Как скоро они приближаются к берегу, хозяева бросаются в море по самые груди. Байдары и байдарки со всем возможным проворством выносят на берег; по том спешат поскорее вынесть гостей из байдар и относят их по одиначке к первому учрежденному для игры месту на своих спинах».

Наружность «американцев» (т.-е. алеутов) Стеллер [1]) описывает следующим образом. Они среднего роста, крепкого, коренастого сложения, с мускулистыми руками и ногами. Шея короткая, плечи широкие. Комплекция полная. Сложены в общем хорошо. Длинные, спускающиеся вниз волосы блестяще-черного цвета. Бороды нет или лишь скудная растительность на подбородке; «в этом они опять таки сходны с обитателями Камчатки и другими восточно-сибирскими инородцами». Лицо буроватого цвета и несколько приплющено. Равным образом и нос несколько приплющен, но не очень широк. Глаза черные, как уголь, губы выдающиеся, шея короткая, плечи широкие. Одеты в рубашки с рукавами, изящно сшитые из китовых кишок. Рубашки (точнее *камлейки*, как это одеяние впоследствии назвали русские) хватают до икор, у некоторых перевязаны на животе ремнем. У двоих были на ногах сапоги и штаны, изготовленные наподобие камчадальских из тюленьей кожи и выкрашенные ольховой корой в краснобурый цвет. Двое имели у пояса по длинному железному ножу в ножнах, очень плохой работы, повидимому, собственного изготовления.

Вениаминов (II, стр. 6 сл.) описывает наружность лисьевских алеутов следующим образом: роста они среднего, худощавы, с смуглой кожей и черными жестковатыми волосами: усов и бороды почти совсем нет, только под старость у многих вырастает небольшая седая бородка; цвет глаз темнокарий, «нос хотя и не короток и не высок, но и не совсем сплюснут»; «скулы лица вообще довольно высунувшиеся и, кажется, едва ли менее якутов» (стр. 10). Камлейки, которые видел на алеутах Стеллер, употреблялись ими только во время поездок на байдарах и изредка на переходах во время дождя. Делались они преимущественно из кишок самых крупных сивучей-секачей, а также из медвежьих, моржовых, китовых кишок. Камлейка шилась в виде длинной рубашки с капюшоном, который во время дождя надевался на голову и затягивался шнурком; также и рукава на концах можно было стянуть шнурком [2]). Обычную же одежду алеутов составляла *парка*,—спускавшаяся ниже колен рубашка со стоячим воротником; она делалась из птичьих шкур, преимущественно топорковых и нпаточьих, иногда из арьих, за неимением их —

---

[1]) Reise, p. 69—71, 74.

[2]) Вениаминов, II, стр. 213.

из нерпичьих [1]). Обувь алеутов Вениаминов (II, 1840, стр. 214) описывает так: «для обуви ныне употребляются вообще торбаса—род бродней, у которых голенища делаются из горлов или лафтаков сивучьих, к ним пришиваются переда из юфтевой кожи, а подошвы—или из русских кож или из китовых и сивучьих ластов. Прежние торбаса делались без передов—мешком». Но, очевидно, еще во времена Стеллера они делались с передами. С другой стороны, на некоторых островах алеуты совсем не носили штанов и торбасов. Так, промышленники судна «св. Адриан и Наталия», бывшие на Андреяновских островах в 1761—64 г.г., так описывают одеяние здешних алеутов: «носят на себе парки морских птиц ар и топорковых кож, которых они промышляют у берега морского сильями усовыми (т.-е. силками из китового уса); да употребляют в камлеи морских зверей, спучей и нерп кишки; более того в платье ничего не употребляют. Не только в летнее, но и в зимнее студеное время, кроме вышеписанной птичей парки и камлеек-кишошных, штанов, чулков и торбасов, шапок и рукавиц никаких не носят; а когда почувствуют от стужи холодно, то наклав травы зажгут и впустят из-под ног под парку малой жар и тем согреваются. Жены их и дети парки и камлеи носят такиеж, как и на мужиках бывают, а отчасти бобровые» [2]).

Продолжаем описание Стеллера.

На лице у американцев были украшения из камня и кости. У одного через носовую перегородку воткнута палочка из сланца длиной дюйма в полтора, наподобие грифеля; у другого под нижней губой вдета кость длиной в три дюйма, у третьего такая же кость имелась во лбу, у четвертого были кости в крыльях носа [3]).

Обычай этот исчез у алеутов уже более ста лет тому назад. Впервые после Стеллера более подробно описали эти украшения русские промышленники, наблюдавшие жизнь алеутов на острове Умнак в 60-х годах XVIII столетия: «у младенцев обоего пола прорезывают над

---

[1]) Вениаминов, II, стр. 212.

[2]) Краткое известие о новоизобретенном северном архипелаге. Месяцеслов истор. и географ. на 1774 г. Перепечатано в Собр. сочин., выбранных из месяцесловов, III, СПБ. 1789, стр. 354—355. О том, что эти данные собраны промышленниками, именно в 1761—64 г.г. ср. Паллас в Собр. сочин. из месяцесловов, IV, 1790, стр. 323 сл.

[3]) Steller, Reise, p. 74.

верхнею губою у носу под хрящем тело и нижнюю губу под верхнею губою; в нос навешивают камешки разные, и в губах носят кости, а в ушах на подобие серег, кто что имеет» [1]). Левашев, проведший на острове Уналашке зиму 1768—69 г.г., говорит про здешних алеутов, что мужчины «в нижнюю губу вставливают сделанные из мягкого белого камня, а другие из кости, на подобие больших зубов; и между поздрей, в хряще, в проколотую нарочно дырочку, кладут какую то черную траву или кость, на подобие пагелька; а в хорошее время, или во время веселья, в ушах, да и между вставленных зубов в нижней губе, навешивают бисер и янтарики, которые достают с острова Аляксы, меною на стрелы и камлеи, а более войною» [2]); у женщин «в носу, как и у мужчин в хряще продета костяная спица длиною дюйма три с половиною, а на концах оной, вокруг рта и на ушах, навешены корольки и янтарики» [3]).

В посещение Сарычевым острова Уналашки, в 1790 г., мужчины уже не носили подобного рода украшений, женщины же прокалывали носовую перегородку, нижнюю губу и уши и вставляли туда косточки, серьги, бисер, а кроме того татуировали лицо [4]). Лангсдорф говорит, что в 1805 г., в его бытность на Уналашке, обычай прокалывать нос и губы стал реже, а татуировка сохранилась только у старух [5]). Во времена Вениаминова ношение подобных украшений уже не практиковалось ни женщинами, ни мужчинами. Татуировка же, которая прежде была в ходу исключительно у женщин, тоже исчезла, хотя Вениаминову еще пришлось видеть женщин с «узорчатыми» лицами [6]). О том, чтобы алеуты (мужчины) прежде носили костяные украшения во лбу, как пишет Стеллер, ни Вениаминов, ни другие авторы не упоминают.

По поводу украшений, носимых «американцами» с островов Шумагина (т.-е. алеутами), Стеллер замечает, что, как ему передавали на Камчатке, и среди чукчей есть такие, у которых в носу и щеках вста-

---

[1]) Собр. сочин. из месяцеслов., III, 1789, стр. 360.

[2]) (А. Соколов). Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашева. 1764—1769. Зап. Гидрограф. Департ., X, 1852, стр. 99—100.

[3]) Там же, стр. 100.

[4]) Сарычев, II, стр. 17 и таблицы при стр. 16 и 18.

[5]) G. Langsdorff, Bemerkungen auf einer Reise um die Welt in den Jahren 1803—07. Bd. II, 1812, p. 37, 38.

[6]) Вениаминов, II, 1840, стр. 113.

влены украшения из моржовой кости. Затем Стеллер высказывает предположение, что или чукчи есть американцы, или же среди них находятся американцы (Reise, p. 74). В настоящее время мы знаем, что чукчи никогда не носили подобных украшений, каковые, напротив, в прежнее время были в ходу у эскимосов на берегах Берингова пролива [1]). Дельные замечания по этому поводу сообщает Крашенинников. Он говорит [2]): «народ, который живет на островах около Чукотского носа и имеет с чукчами обхождение (здесь подразумеваются *эскимосы* островов Диомида в Беринговом проливе), с сими людьми (американцами, виденными Берингом на островах, т.-е. с *алеутами*) конечно одного роду: ибо и у оного вставливать кости за красу почитается. Покойный манор господин Павлуцкой по бывшем некогда сражении с чукчами нашел между мертвыми чукоцкими телами двух человек того народа, у которых по два зуба моржевых под носом были вставлены в нарочно зделанных скважинах: чего ради тамошние жители и называют их зубатыми. А приходили они, по объявлению пленников не для вспоможения чукчам, но посмотреть, как они с россиянами бьются».

Миллер, со слов Вакселя, передает, что у американцев на Шумагинских островах: «лица красною, а у иных разноцветными красками выкрашены были» [3]). Ваксель (Царскосельская рукопись, стр. 89) сообщает, что лица у одних были выкрашены красной, у других синей краской. Это показание чрезвычайно любопытно, хотя, нужно заметить, Стеллер при описании внешнего вида алеутов ничего о раскраске ими лица не говорит. По словам Вениаминова, «алеуты не имели обыкновения раскрашивать себе лица как, например, колоши» [4]). Но, повидимому, во время религиозных церемоний алеуты раскрашивали себе лица, в пользу чего говорит их обыкновение приносить в жертву, между прочим, и краски. В. И. Иохельсон любезно сообщил мне, что в одном мифе, записанном им на острове Умнаке, рассказывается, как покойному алеуту при погребении положили краски четырех цветов, дабы он на том свете мог раскрасить свое лицо. Ст. Глотов, бывший на Умнаке и Уналашке в 1759—62 г.г., сообщает: «жители Умнака и Уналашки говорят похоже на алеутский язык, железо по-

[1]) Берг, Зап. по Гидрогр., II (1919); вып. 2, стр. 93, 125.
[2]) Описание Земли Камчатки, I, 1755, стр. 126.
[3]) Миллер, Сочин. и Перев., II, 1758, стр. 216.
[4]) Вениаминов, II, 1840, стр. 112.

лучают с лесистого острова (подразумевается полуостров Аляска) и из него куют ножи сами; юрты у них земляные, сажен по 40 длины; на Уналашке серебристая с блеском *краска, которою лица красят*» [1]). Кокс (Coxe), впервые напечатавший отчет о посещении Крениципым и Левашевым в 1768 и 1769 островов Умнака, Уналашки и западной части полуострова Аляски, передает про здешних алеутов [2]), что они раскрашивают себе щеки полосами голубого и красного цвета (they paint their cheeks with strokes of blue and red). Но здесь, возможно, идет речь о татуировке, при которой узор притирался краской. Левашев (Зап. Гидрограф. Департ., X) ничего не говорит, чтобы в его время (1768—9) алеуты мужчины на Уналашке раскрашивали себе лица, про женщин же передает (стр. 100), что у них «щеки поперек ряда в два или три вытыканы и натерты из-синя краскою». Точно также Паллас, описывающий быт алеутов Лисьих островов по данным тех же Крениципа и Левашева, сообщает, что женщины «на лице, на спине, на руках и под мышками выводят разные узоры, которые сперва накалывают иглою, а потом натирают некоторою черною глиною» [3]). По словам Вениаминова (II, стр. 113) «главные расположения такого шитья или накалывания были у всех (женщин) почти одинаковы и обыкновенно вышивались: вся борода, две полосы, поперек лица от одной щеки до другой через нос, две полосы по бакенам и одна вдоль носа».

К описанию наружности шумагинских алеутов Миллер [4]), очевидно со слов Вакселя, прибавляет, что «нос у них заткнут был травою, которую иногда вынимали, и тогда истекало из него множество мокроты, кою языком облизывали». О траве в носовом хряще упоминает, как мы видели, и Левашов.

Стеллер неправильно думал [5]), что «американцы» оседло живут на материке, на острова же являются лишь для промыслов, ибо здесь, полагал он, за отсутствием леса, нет ни топлива, ни строительных

---

[1]) П о л о н с к и й, Перечень путешествий русских промышленных в Восточном океане с 1743 по 1800 г. Рукопись в архиве Геогр. Об-ва (шифр Б. V 2), л. 28*б*.

[2]) C o x e, Account..., 1780, p. 257 (ср. также p. 169).

[3]) Собр. соч. из месяцосл., IV, 1790, стр. 367. Между тем про эксимосов б-ва Кадьяк Г л о т о в, зимовавший здесь в 1762 — 3 г., сообщает, что они «лицо иногда красят красками» (Собр. соч. из месяц., III, стр. 357).

[4]) Сочин. и Перев., 1758, II, стр. 215.

[5]) S t e l l e r, Reise, p. 75.

материалов. На самом деле алеуты живут и жили оседло на Шумагинских островах. Особенной нужды в лесе они не испытывают. Вместо дерева раньше уналашкинские употребляли для столбов, перекладин и стропил ребра больших китов [1]), а также пользовались выкидным лесом [2]). Почти всё едят сырым, кроме трески [3]). так что топить для варки приходится очень мало. По сведениям, собранным судном купца Толстых на Андреяновских островах в 1761 г., здешние алеуты «живут в подземельных пещерах, в коих и зимою огня не разводят... В чрезвычайные же морозы жгут только сухую траву и греют около огня свое одеяние» [4]). Сарычев, бывший на Уналашке в 1790 и 1792 г.г., говорит, что алеуты огонь в юрте разводят очень редко, а для освещения и отопления жгут в каменных плошках китовый жир. «Сим огнем не токмо освещают юрту, но и согревают себя во время холоду, ставя плошку под платье и закрывая ворот у парки, отчего теплота не может выходить вон, и через несколько минут под платьем бывает так тепло, как в бане» [5]).

Таким образом отсутствие леса на Алеутских островах не препятствовало алеутам жить здесь оседло.

Выше мы уже отметили, что у алеутов были замечены железные ножи. Миллер (Сочин. и Перев., 1758, ii, стр. 215), со слов Вакселя. пишет об этом следующее: «Один американец имел на боку у себя нож повешенной, которой, для особливого его виду показался нашим яко вещь диковинная. Длиною был он до 8 дюймов, к концу же не востер, но широк и весьма толст. Не можно угадать, к чему такой нож употребляется». Стеллер просил своих спутников обменять один из ножей на имевшиеся на пакетботе ножи, но его не послушались. А между тем, говорит он, может быть удалось бы узнать, с каким народом островитяне имеют сношения. Стеллер уверяет, что он очень хорошо рассмотрел нож, когда один из американцев вынул его из

---

[1]) Вениаминов, II, стр. 210—211, 204—205.

[2]) Левашов, в Зап. Гидр. Департ. X, стр. 101 (Уналашка).—Сарычев, II, стр. 14, 157 (там же).—Langsdorff, II, p. 30 (там же).

[3]) Вениаминов, II, стр. 233. Ср. также Левашев, стр. 101.

[4]) Паллас, стр. 327—328.

[5]) Сарычев, II, стр. 158. Ср. также Собр. сочин., выбранных из месяцесловов, ч. III, СПБ. 1789, стр. 354—55 (Андреяновские о-ва): «для тепла же никогда зимою и летом не топят», стр. 354), стр. 362 (о. Умнак).—Левашев, стр. 102—103 (о. Уналашка).

ножен и разрезал пузырь: «можно было видеть, что он сделан из железа и притом не европейской работы; очевидно, американцы не только имеют железную руду, каковой нет на Камчатке, но умеют ее плавить и обрабатывать» (p. 70).

По этому поводу нужно заметить следующее. До прихода европейцев американским туземцам не была известна плавка. Медь, железо, золото и серебро они обрабатывали холодным способом. Притом железо было очень мало распространено; эскимосы Смитова пролива (Гренландия) во времена Росса (Voyage of Discovery, 1819) пользовались метеорным железом [1]). Туземцы восточных штатов и местами на юго-западе Сев. Америки изготовляли холодным способом, без плавления, путем одной оббивки, как из камня, грубые орудия из гематита (железная руда), но я не имею никаких сведений о том, чтобы в северо-западной Америке пользовались метеорным железом или гематитом. Сравнительно большим распространением пользовалась медь, которая в Аляске в самородном виде встречается по р. Медной [2]). Как мы уже упоминали, американские эскимосы на берегах Берингова пролива вплоть до 80-х годов XIX столетия пользовались орудиями из камня и кости [3]). Хотя железо им было известно, вероятно, еще с конца XVII столетия. В небольшом количестве железные копья и такие же топоры американские эскимосы получали от чукчей с азиатского берега Берингова пролива [4]).

О такого рода торговле слыхал и Стеллер. Он говорит, что чукчи ведут торговлю с Америкой «через посредство обитателей островов» (имеются в виду эскимосы островов Диомида, или Гвоздева, в Беринговом проливе), они сбывают «американцам» (т.-е. эскимосам) ножи, топоры, пики, наконечники стрел, все из железа, в обмен на морских бобров, куниц и лисиц. Железные товары чукчи получают по дорогой цене от русских в Анадырске и им же сбывают иногда американские меха [5]).

---

[1]) Handbook Amer. Indians, I, p. 615.

[2]) Ibidem, p. 346.

[3]) Л. Берг, Известия о Беринговом проливе. Зап. по Гидрогр., II (1919), вып. 2, стр. 136—137.

[4]) Северный Архив, ч. XVIII, СПБ. 1825, стр. 195—201.—Берг, стр. 139.

[5]) Steller, Reise, p. 71.

Не исключена возможность, что алеуты получали русские ножи через посредство эскимосов [1]). Хотя регулярных торговых сношений у алеутов с эскимосами, повидимому, не было, но во время взаимных нападений они могли заимствовать друг от друга предметы материальной культуры.

Отметим также сообщенное выше (стр. 142—3) известие Глотова (1759—62) насчет того, что жители Уналашки получают железо с востока и куют из него ножи сами.

Давыдов говорит, что эскимосам-конягам, живущим на о-ве Кадьяк, железо было известно задолго до прихода русских: «они находили иногда железные вещи, выкидываемые морем на берег, и весьма ими дорожили» [2]). Про атхинских алеутов Вениаминов (III, стр. 18—19) передает, что они задолго до прибытия русских находили на берегах железные и медные вещи. Очевидно, это железо происходило с разбившихся судов европейских или японских. Выше мы привели передаваемое Вениаминовым предание алеутов, которое говорит о судне, доставившем им железо. Японские суда, как мы видели выше (гл. II), нередко терпели крушение у берегов Камчатки и Алеутских островов. К этому прибавим еще следующее. Вывезенный в 1747 г. промышленниками с острова Атту алеут-мальчик показал в Камчатке, что на памяти его приходили к ним на остров Атту на небольших судах, об одном парусе, люди в длинном, пестром, шолковом и бумажном платье; головы у них до половины бриты, а оставшиеся назади заплетены в косы [3]). Очевидно, это были китайцы (если только тут нет недоразумения). Тот же мальчик передавал, что в давних годах на Атту приходило какое-то судно, с которого люди давали им железо, иглы и листовой табак, а брали бобровые кожи [4]). Таким путем алеуты могли познакомиться с железом.

[1]) От эскимосов же алеуты могли задолго до Беринга получить сведения о русских. Вениаминов (20-е и 30-е годы XIX ст.) сообщает следующее (II, стр. 124): «алеуты старики уверяют, что некоторые из знаменитых шаманов еще задолго до прибытия русских предсказывали, что придут к ним из закрай-моря белые люди другого обычая».

[2]) Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, ч. II, СПБ. 1812, стр. 103. Ср. также Holmberg, p. 101.

[3]) А. Полонский, Перечень путешествий русских промышленников в Восточном океане с 1743 по 1800 г. Рукопись из архива Географ. Об-ва (шифр Б. V. 2), л. 14.

[4]) Там же. Этот рассказ путанный; повидимому, мальчика плохо понимали. Вот его слова в передаче Полонского: «кроме Атту, Агату и Семича, есть еще о. Сабия он же Салапц. Земля та великая, на ней леса довольно и жителей множество,

Как бы то ни было, до прихода русских железные орудия среди алеутов были большой редкостью. Вениаминов (II, стр. 106, 239), упоминая о «прежних» орудиях алеутов, называет «каменные ножи и кинжалы», но не говорит о железных. На одном из крупных алеутских островов (а на каком неизвестно) судно Серебрянникова застало в 1753 г. у алеутов железные ножи: «ножи их были почти все каменные, и редко кто имел железные; оружия не знали они никакого, кроме стрел с каменным или костяным востреем, кои спускали они с особливой деревянной дощечки» [1]). У алеутов Андреяновских островов в 1759 г. не было никаких железных вещей [2]). Замечательно, что еще в первой половине XIX столетия алеутские железные топоры прикреплялись к ручке совершенно как каменные, при посредстве ремней [3]). Сарычев (1792) говорит про уналашкинских алеутов, что они «ножи и топоры получают от русских, только настоящих топоров употреблять не умеют, а делают их по-своему, привязывая к ним деревянную рукоятку, так что ими как шляхтою можно только шляхтить, а не тесать или рубить; большие же деревья колют обыкновенно деревянными клиньями» [4]).

Давыдов, бывший на острове Кадьяк в 1802—3 г.г., и про эскимосов-коняг сообщает, что они делали в то время железные топоры наподобие каменных [5]).

люди же подобием русским и имеют огненное оружие и книги и поклоняются, как и они, с крестом, а называют их на их языке *куг*. С той земли приходило в давних годах на Атту небольшое судно и стояло в р. Атт. Люди с него брали с острова разных цветов краски, которых там довольно, а более всего белую руду, похожую на серебро, которая находится и на сопке, близ их жила, плитками; от алеутов они брали бобровые кожи, зато давали недельное железо, иглы и предлагали листовой табак, только его алеуты не брали, не понимая в нем тогда никакой силы». О показаниях этого алеута см. также у Палласа, l. c., стр. 284—285. Можно было бы думать, что наименование *куг* относится к курильцам (*кужи, куги*), но следует иметь в виду, что похожие местные названия носили дальние алеуты; так, жители Унги и все прочие до Уникака называются *каган-тагунгин* (люди восточные), алеуты островов Крепицына и части Уналашки *кигигун* (северо-восточные), обитатели Четырехсопочных островов *акуган* или *акугун*, крысьевцы *кагун* и т. д. (Вениаминов, II, стр. 2—3).

[1]) Паллас, Собрание сочин. из месяцословов, IV, стр. 310.

[2]) Паллас, стр. 319.

[3]) Вениаминов, II, стр. 249.

[4]) Сарычев, II, стр. 159.

[5]) Двукратное путешествие Хвостова и Давыдова, II, 1812, стр. 103—104.

Лодки американцев (т.-е. алеутов) Стеллер (Reise, p. 68—69) описывает следующим образом. Они приблизительно двух саженей в длину, два фута в вышину и столько же в ширину по верху; спереди, к носу заострены, сзади борты сходятся углом. Повидимому, остов состоит из двух продольных шестов, на концах прилаженных друг к другу, а кроме того соединенных поперечными перекладинами. Снаружи корпус покрыт кожами, как кажется, тюленьими, и выкрашен в темнобурый цвет. Внизу, повидимому, прилаживается киль, который впереди соединен с носом вертикальной перекладиной [1]) из дерева или кости. Приблизительно в двух аршинах от кормы находится круглое отверстие, с оторочкой из китовых кишек; при помощи шнурка, продетого через рубец, эту оторочку можно затянуть и снова распустить. Сев в лодку и вытянув вперед ноги, «американец» стягивает оторочку вокруг тела и укрепляет ее при помощи петли; таким образом вода не может проникнуть внутрь. За гребцом на лодке лежат привязанные с десяток палок, выкрашенные в красную краску—точно таких же, что раньше туземцы доставили на судно в первую встречу,— для какой цели, Стеллер не мог догадаться, может быть для починки остова лодки на случай поломки. Лодка так легка, что на суше американец несет ее, вставив правую руку в дыру. Весло, длиной в сажень, представляет из себя жердь, на обоих концах коей имеется по лопасти, шириной в поперечник ладони; этим веслом он гребет попеременно то на правой стороне, то на левой и передвигает лодку даже на сильном волнении с большой ловкостью.

Это описание алеутской байдарки совершенно правильно. На карте Вакселя изображен «американец в перпечей кожаной лотке» (см. выше рисунок на стр. 137). Крашенинников в своем «Описании земли Камчатки» (1755) одну из глав первого тома посвящает Америке, сообщая сведения по данным Стеллера; на двух таблицах при стр. 128 изображены: «американец в байдаре» и «американская байдара»—с рисунков Вакселя. Более новое изображение алеутской лодки с Уналашки можно видеть у Сарычева, во втором томе его «Путешествия» (II, 1802, при стр. 162); оно совершенно отвечает описанию Стеллера.

Вообще, путешественники не находят достаточно слов для похвал алеутской байдарке. Так, Веніаминов (II, 1840, стр. 244) говорит:

---

[1]) Фордерштевень. Он не обшивался кожей.

«байдарка Алеутская столь совершенна в своем роде, что и самый математик очень не много и даже едва ли что-нибудь может прибавить к усовершенствованию ее морских качеств». Приводим, для сравнения с Стеллеровым, описание уналашкинской байдарки, какое дает Вениаминов (II, стр. 219—228). Прежде для выхода в море алеуты пользовалась лишь однолючными байдарками (т.-е. с одним отверстием вверху), двулючные они употребляли лишь для перевоза легкого груза или для выезда в море старика с малолетним. Но считалось позором молодым и здоровым гребцам отправиться в море для промысла бобров на двулючной байдарке. Трехлючные же— есть нововведение, принадлежащее русским. Длина однолючной байдарки 6—7 аршин, ширина 10—12 вершков, вышина 4—5 вершков. Это, таким образом, очень длинные, узкие и низкие лодки, необычайно легкие и быстроходные. Основа байдарки есть верхняя рама (или шесты), с несколькими поперечными распорками (бимсами); к концам она сведена вместе. Наибольшая ширина ближе к носу. С нижней стороны рамы приделывается киль, который всегда состоит из трех частей, для того, чтобы байдарка, как говорят, изгибалась на волне. Затем к килю прикрепляются штевни и ребра или лучки (шпангоуты), из ивовых и ольховых палок, в расстоянии друг от друга от 3 до 7 дюймов, и на них сверху, вдоль байдарки, накладывается несколько шестиков. Для скрепления отдельных частей служит китовый ус. Теперь «решетка» (остов) готова, остается только обшить ее. Обшивка, из сивучьих или нерпичьих (тюленьих) кож, покрывает байдарку сплошь, исключая фордерштевень и, конечно, люк, куда должен садиться ездок. Внутри нет никакой обшивки, но когда садятся в байдарку, вниз кладут старый лавтак, подстилку и груз. Обшивку для прочности смазывают жиром, но все же она не выдерживает и года. К люку прикрепляются обтяжки (или цуки), которые защищают от проникновения воды внутрь. Их делают из сивучьих кишок или горла; вышиной обтяжка от полуаршина до $^3/_4$ аршина; нижняя оторочка ее прикрепляется к байдарке китовым усом, а верхнюю гребец затягивает под пазухой шнурком из жилы и перехватывает через левое плечо. Весло для байдарки всегда делается двулопастным, длиною от $2^1/_2$ до 3 аршин, смотря по росту гребца, и по возможности из калифорнийской чачи, как самого легкого дерева (на двулючных байдарках бывают и однолопастные весла). Во время гребли весло держат посредине и гребут на обе стороны, то верхнею, то нижнею

лопастью. К числу необходимых вещей при байдарке принадлежит пузырь, т.-е. вычищенный сивучий или первичий желудок, который нужен в том случае, если лодка опрокинется; держась за пузырь, можно перевернуть лодку килем вниз, отлить воду и даже починить обшивку; или, при ветре, надутый пузырь поддерживает байдарку, даже если она и полна воды. Парусов на байдарках никогда не употребляли. Управляют алеуты байдаркой с величайшим искусством: «никакая, говорит Вениаминов, сила ветра, ни волнение, ни даже не всякой толчок посторонней силы, если только Алеут видит их, не опрокинут его, лишь бы только весло у него было в руках». Единственно, чего опасается алеут, это прибоя и сулоя в проливах. По словам Вениаминова (II, стр. 220), в прежние времена алеутские байдарки были еще лучше: они были так легки, что семилетний мальчик мог переносить их, столь узки и острокильны, что без седока не могли держаться на воде, столь быстры на ходу, что «не отставали от птиц». Алеуты могут на байдаре в час пройти до десяти верст. Никакая шлюпка догнать их не в состоянии. Напротив, алеуты догоняют судно, идущее по четыре мили в час.

Сарычев (II, 1802. стр. 159) говорит, что для изготовления одной байдарки нужен был целый год.

Окрашенные в красный цвет заостренные палки, о которых говорит Стеллер, это древка стрелок для охоты на морских бобров. Они изображены Сарычевым (т. II) на таблице при стр. 160, а на другой таблице (при стр. 162) их можно видеть лежащими в виде связанного пучка, на лодке впереди и позади гребца; они кладутся в ремешки, прикрепленные к байдаре. Стрелы окрашивают красною краскою, которую достают в скалах и разводят на собственной сукровице; от этого краска не смывается ни дождем ни морской водой (Сарычев, II, стр. 161). На всякой байдарке прежде всегда находились несколько бобровых стрелок, которые не снимались даже на берегу [1]).

5 сентября к судну Беринга снова пригребли в байдарках девять американцев, с такими же криками и церемониями, как и в первый раз. Из них только двое приблизились к судну и, не всходя на палубу, передали подарки: краску «цвета железа» и жезлы с соколиными перьями, или, по описанию Миллера (стр. 217), «свой мирный знак, состоящей из пяти футовой палки, у которой на верхнем и тонком

[1]) Вениаминов, II, стр. 249 (см. также стр. 247—248).

ее конце привязаны были всякие перья беспорядочно». На головах у американцев были шляны из древесной коры, выкрашенные в зеленый и красный цвет. Они имели целью, говорит Стеллер (p. 73), защитить глаза от солнца, ибо темя они оставляли совершенно непокрытым. Под шляной, над лбом у некоторых были воткнуты пестрые соколиные перья, у других — пучки травы. Подобного рода шляны, по словам Стеллера, носят камчадалы и коряки, у которых и приобретено несколько штук для кунсткамеры. «Судя по этим шлянам, можно думать, что американцы произошли из Азии» (p. 73).

С судна стали знаками показывать, что хотели бы получить одну такую шляну. Алеуты передали две, за что их отдарили ржавым железным котлом, пятью иголками и пропизком. На одной шляне оказался вырезанный из кости небольшой «идол» в виде сидящей фигуры с пером вместо хвоста. Шляна эта, по Вакселю [1]), была около пяти футов длиной.

Шапок алеуты, как известно, прежде не носили. Атхинские алеуты даже звали русских *салигугин*, т.-е. с покрытой головой, или шапочниками (Вениаминов, III, стр. 19). Но при поездках на байдарках они употребляли оригинальные деревянные шляны, имевшие, по словам Вениаминова (II, стр. 218), назначение защищать глаза от морских брызг. Эти деревянные шляны были двух типов: глухие и с открытым верхом. Первые делались из корня какого-либо дерева, раскрашивались красками (узором в виде продольных полос) и украшались сивучьими усами, корольками и резными костяными фигурками [2]). Шляны эти нередко были сильно удлиненные, отчего Чириков и называет их «колобками» [3]). По свидетельству Вениаминова, они у алеутов ценились очень дорого, лучшая стоила от одного до трех калгов,

---

[1]) Царскосельская рукопись, стр. 90.

[2]) Вениаминов, l. c. См. также описание Левашева шляп с Уналашки, 1768—69 г., в Зап. Гидрогр. Департ., X, стр. 99.

[3]) Изображение такой алеутской шляны в красках, из коллекции Этногр. музея, быв. Александра III, есть в работе Ф. К. Волков и С. И. Руденко, Этногр. коллекции из бывших росс.-амер. владений. Матер. по этногр. России, I, 1910, табл. IX, посредине (ср. также стр. 41). Еще в 1909 г. В. И. Иохельсон видел такие старинные шляны у двух стариков алеутов на острове Умнак. См. W. Jochelson, Proc. XVIII. Intern. Congress of Americanists, London, p. 336, pl. II, где изображены два алеута в шлянах и парках.

т.-е. рабов, и носили их лишь тойоны (начальники) и почетные лица [1]). Шапки же с открытым верхом, о которых упоминает Стеллер, есть не что иное как большие и длинные козырьки, надеваемые поверх камлейки. Они иногда тоже украшаются сивучьими усами, корольками и костью [2]). Изображение алеута с Уналашки в подобной шапке есть у Сарычева, в томе II, при стр. 16.

Получив подарки, туземцы вернулись на берег, развели здесь большой огонь и некоторое время громко кричали.

6 сентября пакетбот снялся с якоря и вышел в море, что американцы опять ознаменовали дружным криком. «Сие не меньше почитать можно за дружественное засвидетельствование, коим они нашим благополучного пути желали, как за радостное восклицание, что от незнаемых гостей избавились», говорит по этому поводу Миллер.

Ветер был благоприятный, и около двух часов пополудни удалились от Шумагинских островов настолько, что потеряли из виду берег. Отметим, что через три дня после этого, 9 сентября, у острова Адах и корабль Чирикова встретился с алеутами.

Плавание от Шумагинских островов к о-ву Беринга.

8 сентября разразилась сильная буря, которая привела офицеров «св. Петра» в большое уныние. Стали сомневаться, удастся ли вернуться домой, и начали раздумывать, не придется ли зазимовать в Японии или в Америке.

18 сентября замечены на пролете большие стаи мелких куликов, тянувших на юго-запад. 24 сентября оказались приблизительно под 51° с. ш., близ острова Атха, одного из Алеутских, именованного островом св. Иоанна. Ветер все крепчал, достигая необычайной силы; волны переливались через палубу. В течение последующих трех недель Берингу не удалось нисколько продвинуться к западу. Штурман Эзельберг, старик, плававший пятьдесят лет по всем морям и океанам, говорил, что он ни разу в жизни не видал такой жестокой бури, какая разразилась 27 сентября.

---

[1]) Langsdorff (Bemerkungen auf einer Reise um die Welt, II, 1812, p. 37) говорит, что приобретенная им на Уналашке в 1805 г. шляпа оценивалась в 80 руб.

[2]) Веніаминов, l. c.

Утром 30 сентября снова поднялась от юго-запада страшная буря, какой не видели ни до этого ни после. Более сильной бури, по словам Стеллера, себе даже нельзя и представить. Каждую минуту ждали гибели судна. Никто не мог ни лежать, ни сидеть, ни стоять. Управлять судном не было никакой возможности, и его носило по воде «равно как колоду, оставленную во власть волнам и ветрам». Половина команды лежала больной, прочие же были без ума от ужасной качки. Варить не было возможности, и приходилось питаться полуобугленными сухарями, которые к тому же были на исходе. «Не подумайте, говорит Стеллер (p. 83), что я преувеличиваю наши бедствия: поверьте, что самое красноречивое перо не в состоянии было бы передать весь ужас, пережитый нами».

1 октября буря продолжалась. Офицеры стали говорить о том, что следовало бы поискать убежища в Америке. В этот день, как и 24 сентября, Стеллер заметил на судне огни св. Эльма или, по его выражению, «die ignes lambentes oder Castor und Pollux, welche die Seeleute Mohrfeuer nennen» [1]); того же числа наблюдалось необычайно быстрое движение облаков, которые во время бури бежали как стрела, при чем иногда в противоположных направлениях. Стеллер имеет здесь в виду верхние и нижние облака. 2 октября начало стихать, но зыбь на море продолжалась еще целые сутки. Ветер продолжал дуть с юго-запада. 6 октября впервые около судна увидели много акул. 8-го опять началась буря с юго-восточным ветром, который спустя два часа повернулся с запада; 9-го шли весь день на северо-восток, т.-е. обратно к Америке. Буря продолжалась и 10-го. Ваксель стал убеждать командора, болевшего цынгой, направить курс к Америке, чтобы перезимовать там. Но командор не дал своего согласия на это. Он просил православных собрать деньги на храм в Аваче, а лютеран—для храма в Выборге.

11 октября начало стихать. 12-го вечером поднялась буря с юго-западным ветром, снегом, дождем и крупой; видели радугу. 25-го, под широтой около 51°, видели на севере высокий остров, названный в честь св. Маркиана,—ныне Амчитка, один из Крысьих островов Алеутской гряды. В следующие дни открыли остров св. Стефана (или Кыска)—другой из той же группы, а 29-го—о. Авраамия, под $52^1/_2$°, один из Ближних.

---

[1]) Steller, p. 83—84.

От недостатка воды и провизии и от ужасной качки больные стали очень быстро, один за другим, умирать. Беринг болел цынгой и лежал, а судном управляли Ваксель и Хитров.

В своем дневнике Стеллер не перестает возводить на них самые разнообразные обвинения, вроде того, что Ваксель и Хитров «предали и продали» всех, но все это решительно ни на чем не основано и свидетельствует лишь об очень скверном характере этого натуралиста. Напротив, нужно удивляться, как это, несмотря на неслыханные бури, болезни и бедствия, офицерам «св. Петра» удалось все время держать счисление сравнительно в порядке и привести судно если не к самой Камчатке, то в непосредственную близость к ней.

Наконец, утром 4 ноября, милях в 16 расстояния, увидели перед собой высокую землю. В это время судно было в отчаянном положении. Каждый день по одному или по двое умирало от цынги. Снасти изорвались. Сухарей не было, а воды очень мало. «Невозможно описать, говорит Стеллер, как велика была радость всех, когда увидели землю. Умирающие выползали наверх, чтобы увидеть ее собственными глазами, и каждый сердечно благодарил бога за его великую милость». Даже больной капитан-командор поднялся... Открывшаяся земля казалась Камчаткой, и именно окрестностями Авачинской губы. Все хотели верить этому, видели даже в очертаниях берега вход в гавань, Шипунский мыс, даже маяк. На самом деле, «св. Петр» был в виду острова Беринга, того самого, на котором несчастный командор нашел свою могилу и который отстоит на 2° севернее и на 8° восточнее Авачинской губы...

К моменту подхода к острову на судне все ванты оказались перебитыми, и парусами управлять нельзя было. Все, и офицеры, и нижние чины, собрались в каюте Беринга и постановили итти к берегу, все равно, есть ли там удобное для стоянки судна место или нет, хотя Беринг, поддерживаемый Овцыным, советовал попробовать еще поискать гавани. Бросили якорь у открытого каменистого берега, но канат лопнул, и судно понесло к берегу. Каким-то чудом волны, подхватившие его, поставили его совершенно невредимо в спокойную лагуну между грудою камней и берегом, на глубине $4^1/_2$ саженей.

Это было вечером 6 ноября 1741 г.

4. Остров Беринга.

Высадка. Кончина Беринга.

Утром 7 ноября спустили единственную оставшуюся шлюпку, на которой Стеллер, Плениснер и несколько больных съехали на берег. Плениснер пошел на охоту и принес с полдюжины куропаток (Lagopus ridgwayi Stejn.). В те времена здесь их было так много и они были так не пугливы, что за час можно было набить в одном месте 80 штук [1]).

Рис. 13. Остров Беринга. Место крушения «св. Петра». Вид с мыса Командор на север (из Е. К. Суворова).

Куропатки были изобильны до последнего времени, и Стейнегер рассказывает, что за зиму 1882—83 г. два охотника набили на острове Беринга до 1400 штук [2]).

Добытая Плениспером дичь была отправлена на судно для капитан-командора. Стеллер в свою очередь послал несколько противоцынготных трав («настурциевых») для салата.

Эту ночь Стеллер и его спутники провели на берегу. На следующий день он видел близ берега много морских коров («Manati»),

[1]) Pallas, Zoogr. rosso-asiat., II, 1811, p. 63.

[2]) L. Stejneger, Bull. U. S. Nat. Mus., № 29, 1885, p. 202.

и это обстоятельство заставило его усомниться, действительно ли он находится на Камчатке.

9-го стали перевозить больных на берег и помещать их в землянках, покрытых парусами. Перевезли на носилках и Беринга. Двенадцать матросов скончались во время плавания, преимущественно в последние дни, а из тех, что остались живы, еще девять человек умерли во время перевозки на берег или сейчас же по переносе на землю. 21-го последним свезен больной лейтенант Ваксель.

На берегу Беринг казался очень спокойным и довольным. Он спросил Стеллера, как он думает, что это за земля? По мнению Стеллера, вряд ли это была Камчатка. Против этого говорило прежде всего отсутствие у зверей, особенно у песцов, всякой боязни человека. С другой стороны, и далеко до Камчатки не могло быть, так как растительность была такая же, как и на полуострове; затем на берегу была найдена оконная ставня из тополевого дерева, очевидно, русской работы, принесенная течением вероятно с устья р. Камчатки. Можно было бы думать, что это Кроноцкий нос. Но в этом заставляло Стеллера сомневаться следующее: он нашел ловушку на лисицу, зубья которой сделаны не из железа, а из раковины Entalium; эта ловушка должна была, думал Стеллер, быть принесена волнами из Америки, ибо на Камчатке уже было известно железо [1]). Наконец, присутствие в море морских коров тоже не говорило за Камчатку.

Беринг прекрасно сознавал, что земля, на которую их выбросило, была не Камчатка, но скрывал это от команды, чтобы не лишать ее бодрости.

Судно оставалось на плохом якоре, и первый свежий ветер грозил совершенно уничтожить его. К счастью, во время бури 28 ноября «св. Петр» был выкинут на отмель.

8 декабря, за 2 часа до рассвета, скончался начальник Камчатской экспедиции командор Беринг, полузасыпанный землею, которую он не позволял отгребать, чувствуя себя под нею в тепле. До последней минуты он был в полном сознании. Его похоронили, по протестантскому обряду, поблизости становища.

Если бы командора поместить в теплое помещение и питать хорошей пищей, то он оправился бы. Но в той обстановке, в какой он лежал, отек все увеличивался и закончился смертью.

---

[1]) Steller, p. 105.

Рис. 14. Могила командора Беринга. Крест, поставленный Российско-Американской Компанией. Фотография Е. К. Суворова (1910).

Стеллер так характеризует Беринга [1]). Это был справедливый человек. За приветливость и спокойствие он пользовался все-

[1]) Steller, p. 114.

общей любовью, как среди офицеров, так и среди команды. Порученное ему дело Беринг исполнял с крайним разумением. Вместе с тем он не отличался решительностью, какая необходима в экспедициях, подобных Камчатской. В вину ему Стеллер ставит затем чересчур мягкое обращение с подчиненными.

Место могилы Беринга с точностью неизвестно. Руководясь описанием Стеллера, Русско-Американская Компания впоследствии поставила на предполагаемом месте погребения деревянный крест [1]). В 1892 г. офицерами шхуны «Алеут» и служащими на Командорских островах поставлен в ограде церкви села Никольского на острове Беринга железный крест, обнесенный якорной цепью.

Из 77 человек экипажа «св. Петра» умерло к 8 января 31, среди них весьма опытный штурман Эзельберг, семидесятилетний старик, о котором все сожалели. Оставшиеся в живых сорок шесть человек жили на острове в течение 9 месяцев, в вырытых в песке ямах, покрытых парусами.

Недостатка в топливе не ощущали: на берегу было много плавнику или выброшенного волнами лесу. Питались морскими бобрами, котиками, тюленями, китами, морскими коровами, сивучами. Хлеб берегли, и с средины ноября до начала мая каждый человек получал в месяц тридцать фунтов муки; первые два месяца прибавляли еще по несколько фунтов ячменной крупы; в мае и июне давали лишь по 20 фунтов муки, а затем дачу муки и совсем прекратили, так как было в изобилии мяса. Многие сделали запасы сухарей в дорогу, на Камчатку. Из муки пекли оладьи на тюленьем и китовом жиру, а потом на жиру морской коровы. Только перед самым оставлением острова приготовили в специально построенных печах хлеб.

26 декабря люди, посланные на разведки, сообщили, что земля, на которой они находятся, есть, без сомнения, остров, ибо они обошли эту землю кругом. Но вместе с тем убедились, что материк не должен быть далек. «Знаков, говорит Софрон Хитров, от земли нашей Камчатской на сем острове во время вестового ветра, а от американской во время остового находилось не малое число, а именно

---

[1]) Фотография на стр. 157 взята из книги Е. К. Суворова, Командорские острова и пушной промысел на них. СПБ. 1912, изд. Деп. Земл.

с камчатской стороны находился лес рубленой избной, которой бывал в деле, и плотовые с проушинками слеги, разбитые боты, санки, на которых ездят оленные коряки. А от американской стороны лес толстой сосновой и их стрелки и весла, каких у наших на Камчатке не бывает. И во время чистого воздуха, с западной стороны сего острова многими служителями неоднократно казались к W сопки высокие, покрыты снегом, о которых мы рассуждали по своему счислению, что оные стоят на камчатском берегу; однакож за подлинно в том утверждаться было невозможно» [1]).

История ознакомления.

Так был открыт остров Беринга. Впрочем, камчадалы, хотя никогда и не бывали на нем, но имели сведения о земле к востоку от устья реки Камчатки, а местным русским стало известно об этой земле еще лет за сорок до посещения острова Берингом. Слухи об этом проникли даже в Якутск, и 20 февраля 1710 года в якутской приказной палате допрашивали якутских служилых людей «про остров, который значится против Камчатского и Ковымского и Лепского устья»—вот каким громадным рисовался этот остров: от Новой Сибири через Медвежьи острова и вплоть до Командорских! Михайло Наседкин (или Насеткин) в допросе показал, что в 1702 г. он из Анадырского острога был послан в Камчадальский острог с приказчиком Многогрешным. До Пенжинского острогу шли они на оленях и на собаках, а на Пенжине, поделав Карбасы, выплыли в Пенжинское устье, взяли у ясачных коряков байдары и пошли морем на Камчатку; дойдя до устья реки Лесной, отсюда пошли на нартах и лыжах на реку Камчатку вплоть до устья, в поход «на немирных камчацких мужиков». «И против Камчатского де устья значится остров, а какие на том острову люди есть, того он Михайло не ведает, и преж сего на том острову русские люди бывали ль, того де он Михайло ни от кого не слыхал» [1]).

Это первые сведения об острове Беринга. Земля эта возбуждала интерес в Якутске, и за четыре дня до допроса Наседкина отсюда

---

[1]) Зап. Акад. Наук, XV, № 1, 1869, стр. 29.

[2]) Пам. Спб. Ист., II, стр. 502. — Миллер, Сочин. и Перев., 1758, I, стр. 103.

был послан на Камчатку приказчику Осипу Миронову указ, в котором говорилось: «в нынешнем 710 г. ведомо учинилось в Якуцком столнику князю Василью Ивановичу Гагарину: от устья де Камчатки реки значится в море земля, остров; и тебе Осипу проведать, какие люди на том острове и какой веры и под чым владением или собою живут и какой в том острове зверь и иное какое богатство у них есть ...сколь далече от устья Камчатки тот остров..., и о том всему учинить чертеж» [1]).

Что последовало по этому указу, неизвестно. Миллер сообщает, что в бытность Беринга в Нижнекамчатске, зимой 1728—29 г., камчадалы уверяли его, что в «ясные дни с высоких берегов Камчатских земля в противоположную сторону видна бывает» [2]). По словам Крашенинникова [3]), «жители Камчатские из давних времен думали, что против устья реки Камчатки земле быть должно; для того, что завсегда там казалось мрачно, каковоб впрочем около горизонта ясно ни было».

По всей видимости, остров, до Беринга, никогда не был посещен человеком.

Стеллер оставил обстоятельное описание острова Беринга, которое было опубликовано лишь в 1781 г. Палласом [4]). Кроме того, сведения об острове имеются в ненапечатанных доселе отчетах Хитрова и Вакселя. Из них опубликованы только Бихнером в 1891 г. данные Вакселя о ловле морских коров и Пекарским (1869) описание острова, сделанное Хитровым [5]).

---

[1]) Пам. Сиб. Ист., I, стр. 412.

[2]) Сочин. и Перев., 1758, I, стр. 396.

[3]) Описание земли Камчатки, I, 1755, стр. 131—132.

[4]) G. W. Steller, Topographische und physikalische Beschreibung der Beringsinsel, welche im östlichen Weltmeere an der Küste von Kamtschatka liegt. Pallas' Neue Nordische Beyträge, II, 1781, p. 255—301.

[5]) Впоследствии подробное географическое описание острова дал американский зоолог (родом из Норвегии) Стейнегер: L. Stejneger, The Russian fur-seal islands. Bull. U. S. Fish Commission for 1896; art. 1. Wash. 1896, p. 1—148, plates 1—66. 2-е, дополненное издание: L. Stejneger, The Asiatic fur-seal islands and fur-seal industry, в: The fur-seal and fur-seal islands of the North Pacific ocean by D. S. Jordan, part 4, Wash. 1898, pp. 384, plates and maps 113.—Из русских авторов Командорские острова в 1910 и 1911 годах посетил зоолог Е. К. Суворов, написавший ценную книгу: Командорские острова и пушной промысел на них. СПБ. 1912 изд. Деп. Земл., стр. 324 с 63 рис. и картами.

Описание острова.

Стеллер дает сначала обстоятельное топографическое и геологическое описание острова. Он горист, и высшие точки достигают «не более тысячи саженей высоты». По словам Стейнегера (1898, p. 50) высший пункт, гора Стеллера, возвышается всего приблизительно до 2200 футов. Стеллеру казалось, что к северо-востоку от острова видны высокие снеговые горы, которые, как он полагал,

Рис. 15. Вид внутри острова Беринга. Столовые горы (из Е. Суворова).

находились в расстоянии 100—150 верст, уже на материке Америки; с южного конца острова Беринга Стеллеру тоже виднелись неясные очертания какого-то острова. Но все это, понятно, был обман зрения. Зато правильно наблюдение Стеллера, что к востоку от острова Беринга лежит, параллельно ему, другой остров. Здесь имеется в виду остров Медный. Он был замечен с судна еще тогда, когда мореплаватели приближались к острову Беринга, но в то время не видели пролива, разделяющего оба острова.

Горы острова сложены, по Стеллеру, обыкновенной серой породой или гранитом, а на берегах из плотного сероватого песчаника [1]).

[1]) Beschreibung der Beringsinsel, p. 261.

Морозевич за основную породу, слагающую как Берингов, так и Медный остров, признает *андезитовые туфы*, в которых Н. Н. Тихоновичу удалось на острове Беринга найти довольно богатую фауну двустворчатых моллюсков из группы Pecten, что позволило определить возраст этих туфов как верхнеолигоценовый или нижнемиоценовый [1]). Остров сложен, вообще, из вулканических пород, и указание Стеллера на гранит, несомненно, ошибочно.

Далее наш автор описывает (р. 271—272) террасы, лежащие на высоте до 30 саженей и заключающие наносный лес, кости китов и целые скелеты морских коров. Террасы отмечают как Стейнегер (1898, р. 51), так и Суворов (стр. 86).

За время пребывания на острове экипаж «Св. Петра» трижды испытал землетрясения. Сильнейшее из них произошло 7 (18) февраля 1742 г. Оно началось около часу дня и продолжалось шесть минут. Стеллер в это время находился в своей землянке. За несколько минут до землетрясения слышен был подземный шум в виде свиста и грохота, распространявшегося с юга на север и по мере приближения усиливавшегося. По прекращении шума наступило сильное сотрясение: столбы закачались, и все начало трещать. Стеллер выскочил из помещения и побежал к морю, чтобы посмотреть, что там делается. Несмотря на то, что на суше сотрясение продолжалось, море было совершенно спокойно,—как это нередко бывает при землетрясениях. Погода была тихая, небо ясное [2]). И теперь землетрясения нередки на Командорских островах: так, на острове Медном в 1910 г. было 5 землетрясений, а в 1892 даже 18. Направление толчка преимущественно от юго-запада.

Климат. О климате острова Стеллер передает следующее (р. 269—271). В общем климат мало отличается от камчатского. Вернее было бы сказать—от климата юго-восточного берега Камчатки. На острове очень часты бури, в горных долинах ветер иногда достигает необычайной силы. Суворов подтверждает это, указывая (стр. 75), что ветер дует порою со скоростью свыше 30 метров в секунду. По словам Хитрова, «ветры бывают на сем острове так жестоко сильные, что с великою нуждою человеку на ногах устоять возможно. И можно сказать, что мы от декабря месяца до самого марта от тех жестоких

[1]) И. Морозевич, Месторождение самородной меди на Командорских островах. Тр. Геолог. Ком., № 72, 1912, стр. 13—14.

[2]) Steller, Neue nordische Beytr., II, p. 270.

ветров и снежной сверху и с гор пурги редко видали красной или чистой день» [1]). Самые сильные бури экипаж «св. Петра» испытывал в феврале и апреле 1742 г. от юго-востока и северо-запада; восточные ветры приносили погоду мягкую и ясную, северные—холодную и ясную. В средине мая (старого стиля) были сильные дожди. Действительно, в некоторые годы в мае выпадают довольно обильные осадки. Так, в 1899 г. выпало в этом месяце (нов. стиля, как и всюду ниже) 53 мм. Вообще, дожди на Командорских островах, в отличие от Петропавловска, не носят муссонного характера. По наблюдениям в с. Никольском на о. Беринга за годы 1899—1906, впрочем, весьма неполным, в среднем выпадало за год 483 мм. осадков [2]).

Стеллер говорит, что на большие холода им в зиму 1741—2 года не приходилось жаловаться. Льда в море не наблюдалось. Действительно, климат на острове Беринга отличается ровным, морским характером: зима сравнительно мягкая, лето прохладное; годовая амплитуда всего около 16°. Самый теплый месяц август с средней температурой от 10° до 11°; самый холодный—февраль или март: —3° и—4°, но случаются и сильные морозы. По наблюдениям, организованным Стейнегером, за 1882—86 г.г. термометр достиг наинизшей точки в декабре 1882 г., когда абсолютный минимум был—18,5° С. Средний январский минимум за 1883—85 г.г. был—5,5°; абсолютный максимум за то же время (август) 17,2°, средний августовский максимум 12,3° (Stejneger 1898, p. 22—23). Эти цифры достаточно рисуют умеренность климата на острове Беринга. Отметим, что широта с. Никольского, где производились наблюдения, 55° 14′. Для сравнения укажем, что в Коле, лежащей под 68° 53 ′с. ш., средняя июльская 13, 4, средняя февральская—12,1.

Что касается плавучих льдов, то иногда их заносит с севера в марте (Суворов, стр. 73). Но, во всяком случае, явление это не частое.

Относительно снегового покрова Стеллер сообщает, что 6 (17) ноября, в день прибытия к острову, снега еще не было, кроме высоких гор; между тем в это время в южной Камчатке лежит снега на целый аршин. Но зато выпавший на острове снег долго не тает—на равнинах до конца мая (нов. ст.), а на горах до средины июля (нов. ст.), а на са-

[1]) Зап. Акад. Наук, XV, № 1, 1869, стр. 31.

[2]) В. В л а с о в, Камчатская экспедиция Рябушинского. Метеор. отд., вып. I, М. 1916, стр. 138.

мых вершинах—совсем не тает. Толщина снега в низинах достигает $1^1/_2$ саженей. Узкие ущелья в горах во время зимней пурги засыпаются снегом доверху [1]). Стейнегер (1898, p. 26) подтверждает, что в случае прохладного лета снег на Беринге не тает еще в сентябре, даже на уровне моря; так было, например, в 1895 г. В августе 1911 г. Суворов (стр. 76) видел много снегу на западном берегу. В Петропавловске первый снег выпадает в среднем 17 октября н. ст., последний 25 мая. Санный путь в Петропавловске устанавливается около средины ноября н. ст. [2]). Как и остров Беринга, Камчатка—это страна метелей; в Петропавловске, например, в марте в среднем 14 дней с метелью, но бывают годы, когда их 25 [3]).

Стеллер жалуется на сумрачное небо острова Беринга: с конца мая и до конца июня 1742 г. н. ст. погода по большей части была пасмурная, и шел дождь. В течение же июля погода была хорошая (p. 271). Действительно, Командорские острова самое облачное место в России: тогда как даже на Мурмане и Белом море (самые облачные места в Европейской России) в среднем за год около 75% неба покрыто облаками, на Беринге средняя облачность за годы 1883—85 составляет 81% (Stejneger, p. 24). Бывают годы, когда средняя облачность за месяц повышается до 98%; так было, например, в августе 1903 г. и в феврале 1904 г. А на Медном в марте 1903 г. средняя облачность равнялась даже 99 [4]). При этом облачность по месяцам распределена довольно равномерно; годами наименьшая облачность приходится на июль, годами же на другие месяцы. Между тем, в Петропавловске годовой ход облачности выражен ясно: максимум в июле (74%), минимум в ноябре (55%), годовая средняя 62 [5]).

За все время пребывания Стеллера на острове не случилось ни одной грозы. Стейнегер (1898, p. 26) подтверждает чрезвычайную редкость гроз на Командорских островах: на Медном за 8 лет была одна гроза; на Беринге Стейнегер испытал грозу 18 сентября 1882 г. В Петропавловске тоже грозы бывают очень редко.— (Равным образом Стеллеру не случилось видеть на острове ни разу северного сияния. Стейнегер говорит, что они редки, но описы-

[1]) Steller, Beringsinsel, p. 270—271.
[2]) Власов, 1916, стр. 144, 145.
[3]) Там же, стр. 150.
[4]) Там же, стр. 121.
[5]) Там же, стр. 119.

вает два слабых сияния 15 и 17 ноября 1882 г., отмеченные им на Беринге.)

«А от марта месяца вешним временем и в лете великие и беспрестанные бывают туманы и мокроты, и также мало случалось видеть приятного воздуха день», пишет Хитров (стр. 31). Действительно, туманы здесь весьма часты, и из них сыплет мельчайший дождичек, называемый бусом [1]). Поэтому влажность на Беринге чрезвычайно велика: за 1885 г. относительная влажность равнялась 90%, не спускаясь ни в одном из месяцев ниже 85; за три летние месяца влажность была около 92%.

Песцы. В то время на острове водилось великое множество *песцов*, которые, никогда до того не видев человека, совершенно его не боялись. Как песцы сюда попали, является загадкой. Стеллер предполагает, что их занесло с плавучим льдом. Хотя льдов у острова почти не бывает, все же это предположение наиболее вероятно. Мы знаем, например, что на острове Георгия, из Прибыловских, открытых в конце XVIII столетия, раньше водились только голубые песцы, а затем принесло с севера на льдах и белых [2]). Песец острова Беринга это не Vulpes (Alopex) lagopus L., а особый вид Vulpes beringensis Merriam 1902, как сообщил мне А. А. Бялыницкий-Бируля, исследовавший череп этого песца. Повадки этих смелых и бесцеремонных хищников подробно описывает Стеллер [3]). Они пронікали днем и ночью в землянки и таскали все, что им попадалось, даже такие вещи, которые им, казалось бы, ни на что не нужны, например ножи, палки, мешки, сапоги, шапки и проч. С необычайной ловкостью сбрасывали они тяжелые, в несколько пудов, камни с бочек, наполненных провиантом, и вытаскивали оттуда мясо; сначала нельзя было даже поверить, чтобы это могли проделать песцы. Когда люди снимали шкуру с убитого зверя, то песцы вертелись тут же и старались вырвать мясо из рук, так что, случалось, при этом закалывали двух-трех песцов. Если мясо закапывали в землю и сверху клали камни, то песцы общими усилиями, как люди, спихивали камни. Если море выбрасывало на берег сивуча или морского бобра, то, к великому огорчению команды,

---

[1]) Суворов, стр. 75.

[2]) И. Вениаминов, Записки об островах Уналашкин. отд., I, 1840, стр. 299—300.

[3]) Steller, 1781, p. 274—279.

песцы первыми пожирали мясо, а чего не могли съесть, то растаскивали по частям в горы, где прятали под камнями. Когда в теплое время люди спали на воздухе, песцы стаскивали с них шапки, одеяла из бобровых шкур, вытаскивали вещи из-под головы. Чтобы предохранить свеже убитого бобра от расхищения, люди на ночь ложились на него, но песцы ухитрялись выедать мясо под спящим человеком. Так что спать приходилось всегда с палкой в руках, чтоб иметь возможность в любой момент прогнать нахальное животное. Стоило людям в пути сесть и не двигаться, как песцы начинали обгладывать ремни у сапог. Пока мертвым готовили могилу, песцы объедали у трупа нос и пальцы на руках и ногах, а от больных цынгой едва можно было отогнать их. Человеческие испражнения они поедали с жадностью.

Какая масса песцов была здесь некогда, можно судить по тому, что Стеллер на третий день по прибытии на остров убил топором свыше семидесяти штук, шкурами коих покрыл крышу своей землянки. Между тем за весь 1910 год на острове Беринга добыто лишь 1053 песца.

О жадности этих животных Стеллер передает удивительные вещи. Песцы набрасываются на мертвого тюленя и пожирают его мясо; если нескольких при этом убить, то остальные продолжают свое дело, как ни в чем не бывало. Выкапывали ямы и бросали туда мясо или трупы песцов; моментально яма наполнялась песцами, которых и избивали палками. Шкурами песцов люди не интересовались и даже не снимали их, но тем не менее истребляли животных массами и обычно самым зверским образом: рубили живым ноги, хвосты, выкалывали глаза, запарывали до смерти, жгли живьем и проч. Стеллеру эти жестокости, которые производились каждое утро на особом месте, казались смешными шутками, и он с удовольствием рассказывает, как кружится песец, которому отрубили хвост.

В июне песцы на острове Беринга щенятся в скалах. Они мечут 9—10 детенышей, за которыми ухаживают самоотверженно. Если убить лисят, то самка долго преследует уходящего человека лаем.

Замечательно, что песцы на Командорских островах до сих пор не боятся человека. Вот, что рассказывает Е. К. Суворов, бывший на острове Медном в 1910 году. Надоедливый песец неотступно бродит за вами по пятам в течение целых часов, держась от вас на расстоянии 3—4 шагов; неумолчно тявкая и лая, он не только неразлучно сопут-

ствует вам, но и разделяет все ваши отдыхи и остановки, внимательно вас рассматривая своими желтыми глазами [1]).

Кроме песцов на острове нет никаких других млекопитающих. Впрочем, в последнее время завезены мыши (в 1870 г.), еще позднее полевки (Evotomys rutilus) с Камчатки и, наконец, разведены северные олени.

Но, во времена Беринга, в море и на берегах острова было множество морских зверей: морских бобров, сивучей, котиков, тюленей, морских коров. Стеллер дал на латинском языке замечательное описание образа жизни сивуча, котика, морской коровы и морского бобра, напечатанное уже после его смерти Академией Наук [2]).

Морские бобры. За девятимесячное пребывание на острове команда упромыслила свыше 700 морских бобров, шкуры коих вывезла на Камчатку. Морского или камчатского бобра (Latax lutris по-немецки Seeotter, Meerotter) правильнее называть морской выдрой, ибо с бобрами он не имеет ничего общего: это представитель семейства куниц и ближайший родственник речной выдры (Lutra). Длиной он достигает около полусажени и веса до двух пудов. Их некогда ловили в большом количестве на восточном берегу Камчатки и на северных Курильских островах, затем на Алеутских островах и у берегов северо-западной Америки; от них-то море между мысами Лопаткой и Кроноцким и получило название Бобрового.

На острове Беринга бобры целыми косяками встречались на берегу и не только не боялись человека, но даже приходили на огонь; по словам Стеллера, они только тогда уходили от людей, когда их несколько штук перебьют. Питаются они мелкой рыбой, раками, моллюсками. Эти веселые и грациозные животные в теплые дни уходят в прибрежные долины и здесь играют «как обезьяны»; во время игры они обнимают друг друга передними лапами. Выйдя из воды, бобры, прежде чем лечь спать, отряхивают с себя, как собаки, воду, потом «умываются», наподобие кошек, передними лапами, приводят в порядок шерсть и затем ложатся клубочком. Преследуемый на суше, бобр изгибает спину и шипит, как кошка, делая вид, будто хочет броситься на врага. Но большим мужеством он не отличается; если

[1]) Суворов, Командорские острова, стр. 223.

[2]) Steller, De bestiis marinis. Novi Comment. Petrop., II, 1751. Вкратце также в Beschreibung der Beringsinsel, p. 279—298.

его сильно ударить по голове, он замертво падает на землю и закрывает глаза передними лапами. Вообще для человека бобры нисколько не опасны. Размножаются в течение круглого года; мечут на суше одного детеныша, но раз в год или дважды, Стеллер не мог решить; бывало так, что с самкой ходят двое детенышей: один возрастом с год, другой месяцев трех-четырех. Самка вынашивает детеныша 8—9 месяцев и затем кормит его около года; как на суше, так и в воде она таскает своего детеныша во рту. Самец имеет только одну самку, очень дружен с ней и не разлучается ни на суше, ни на море. Годовики, или «кошлаки», остаются при старших, пока не приступят к размножению. «Самки, пишет Крашенинников [1]), весьма горячи к детям. Малых и немогущих плавать носят на брюхе, обняв передними лапами, и для того плавают всегда вверх брюхом, пока дети не научатся плавать. Когда промышленники в байдарах за ними гоняются, то не покидают детей своих до крайней опасности; впрочем хотя их и оставляют, однако услыша голос пойманных будто нарочно промышленникам предаются; чего ради промышленники и стараются наибольше о пойманий или убиении медведка, а матку в таком случае почитают уже своею». Необычайную привязанность самки к детенышам отмечает и Стеллер. Будучи на берегу, мать иногда бросает детеныша в воду, чтобы он выучился плавать, а когда тот устанет, вытаскивает и «целует», как уверяет Стеллер. Иногда она его подбрасывает вверх и ловит передними лапами как мячик. Самку можно преследовать на суше или на воде самым жестоким образом, но она защищает своего детеныша до последней крайности, держа его во рту; по этой причине маток так легко убивать. Словом, они привязаны к детям более, чем иные матери, с легким сердцем бросающие своих грудных младенцев. Однажды Стеллер отнял у двух самок по детенышу; они визжали с горя как человек и подобно собакам следовали издали за похитителем, призывая к себе детенышей голосом, который напоминал плач ребенка. В ответ детеныши тоже визжали. Когда Стеллер сел на снег, самки подошли близко, намереваясь унести молодых. Через неделю Стеллер опять посетил то место, где он отнял детенышей, и застал здесь одну страшно исхудавшую матку, которую без труда убил. В другой раз Стеллер вместе в Плениснером издали заметили спящую самку с годовиком. Мать, проснувшись, пыталась побудить детеныша к бег-

[1]) Описание земли Камчатки, I, 1755, стр. 287.

ству, но так как он предпочитал спать, то она схватила его передними лапами и бросила, как камень, в воду [1]).—Очень боятся бобры сивучей и котиков, которые их истребляют. Не любят они также тюленей. Друг с другом живут они очень дружно, не ссорясь (в отличие, например, от морских котов). Мясо бобров, особенно самок, вкуснее тюленьего; мясо же сосунов или «медведков» на вкус Стеллера не отличается от мяса барашка. Бобровое мясо было на острове повседневной пищей экипажа «св. Петра». Камчадалы и курильцы почитали печень и почки морского бобра за особое лакомство и ели их сырыми. На Камчатке и туземцы, и русские употребляли os penis бобра, как средство против малярии. Около 1725 г. на Камчатке можно было выменять превосходную шкуру бобра за нож, а от русских купить за пять-шесть рублей. Но вскоре бобровые шкуры вошли в моду в Китае, и цены на них поднялись на Камчатке до 25—30 рублей, а в Иркутске (в 1735 году) до ста рублей.

В настоящее время морской бобр стал редким животным: в 1910 г. на острове Беринга был упромышлен всего один экземпляр, а на Медном 89 [2]). Перед войной шкура морского бобра стоила в Лондоне в оптовой продаже около 800 рублей. В 1835 году Российско-Американская компания платила алеутам на Алеутских островах за шкуру морского бобра 20 рублей, в 1852 г.—50 рублей; колошам в Ново-Архангельске (Ситхе) в 1836—45 годах платили 140 руб. [3]). Недалеко время, когда это кроткое и изящное животное исчезнет с лица земли.

Морская корова. Стадами в море у берегов острова водилась морская корова, водное млекопитающее из отряда Sirenia, ныне совершенно истребленное. Название «морская корова» нужно признать чрезвычайно удачным, ибо, по современным взглядам, Sirenia представляют из себя как бы водных копытных. Стеллер, с свойственной ему удивительной проницательностью, сейчас же признал, что животное это родственно южно-американскому manati, названному так испанцами за передние конечности, похожие на руки. Он думал даже, что морская корова Берингова острова тожественна с южно-американской. На самом деле это не так. Стеллерова морская корова

---

[1]) Novi Comment. Petrop., II, p. 395.

[2]) По Д. П. Филатову (Матер. к познанию русск. рыболов., III, в. 5, 1914, стр. 172), всего 76; в 1912 г. на Медном добыто лишь 46 бобров.

[3]) Морской Сборник, 1862, № 1, стр. 180—181.

Рис. 16. Морская корова (Rhytina stelleri). Копия с рисунка Вакселя, сделанного в 1742 г. (из Царскосельской рукописи).

принадлежит к особому роду Rhytina и виду Rh. stelleri Fischer (или Rh. gigas Zimm.). Южно-американские же manati, на север идущие до Флориды, относятся к роду Manatus, распространенному и в западной Африке. Наконец, третий род, дюгонь (Halicore), живет в Красном море и в Индийском океане.

Не так давно Е. А. Бихнер нашел в библиотеке царскосельского дворца рукопись Вакселя, а в ней рисунок морской коровы, сделанный с натуры Вакселем, и воспроизвел это изображение в своей работе, в 1891 г. [1]). Копия с подлинного рисунка Вакселя приводится в нашей работе, на стр. 170.

С 1768 г. это безобидное млекопитающее совершенно истреблено [2]). Правда, Норденшельд в своем «Плавании Вега» сообщает, что, как ему передавали в бытность на острове Беринга в 1879 г., последнюю морскую корову будто бы видели близ острова еще в 1854 г. Но Стейнегер, подробно расспрашивавший о том же в 1882 г. собеседников Норденшельда, выяснил с несомненностью, что животное, которое видели беринговцы в 1846 г. (а не в 1854), никоим образом не могло быть морской коровой; это было китообразное, возможно—самка нарвала [3]). Не может подлежать сомнению, что около 1770 года морская корова вымерла.

Зиму 1760—61 года на острове Беринга провел промышленник Адриан Толстых. В «репорте», поданном в Большерецкую канцелярию казаком Петром Васютинским, одним из участников зимовки, говорится, что команда зимою питалась морскими котами и сивучами, которых здесь и промышляли, но ни слова не упоминается о морских коровах [4]). Очевидно, их в это время было очень мало. Устюжский купец Василий Шилов, промышленники коего плавали на восток до Умнака, сообщил 5 февраля 1767 г., что только на острове Беринга есть морские коровы [5]).

---

[1]) E. Büchner, Die Abbildungen der nordischen Seekuh (Rhytina gigas Zimm.). Mém. Acad. Sciences Pétersbourg (7), XXXVIII, № 7, 1891.

[2]) K. E. von Baer, Untersuchungen über die ehemalige Verbreitung der nordischen Seekuh. Mém. Acad. Sc. Pétersbourg (6), Sciences natur., III, 1840, p. 69.

[3]) L. Stejneger, Investigations relating to the date of the extermination of Steller's Sea-cow. Proc. U. S. Nat. Mus., VII (1884), Wash. 1885, p. 181—189.

[4]) «Копия с репорта, поданного от возвратившегося из морского ваяжу на судне селенгинского купца Андреяна Толстых камчатского козака Петра Васютинского с товарищи». Дело Главного Гидрографич. Управления, № 861.

[5]) То же дело № 861.

Ни во времена Брагина (1773—4), ни во времена Шелехова (1783—4), которые зимовали на Беринговом острове и сообщили подробные сведения о промысловых животных, морская корова уже не водилась здесь [1]). Команда Брагина питалась мясом и жиром котиков, морских бобров, нерп, сивучей, рыбой, птицей. О морской корове Брагин даже не упоминает.

В 1754 году на Беринговом острове зимовал обер-гитен форвальтер Петр Яковлев. В его время морских коров было в море много. «А той одной коровы мясо всем 33-м человекам на один месяц с удовольствием происходило в пищу и с остатками, понеже всего чистого мяса и жиру, кроме костей, в одной корове быть признавалось до 200 пуд». Тот же Яковлев передает, что промышленники, зимующие на острове Беринга небольшими партиями, по 2—3 человека, не в состоянии вытащить раненую корову на берег и зря истребляют громадное количество животных: «они тем коровым табунам, подле берегу в море обретающимся, чинят сугубую трату и гибель, так что из них человек с берегу или неглубоко заходит в море и колет упомянутою поколюгою [2]), привязавши на долгой шест и ранит одну или другую корову смертно; но те раненые коровы уходят в море и тамо, когда от ран обессилеют, тогда морем на берег не скоро мясо их вымстывает и через долгое время после колотья каждая корова, если нераспластанная, искиснет и к пище негодная бывает. И так оный промысел коров немноголюдством, хотя и много колют, да к рукам их ни одна свежая корова не приходит, и затем они претерпевают разный голод, а коровым табунам чинят искоренение, которое подлинно считаться может без сумнения». Вернувшись в 1755 году в Нижне-Камчатск, Яковлев советовал впредь воспретить на острове Беринга «вредительный» промысел морских коров, «дабы и оной Командорской остров опустошен не был, так как и Медный остров ныне опустошен, что к оному ему (Яковлеву) с реченною командою людьми для зимования на оном и пристать в 1754 г. невозможно стало быть затем, что всегдашний тут людям, за неимением морских коров, голод имеется, а напредь сего, как от оной же команды служилых и Камчадалов, кои на оном Медном острове бывали, ему сказывали, что на оном де бобровые промыслы

[1]) P. Pallas, Bericht von einer im Jahre 1772 angetretenen vierjährigen Seereise.... des Peredofschiks D. Bragin. Neue Nordische Beyträge, II, 1781, p. 310.— Г. Шелехов, Путешествие. Часть I, 1812, стр. 3—4.

[2]) Поколюга—это длинная заостренная стальная полоса.

тысячами, а морские коровы табунами многими находились, а ныне те коровы все так искоренены, что никогда не единой нигде не увидишь, в чем так ныне и подлинно оный Медный остров состоит, что при нем коровых табунов уже не имеется» [1] [2]).

Как показал Бэр, нет никаких достоверных данных, которые позволяли бы думать, чтобы морская корова водилась, на памяти человека, где-либо в другом месте, кроме Командорских островов; Бэр ажедумал—кроме острова Беринга. Но, как мы только что видели, она встречалась, около половины XVIII столетия, и на Медном [3]).

Иногда указывают, что морская корова водилась у берегов Камчатки, и ссылаются при этом на слова Крашенинникова. Но этот последний повторяет лишь указания Стеллера, который говорит определенно [4]): «иногда случается, что этих животных выбрасывает бурей мертвыми на берег, у Кроноцкого носа и около Авачинской губы; камчадалы, из-за пищи, называют их капустниками; об этом я узнал после возвращения с острова Беринга». Ниже Стеллер сообщает передаваемое по слухам известие, будто чукчи употребляют кожу морской коровы на обшивку лодок; но сообщение это явно неправдоподобно; здесь допущено смешение с моржом. Равным образом, ни у берегов Алеутских островов ни у северной Америки морских коров никогда не наблюдалось.

Крашенинников, по данным Стеллера, так описывает этих животных, признаваемых им «как бы за некоторое средство, которым род морских зверей с рыбами соединить можно». «Кожа на нем, говорит он, черная, толстая, как кора на старом дубе, шероховатая, голая и столь твердая, что едва топором прорубить можно. Голова у него в рассуждении тулова не велика. Глаза весьма малые и бараньих почти не больше, что в толь огромном животном не недостойно примечания. Бровей и ресниц нет. Ушей нет же, но токмо одни скважины,

---

[1]) Извлечение из отчета Яковлева напечатано П. Некарским в Зап. Акад. Наук, X, 1867, стр. 184—186.

[2]) Краткий отчет Петра Яковлева о посещении им острова Медного с целью розыска руд напечатан Палласом в 1781 г., в Neue Nordische Beyträge, Bd. II, p. 302—307. Он посвящен главным образом топографическому описанию острова; из животных упоминается (p. 305) о морских бобрах, сивучах, котиках и песцах. О морской корове ни слова.

[3]) Ср. также Зап. Акад. Наук, XV, № 1, 1869, стр. 32—33.

[4]) Nov. Comment. Petrop., II, p. 328; см. также Neue Nord. Beyträge, II, p. 298—299.

которые усмотреть не без трудности. Шеи почти не видно, ибо тулово с головою нераздельным кажется, однако есть в ней позвонки, к поворачиванию принадлежащие, на которых и действительно поворачивается, а особливо во время пищи, ибо оно изгибает голову, как коровы на пастве. Тулово, как у тюленя кругловато, к голове и к хвосту уже, а около пупа шире. Ластов у него два, под самою шеею, длиною около трех четвертей аршина, которыми оно и плавает и ходит, за каменье держится и, будучи тащено крюком, столь сильно упирается, что кожица с них отскакивает лоскутьями. Иногда примечаются ласты оные на концах раздвоенные как у коров копыта, но сие не по природе, но по случаю. У самок по две титьки на грудях против свойства других морских животных. Длиною бывают манаты до четырех сажен, а весом до 200 пуд. [1]). Водятся сии животные стадами по тихим морским заливам, особливо около устьев рек. Щенят своих хотя и всегда впереди себя плавать понуждают, однако с боков и с зади всегда их прикрывают и содержат в средине стада. Во время морского прилива столь близко подплывают к берегу, что их не токмо палкою или носком бить можно, но и часто, говорит автор (т.-е. Стеллер), по спине гладить ему случалось. От досады и битья удаляются в море, но вскоре назад возвращаются. Живут по родам, один от другого в близости. Во всяком роде самец, самка, взрослой щенок, да один щенок маленькой; по чему кажется, что они по одной самке содержат. Щенятся по большей частью осенью, как можно бывает приметить по малым щенятам; носят, кажется, щенят более года, и более одного никогда не приносят, как можно рассуждать по краткости рогов у чрева и по числу титек, которых они токмо по две имеют.

«Прожорливость примечена в них весьма странная, ибо они от непрестанного ядения головы почти из воды не вынимают и ни мало не пекутся о своей безопасности, так что можно между ими и на лодке плавать и по песку ходя выбирать и бить, которое угодно. Весь труд

---

[1]) Стеллер, в Neue Nord. Beytr., II, p. 296, указывает вес до «1.200 пудов или 480 центнеров», но это, повидимому, поправка Палласа, основанная на недоразумении. В статье De bestiis marinis (Novi Comment. Petrop., II, p. 329) Стеллер говорит: «взрослое животное весит около 8.000 фунтов, или 80 центнеров, или 200 русских пудов». Также Вакселъ (отрывок у Büchner, l. c., p. 23) приводит цифры в 6.000, 7.000, 8.000 фунтов, т.-е. всего до 200 пудов. Впрочем, в журнале Вакселя сказано: «в одной корове *мяса* будет не меньше 200 пудов».

их во время еды состоит в том, что они чрез четыре или пять минут выставливая рыло из воды как лошади чхают. Плавают тогда тихо, один ласт по другом вперед двигая, так как быки или овцы на пастве ходят. Половина тулова у них, то есть спина и бока, всегда поверх воды, и на спине тогда у них сидят чайки стадами и вши из кожицы их вытаскивают, также как вороны у свиней и овец таскают. Питаются не всякими морскими травами, но 1) морскою капустою, которая походит листом на капусту Савойскую (Fucus crispus Brassicae sabaudicae folio, cancellatus), 2) капустою дубине подобною (Fucus clavae facie), 3) капустою ж на ремень походящею (Fucus scutice antiquae Romanae facie), а 4) у которой листье борами (Fucus longissimus ad nervum undulatus) и где пробудут хоть один день, там великие кучи коренья и стеблей выбрасываются на берег. Тож случается им, когда их во время сильной погоды волнами бьет об утесы. Зимою столь они сухи, что и позвонки и ребра пересчитать можно. Весною сходятся как люди, а особливо вечером в тихую погоду: перед совокуплением делают различные любовные знаки, самка туда и сюда тихо плавает, а самец за нею до ее произволения.

«Особливого примечания достойна любовь между самцом и самкою: ибо самец, по тщетном употреблении всех способов к освобождению влекомой самки, и будучи бит, до берегу за нею следует и иногда как стрела к ней уже к мертвой приплывает нечаянно, но и на другой и на третий день по утру заставали самца над телом убитой сидящего.

«Что касается до реву сего животного, то оно безгласно, токмо сильно дышет, а раненое тяжело вздыхает» [1]).

Укажем еще, что внешний вид у морской коровы был как у китообразного; задних конечностей совсем нет, хвостовой плавник горизонтальный, как у дельфина.

Первая морская корова была убита на острове Беринга в конце июня 1742 г. Лов их организовал Ваксель. Вот как Хитров описывает этот оригинальный промысел. Отметив, что людям долгое время пришлось питаться мясом морских котов, он продолжает: «Мясо их весьма нам пища была противная. И как уже через долгое время гораздо стали противны, тогда начали промышлять морских коров таким образом: которые обыкновенно по приводе (природе?) во отдаленных местах от берегов в море не бывают, а всегда плавают близ

---

[1]) К р а ш е н и н н и к о в, Описание земли Камчатки, I, 1755, стр. 290—294.

берегов, имея спину свою над водою и как станет вода прибывать, тогда и они к берегу купно с водою приближаются и едят морскую капусту. А когда вода убывать начинает, тогда и они себя в море удаляют, дабы в малую воду столь великому зверю не обмелеть на лайдах [1]). И в то самое их приближение к берегу люди на ланг-боте приедут к ней близко: из которых один человек стоит на носу, имея в руках своих большой железный крюк с острым зазубрем, к которому привязан конец не тонкого троса, а именно дюйма в 4 и в $4^1/_2$. А другой конец того троса держат на берегу человек больше двадцати. И когда тем крюком человек в нее ударит что есть силы и увязит, тогда и бережные люди держат оную и тянут за помянутый трос к берегу, а на боту, приближаясь к ней, режут ножами и колют всяким острым железом, дабы у толь великого зверя отнять ее силы, дабы не порвала троса, которое с нами и случилось, понеже оная корова силу имеет так велику, что таким множеством людей на силу держать можно. Мяса в ней и жиру более 200 пудов, которым мы себя от того времени уже без нужды довольствовали, ибо оная мяса всех вышеописанных морских зверей приятнее, также и с собою до Камчатки соленого взяли число довольное» [2]).

Морских коров было так много, что их мясом и салом можно было бы прокормить все население восточной Камчатки.

Под кожей у них находился слой плотного снежнобелого сала толщиной в четыре пальца. Вываренное сало имело вид и вкус оливкового масла, и спутники Стеллера пили его чашками. Мясо молодых морских коров напоминало телячье, а взрослых—не отличалось от говядины. На цынготных больных питание мясом и салом этого животного оказывало чудодейственное влияние. Молоко тоже было похоже на коровье, только слаще и жирнее.

Впоследствии промышленники употребляли кожу морских коров на обшивку крупных лодок, подымавших до двадцати человек. Эти лодки были столь легки, что их свободно могли нести четверо [3]).

Сивуч. 29 января был убит мореплавателями на Беринге первый *сивуч*, мясо которого всем пришлось по вкусу. Сивуч, Eumetopias jubata (или E. stelleri), по-немецки Seelöwe (морской лев), припад-

[1]) Лайды, объясняет Хитров, есть «каменной плитной грунд».

[2]) Зап. Акад. Наук, XV, № 1, 1869, стр. 30.

[3]) Там же, стр. 33.

лежит к семейству ушастых тюленей (Otariidae), куда относится и котик. Крупные взрослые сивучи - самцы весят до 40 пудов. Хотя сивуч животное сильное и свирепое, но человека он боится и при виде его издали пускается в бегство. Но если его довести до крайности, он не останавливается ни перед чем; в море, например, он легко переворачивает лодки с людьми. Самка мечет одного детеныша на суше в средине июля нового стиля. Самцы очень привязаны к самкам. С детенышами родители обращаются довольно беспечно; самке случается во время сна задушить свое дитя. Взрослые мычат как быки, молодые блеют как овцы. Питаются рыбой, тюленями и другими морскими животными. По наблюдениям Стеллера, сивучи нередко заходят в стада котиков и играют с их самками и детенышами.

Котики. 18 и 19 апреля старого стиля были убиты два больших морских кота («котика», Arctocephalus ursinus или Callorhinus ursinus, по-немецки Стеллер его называет Seebär), весом каждый не менее двадцати пудов. Вообще морские коты приваливают к Командорским островам весной. Образ жизни этого животного, подробно описанный Стеллером, в последнее время детально изучен, а потому мы на этом не останавливаемся [1]). Во времена Стеллера котики громадными стадами встречались на острове Беринга. В 1913 году, во время посещения острова Д. П. Филатовым, здесь было всего два лежбища, на которых находилось около 3650 котиков, считая в том числе и детенышей («черных котиков»).

---

[1]) Интересующихся образом жизни котика отсылаем к работам: S t e l l e r, Nov. Comm. Petrop., II, 1751, p. 331—366.—W r a n g e l l, Beitr. zur Kenntn. des Russ. Reich., I, St. Petersb., 1839, p. 39—48.—И. В е н и а м и н о в, Записки об островах Уналашкинского отдела, II, СПБ. 1840, стр. 349—382.—H. W. E l l i o t, Report on the seal islands of Alaska. Tenth Census of the United States (1880), Wash. 1884, p. 29—83 (Прибылова о-ва).—L. S t e j n e g e r, l. c., 1896, p. 60—137; 1898, p. 84—327.—D. S. J o r d a n, The fur seals and fur-seal islands of the North Pacific. Wash. 1898. — Н. Г р е б н и ц к и й, Новейшие данные о жизни и промысле котов и бобров. Вестн. Рыбопром., XVII, 1902, стр. 269—303.—Н. С м и р н о в, Очерк русских ластоногих. Зап. Акад. Наук по физ. мат. отд. (8), XXIII, № 4, 1908, стр. 33. — Е. С у в о р о в, Командорские острова, СПБ. 1912, стр. 1—324 (здесь литература)—Д. П. Ф и л а т о в, Отчет о поездке летом 1913 г. на Командорские острова. Материалы к познанию русского рыболовства, III, в. 5, 1914, стр. 97—186.—Котиковый и песцовый промысел на о-вах Прибылова. Пер. с англ. Там же, V, вып. 3, 1916, 95 стр.

Рис. 17. Сивучи на островах Прибылова (из Harriman Alaska Exp.).

Киты. 20 апреля выбросило на берег совсем свежего громадного кита, длиной в пятнадцать саженей. Он дал столько сала, что его хватило до отъезда. Это был кит из группы синих или исполинских полосатиков (из группы Balaenoptera sibbaldi)—не только самый большой из всех китов, но вообще самое крупное из всех ныне живущих позвоночных: длина его достигает 15 саженей или 32 метров. Вениаминов (II, 1840, стр. 393) слыхал на Уналашке, что этот кит, или *кулема*

Рис. 18. Лежбище котиков на острове Беринга. В середине секач, слева матки, справа черные котики (из Е. Суворова).

по-алеутски, достигает иногда до 20 саженей длины, но в его время попадались только длиной от 5 до 9 саженей. Латинское название этого кита Balaenoptera sulfurea (Cope) 1869. На юг он доходит до Калифорнии [1]).

Птицы Берингова острова мало отличаются от камчатских, говорит Стеллер. Он упоминает (p. 299) только о двух, не встречающихся на Камчатке. Первая из них это—очковый баклан, «grosser Seerabe», Phalacrocorax perspicillatus Pall., птица ныне, подобно морской корове, совершенно истребленная. Во времена Стеллера

[1]) D. G. Elliot, A synopsis of the mammals of North America and adjacent seas. Public. Field Columbian Mus., Zool. Ser., II, Chicago, 1901, p. 14.

их было очень много, и мясо их шло в пищу. Последние истреблены около 1850 года[1]) алеутами, переселившимися сюда в первой половине XIX столетия. Птица эта достигала в длину, судя по двум экземплярам, хранящимся в Зоологическом Музее Академии Наук, свыше метра (точнее 1055 мм.) и веса до 12—14 фунтов. Части скелета этого баклана, насколько известно, нигде кроме Берингова острова не водившегося, были найдены в 1882 г. Стейнегером на северо-западной оконечности острова [2]). Другой вид, о котором говорит Стеллер, это белый баклан (weisser Seerabe) с белой головой и хвостом. Что это за птица неизвестно.

Вероятно, под именем «белого баклана» разумеется какой-либо из известных для Командорских островов баклапов. Кроме вышеупомянутого, уже вымершего Ph. perspicillatus, здесь встречаются Ph. bicristatus Pall. (большой урил) и Ph. pelagicus Pall. (малый урил). Повидимому, об этом белом баклане упоминает Паллас в своей Zoographia rosso-asiatica (II, p. 305) под именем Phalacrocorax albidus, описывая его со слов рукописи Стеллера так: «Ph. albo-cinereus, ventre flavescente. Hanc avem multoties in pilis marinis cira Beringii insulam vidi». В Neue nord. Beytr., II, p. 299, при упоминании о weisser Seerabe сделана вставка (очевидно Палласом, ибо Стеллер нигде не пользуется биномиальной номенклатурой): Pelecanus bassanus. Также при описании Ph. albidus Паллас прибавляет «an Sula bassana fuit?». Но это недоразумение, ибо Sula bassana (олуша) в Тихом океане не водится. В последней сводке о птицах Командорских островов, сделанной В. Л. Бианки (Краткий обзор авифауны Командорских островов. Ежегод. Зоол. Муз. Акад. Наук, XIV, 1909, стр. 48—76), о Ph. albidus совсем не упоминается. Равным образом ничего не говорит об этой птице и L. Stejneger (Results of ornithological explorations in the Commander Islands and Kamtschatka. Bull. U. S. Nat. Mus., № 29, 1885).

Растительность. Берингов остров безлесен. Только местами, в некоторых долинах имеются заросли тальника (Salix), рябины и березы (Betula Ermani), достигающие до 8 футов высотой (Stejneger 1898, p. 35).

Стеллер в двух рукописях, хранящихся в Академии Наук [3]), перечисляет около 220 видов растений, найденных им на острове Беринга. Как тщательно он наблюдал флору, можно судить по тому, что новейшая сводка здешней флоры приводит всего 205 видов цвет-

[1]) Stejneger, Bull. U. S. Nat. Mus., № 29, 1885, p. 180.

[2]) Stejneger, Proc. U. S. Nat. Mus., XII (1889), 1890, p. 83—94.

[3]) О них см. у Д. П. Литвинова, Библиография флоры Сибири. Труды Ботанич. Муз. Акад. Наук, V, 1909, стр. 281—282.—Кроме того, растительность острова вкратце описывается Стеллером в Beringsinsel, p. 299—301.

ковых растений [1]). Из кустарников Стеллер упоминает, между прочим, шиповник (*Rosa silvestris vulgaris* = Rosa cinnamomea L.), рябину (*Sorbus aucuparia humilis* = Sorbus sambucifolia Maxim.), княженику (Braunbeeren. Rubus stellatus Smith), морошку (Brombeeren. *Rubus folio ribes fr. flavo* = Rubus chamaemorus L.), бруснику (Preisselbeeren, *Vitis idaea foliis subrotundis* = Vaccinum vitis idaea L.), голубику (Trunkelbeeren, *Vitis idaea magna* = Vaccinum uliginosum L.), сибирский рододендрон, или «пьяную траву» (*Chamaerhododendros lauri folio* = Rhododendron chrysanthum Pall. и *Ch humilis* = Rh. kamtschaticum Pall.), шикшу (*Empetrum montanum fructu nigro* = Empetrum nigrum L.), несколько видов ив, березовой ёрник (*Betula humilis montana foliis rotundis* = B. nana L.); наконец, *Alnus alpina minor*, «spitzblätteriges Ellerngebüsch» (Betula Ermani Cham.); стволы этой березы могут, по Стейнегеру, достигать до двух дюймов толщины. Из других местных растений, приводимых Стеллером, упомянем о саране, или камчатской лилии, Fritillaria kamtschatcensis (L.), луковицы коей съедобны, о камчатской «сладкой траве» (*Sphondylium* = Heracleum lanatum Michx), корни и стебли которой съедобны, о шаламайнике (*Ulmaria altissima Ricini folio* = Spiraea kamtschatica Pall. или Filipendula kamtschatica Maxim.), о макарше (Polygonum viviparum L.), кипрее (Epilobium angustifolium L.), щавеле (Rumex arcticus Trautv.), полыни (Artemisia vulgaris L.), о зонтичном, носящем на Камчатке название «кутахчу» (Angelica Gmelini Wormsk = Coelopleurum Gmelini Led.), о «сельдерее» (*Angelica silvestis minor* = Coniselinum kamtschaticum Rupr.) [2]). Затем, Стеллер называет еще курильский чай, Potentilla fruticosa, листья которого давали чайный отвар,— растение, не найденное другими собирателями на острове Беринга [3]). Кроме того, чай настаивали еще из листьев брусники, грушанки (Pirola minor L.) и вероники (Ehrenpreis, Veronica aphylla L.). В качестве салата употребляли листья ложечной травы (Cochlearia officinalis L.), сердечника (Cardamine pratensis L. и C. hirsuta L.), Veronica americana Schweinitz и Mertensia maritima (L.).

---

[1]) B. Fedtschenko, Flore des îles du Commandeur. Cracovie, 1906. Изд. Краков. Акад. Наук, 128 pp.—Здесь, p. 23—29, приводится список Стеллера, приуроченный к теперешним видовым названиям.

[2]) См. Beschreibung der Beringsinsel, 1781, p. 300—301.

[3]) Равным образом никем не был находим и можжевельник, Wachholdergestripp.

Стеллер отмечает, что на острове Беринга есть целый ряд растений, которые встречаются с одной стороны на Камчатке, а с другой в «Америке», т.-е. на Алеутских островах и на острове Каяк. К числу таковых, по теперешним сведениям, относятся, например: Aconitum kamtschaticum, Filipendula kamtschatica, Rubus stellatus, Sorbus sambucifolia, Heracleum lanatum, Lonicera coerulea и др.

5 мая 1742 г. из остатков «св. Петра» начали строить новое судно, которое было готово к началу августа. Длина его по верху была 41 фут. 9 августа судно, окрещенное тоже «св. Петром», было спущено на воду. Запасы провианта состояли из 25 пудов ржаной муки, 5 бочек солонины из морской коровы, бочки говяжьей солонины и двух пудов гороха. Кроме того, каждый получил по 4 фунта масла. Многие, экономя в хлебе, запасли по полупуду сухарей; другие взяли вяленого мяса морской коровы.

13 августа вышли в море, дав оставленному острову имя Берингова. Так как места на судне для 46 человек оказалось очень мало, то пришлось выбросить в море излишний багаж: подушки, постели, платье. Через два дня судно внезапно дало течь и при переполнении его грузом стоило больших трудов заделать отверстие.

16-го утром увидели землю. Это, оказалось, был Кроноцкий мыс, решили итти к Аваче, но все время было затишье или противные ветра, и лишь 26 августа удалось войти в Петропавловскую гавань. В Охотск же попали лишь в следующем, 1743-м году.

5. Плавание Чирикова.

Как уже рассказано, корабли Беринга и Чирикова разлучились 20 июня 1741 г., приблизительно под широтой 48°.

Пролежав сутки в дрейфе, Чириков взял курс на восток, а потом на ENE. С 11 июля стали показываться признаки земли: плавающий в воде лес, тюлени, чайки, утки. В ночь на 15 июля, под 55° 31′ с. ш. [1]) увидели землю, которую на основании расчета по расстоянию от Калифорнии, а равно по картам Гомана и Делиля, признали «подлин-

[1]) Так в подлинном донесении Чирикова Адмиралтейств-коллегии от 7 декабря 1741 г. (Морск. Сборн., 1893, № 5, стр. 8). У Соколова (Зап. Гидрогр. Департ., IX, 1851, стр. 399)—55° 21′.

ною Америкою». Положение этого пункта по долготе на $5^1/_2°$ восточнее, чем принимал Чириков.

На берегу виднелись высокие горы и лес. Это был один из островов к западу от северной половины острова Принца Уэльского, в южной части территории Аляски, в области распространения тлинкитов (колошей) из отделения ханега, на южном конце их местообитания. Южную треть острова Принца Уэльского (или Бобрового) занимают индейцы-*хайда*, или, как их называли русские, *кайганы*, народ, по языку и социальному строю, близкий к тлинкитам. Кайганы выселились сюда с острова королевы Шарлотты в первой половине XVIII в. К сожалению, мы не знаем, были ли они на острове Принца Уэльского во времена Чирикова.

Таким образом, Чириков достиг американского берега на $1^1/_2$ суток ранее Беринга.

В полдень 15-го ветер стих. В расстоянии трех миль от земли послали на берег шлюпку, чтобы осмотреть, нет ли удобного для судна места. Но такового не оказалось. Пошли вдоль берега на северо-запад.

17-го, под широтою 57° 50′ [1]), т.-е. на берегу острова, ныне носящего имя Чичагова, усмотрев залив (может быть, пролив Лисянского, или же залив на южном берегу острова Якоби), послали на берег штурмана Абрама Дементьева с десятью вооруженными людьми. Им дана письменная инструкция: об отыскании якорного места, об условленных сигналах с пакетботом, о переговорах с жителями: как называется земля, под чьею властью, сколько жителей и о даче им подарков, для чего отпущены один медный и один железный котлы, двести корольков, три бочонка бус стеклянных, иглы, а также китайские материи. Далее, посланным наказывалось осмотреть землю, леса и травы, искать драгоценных камней и руд, для чего дан образец серебряной руды. Возвратиться они должны были самое позднее на следующий день.

Посланных ждали неделю, но они не возвращались. 23-го днем на берегу замечен в месте высадки Дементьева огонь. Решили послать туда на маленькой лодке боцмана Савельева с одним матросом, плотником и конопатчиком и с провизией. Видели, как они пристали к берегу, но условленного сигнала от них не последовало. И эти послан-

[1]) В подлинном донесении Чирикова 58°.

ные не вернулись. Судьба 15-ти человек команды Чирикова неизвестна. Мало правдоподобно, чтобы они были предательски умерщвлены здешними тлинкитами, которые до того никогда не видали европейцев. Скорее, как думает Гольдер [1]), лодки попали в водоворот, образуемый приливо-отливными течениями, и погибли. Такой случай произошел в 1786 г. в этой области с двумя лодками Лаперуза.

24-го увидели две лодки, в начале принятые за свои. С одной из них, в довольно далеком расстоянии, люди кричали «агаи, агаи», махали руками, но обе воротились. На этом месте продержались до вечера, когда, убедившись в гибели людей, отошли от берега и пошли далее на северо-запад.

Кроме потери людей, была особенно чувствительна еще гибель обеих лодок, лишившая возможности запасаться водой. Поэтому 26 июля, под широтой 58° 21′, решили итти назад, в Камчатку. 31-го, под широтой 58° 46′, видели берег, простиравшийся к западу—«горы высокие, покрытые снегом». Наши мореплаватели имели перед собою величественный хребет св. Ильи, покрытый снегами и мощными ледниками. «Св. Павел» находился 31 июля в области приблизительно бухты Литуа, близ южного конца упомянутого хребта, где у самого берега вздымаются к небу гигантские, обрывистые пики высотой до 6 тысяч метров (группа Fairwater). Ледники здесь доходят до самого берега моря, снеговая линия лежит на высоте 600 метров [2]). Об этих местах Brooks выражается так: «голые скалы, обширные пространства снегов и льдов, обрывистые пики и гребни, подымающиеся почти до 3000—3600 метров высоты над морем, являют зрелище, равное коему по величию вряд ли найдется где либо на земле» [3]).

2-го августа опять видели берег, который признали за продолжение оставленного американского. Это были приблизительно места, которые дней за десять до того покинул Беринг. Продолжая плавание, утром 4-го сентября под 52° 23′ с. ш. увидели вдалеке на севере высокую землю, повидимому—крупный остров Умнак, а может быть—Уналашку, как думает Соколов. Эти острова, принадлежащие к восточным Алеутским, были опять открыты и положены на карту передовщиком и мореходом яренским посадским Глотовым, во время

[1]) F. Golder, Russian expansion on the Pacific. Cleveland, 1914, p. 187.

[2]) A. Brooks, U. S. Geol. Survey. Profess. Papers, № 45, 1906, p. 245.

[3]) l. c., p. 52.—Хребет Св. Ильи, в узком смысле слова, тянется от горы Св. Ильи на восток до Cross Sound (p. 29—30).

плавания 1759—62 г.г.; 1 сентября 1759 г. он пристал к Умнаку и во время продолжительного пребывания здесь познакомился и с Уналашкой [1]). На Уналашке расположена сопка Макушинская—вулкан, достигающий 5475 ф. высоты, одна из высших точек Алеутской гряды.

8-го сентября внезапно, после свежего ветра, среди непроницаемого тумана заштилело, и судно оказалось у самого берега (51°40′). Едва успели бросить якорь. На следующее утро, когда прояснилось, увидели, что, как бы чудом, судно занесено в небольшую бухту. Берега оказались высокие, каменистые, покрытые травой. Леса не было. Вероятно, это был остров Адак, один из крупных в группе Андреяновских. Поутру на семи байдарах подъезжали алеуты, в каждой—по одному. Сначала они минут пять кричали и «шаманили», а потом стали говорить по обыкновенному, но на палубу, несмотря на приглашения, не всходили. Подарки, которые им предлагались,—чашки, звонки, табак, трубки, иголки, материя, даже медный котел,—произвели на них мало впечатления. Единственно, что им понравилось, это ножи. Алеутов просили привезти, в обмен на ножи, воду. Действительно, несколько человек привезли в пузыре воду, но, получив нож, воды не хотели дать, требуя на каждого по ножу. Чириков пишет о них в своем журнале так [2]): «Собою они мужики рослые, лицом похожи на татар, видом бледны, а знатно, что здоровы, бород почти у них нет, от природы или выщипывают; только двух или трех человек видели с бородами короткими. В носах имеют коренья воткнутые, отчего у них и кровь текла... На голове у себя они имеют, вместо шляп, сделанные из березовых тонких досок колобки, которые разными красками выкрашены и перьями натыканы, а у некоторых привязаны костяные штатурки (т.-е. статуетки)» [3]).

Вечером того же дня вышли отсюда, при чем при отходе были вынуждены отрубить якорь.

Остров Адак был открыт вторично мореходом архангелогородцем Башмаковым, на судне «Перемия» 2-го сентября 1752 года. Потерпев у берега Адака крушение, он прожил здесь до июля 1754 года. Про алеутов этого острова он сообщил: «народ чукотский, рожи ши-

[1]) Вениаминов, Записки об островах Уналашкинского отд. I, 1840. стр. 115.

[2]) Соколов, стр. 404.

[3]) Об алеутских шляпах мы говорили выше, стр. 151—152.

тые, вкладывают костяные зубы» [1]). В 1757—58 годах он снова зимовал на острове совместно с Лазаревым [2]). В 1759 году на Адаке был убит мореход Шевырин [3]), в 1761 году Адак посещен Адрианом Толстых [4]). Первые промышленники нередко давали этому острову название Аяг или Аяга, под каким он и значится в первых описаниях [5]).

Недостаток воды на «св. Павле» давал себя чувствовать все более и более. Еще с 21-го августа дача воды и пищи была уменьшена; затем стали варить кашу только через день; в остальное время питались сухарями и маслом, иногда отваривая солонину в морской воде. С 14-го сентября стали варить кашу по одному разу в неделю и выдавать в день по пять чарок воды, но зато «в подкрепление, сверх регламентной чарки водки, давалось еще по две». 16-го сентября заболел Чириков; из команды многие были больны, один умер. Пакетботом распоряжался штурман Иван Елагин, которого Чириков за заслуги произвел в лейтенанты.

21-го сентября увидели под широтой 52°36' последний из Алеутских островов, Атту. Эту землю, равно как и остров Адак, Чириков считал за продолжение материка Америки. С этого дня Чириков уже не мог выходить наверх. В октябре умерли лейтенанты Чихачев и Плаутинг и еще двое из команды. 8-го октября (1741 г.) увидели, наконец, Авачу, хотя считали себя уже на 11° к западу от нее. Задерживаемые ветром, только вечером 9-го могли войти в нее, а 10-го, не имея гребных лодок, выстрелом потребовали пособия с берега. В то же утро скончался астроном Делиль-де-ла-Кроер, только что приготовившийся к высадке на берег: выйдя из своей каюты на палубу, он упал и умер. В полдень съехал Чириков. Из 70 человек экипажа вернулось всего 49.

В следующем, 1742 году, Чириков, не совсем еще оправившийся от болезни, решил опять заняться исследованием американских берегов. 25-го мая он, имея только одного офицера, штурмана Ела-

---

[1]) А. Полонский, Перечень путешествий русских промышленных в восточном океане с 1743—1800 г. Рукопись Географ. Об-ва, лист 20.

[2]) Там же, л. 38.

[3]) Там же, л. 31.

[4]) Там же, л. 38.

[5]) См. Месяцослов истор. и географ. на 1774 и 1781 г. (перепечатано в Собр. сочин. из Месяцословов, III, 1789, стр. 350—351; IV, 1790, стр. 325).

гина, вышел из Авачинской губы к востоку и 8-го июня под широтой 52° увидел гористый остров, названный островом Федора,—ныне Атту. Из-за неблагоприятных ветров 16-го июня повернули обратно в Камчатку. На возвратном пути Чириков видел остров Беринга, где тогда находился экипаж «св. Петра», обошел его с южной стороны и назвал островом св. Иулиана. 1-го июля вернулся в Петропавловскую гавань, а в августе того же 1742 года—в Охотск.

Чтобы закончить о работах экспедиции в восточных морях, следует еще прибавить, что во время ее произведены съемки берегов Охотского моря и Камчатки.

В 1743 году, по случаю голода в Восточной Сибири, экспедиция была приостановлена; но она более уже не возобновлялась. Стоимость ее к концу 1742 года превысила 360.000 рублей.

Чириков жил сначала, больной, в Енисейске. Вызванный оттуда в 1746 году, служил в Петербурге и Москве и в 1748 году скончался в чине капитан-командора. Г. Миллер говорит об этом мореплавателе, что он заслужил «себе честь не токмо искусного и прилежного офицера, но и праводушного и богобоязненного человека: чего ради память его у всех, кои его знали, в забвение не прийдет».

6. Работы Камчатской Экспедиции на севере Сибири.

Опись северных берегов России от Белого моря до Б. Баранова мыса, что к востоку от устьев Колымы, представляет один из самых замечательных подвигов русских моряков. Некоторые участки северных берегов Сибири до сих пор наносятся со съемок Камчатской экспедиции, другие—переисследованы только в самое последнее время.

Прежде чем приступить к изложению хода работ экспедиции 1734—43 г.г., скажем несколько слов о том, в каком состоянии были к тому времени сведения о севере Сибири.

1. Некоторые предварительные замечания.

Низовья *Оби* стали известны русским не позже второй половины XIV столетия. В Новгородской 4-й летописи, под 1364—5 годом, значится: «тои зимы с Югры Новгородци приихаша, дѣти боярьскиа и молодыи люди, и воеводы...,воевавше по Обѣ рѣки до моря,а другаа половина рати на верхъ Оби воеваша» [1]). Следующие, по времени, сведения относятся к концу XV века. В 1483 году московские войска, во главе с князем Федором Курбским, перешли за Уральские горы. В описании этого похода рассказывается, что воеводы имели бой с вогуличами на р. Пелыме, притоке Тавды (Турин. у. Тобольск. губ.), затем прошли по Тавде «мимо Тюмень в Сибирскую землю», а «от Сибири шли по Иртишу рѣцѣ въ низъ воюючи, да на Обь р. великую, въ Югорскую землю». Под именем Югорской земли в памятниках XII—XIV веков, повидимому, разумеется область, начинавшаяся у северо-западного склона Урала, но уже в XIV веке название это

[1]) Полное Собр. Русск. Летопис., IV, ч. I, Петр., 1915, стр. 291.

К стр. 189.

Рис. 19. Карта Европейской России, изданная в 1613 году голландцем Гесселем Геррицем «по автографу царевича Федора Годунова». (Здесь видно положение Югории, Iugoria, под 65° с. ш.) (из Л. Багрова).

191a

относится определенно к низовьям Оби [1]). Название югры объясняют из зырянского языка: jögra, или дикий человек, варвар, есть зырянское наименование вогулов, остяков, а также самоедов [2]). Судя по Книге Большому Чертежу, Югорская земля была расположена приблизительно в области Березова: «А по Оби реке и по рекам, которые реки в нее пали. От устья вверх Обдорские грады. А выше Обдорских градов Югорские». «А те грады по Сыгве и по Сосве — Югра».

Обдорск (от зырянского Обдор—устья Оби) основан в 1595 году, но устья Оби и страна на восток до Енисея стала известна русским гораздо ранее. В 1595 году голландцы, во главе с Корнелием Наем, встретившись 24-го августа (3-го сентября) с русскими мореходами у Югорского шара, узнали от них, что холмогорцы ежегодно ходят морем на р. Обь и далее до р. Gillissy (Енисей), где торгуют сукном и другими товарами. 31-го августа голландцы, к югу от Югорского шара, вступили в сношения с самоедами, князец («король») которых рассказал, что за Обью есть две других реки, из коих дальняя называется Molconsay (очевидно, имеется в виду р. Таз, на которой через пять лет основан город Мангазея), а ближняя, часто посещаемая русскими торговыми судами—Gillissy, что за Обью страна продолжается до мыса, который выдался по направлению к Новой Земле, что люди его племени живут там круглый год и что за тем мысом расстилается великое море, которое простирается, вдоль Татарии, вплоть до теплых стран [3]).

В 1598 году из Москвы послан некто Федор Дьяков «для проведывания Мангазейской страны, даже до реки Енисея» [4]). Собрав там ясак, Дьяков вернулся в 1600 или 1599 году в Москву. Относительно названия «Мангазея» Миллер говорит, что оно происходит

---

[1]) Е. Замысловский, Герберштейн. СПБ. 1884, стр. 139.

[2]) Замечательно, что имя югров (угров, венгров) было известно еще Геродоту (IV, 22) в сарматском произношении iyrcae (ипрки). Они жили по соседству с фиссагетами. Современная наука за предков венгров считает остяков и вогулов.

[3]) G. de Veer, Vraye description de trois voyages des mer... vers les royaumes de China et Catay... Amsterdam, 1598.—J. H. van Linschoten, Voyagie ofte Schip Vaert, van by Noorden... tot voorby de revier Oby. Franeker, 1601. Цит. по A. Nordenskiöld, Die Umsegelung Asiens und Europas, I, 1882, p. 215—216. Извлечение из описания Линсхотена помещено в переводе в Зап. по Гидрогр., XXXIX, в. 4, 1915, стр. 32, 35 отт.

[4]) Г. Ф. Миллер, Описание Сибирского царства, I, СПБ. 1750, стр. 373.

от самоедского рода мокасе, жившего при реке Тазе [1]). В 1600 году на реке *Таз* кн. Мироном Шаховским и Данилом Хрипуновым заложен город Мангазея [2]). Впрочем, еще до того промышленники, русские и зыряне, построили в этой стране несколько острогов для безопасности торговли с самоедами [3]). Снабжение Мангазеи провиантом производилось на судах—Обью, Обской и Тазовской губами.

В 1610 году промышленники, выйдя на кочах из Туруханского зимовья, после четырехнедельного плаванья, в последних числах июня, достигли устьев Енисея, а через пять недель пошли морем к устью р. *Пясиды*, т.-е. Пясины, которой благополучно достигли [4]). Повидимому, устье Пясины стало известно еще ранее 1610 года, о чем можно судить по карте голландца Массы, скопированной им с русского оригинала не позже 1609 г. (см. ниже и рис. 20). Река Лена, при устье р. Кута, открыта десятником Василием Бугром в 1628 году. В 1632 году сотник Петр Бекетов основал Якутский острог. В 1636 году десятник Елисей Буза послан из Енисейска на Лену с наказом осмотреть реки, впадающие в Ледовитое море, и объясачить инородцев. Первую зиму Буза с десятью своими товарищами провел в Олекминском остроге (на берегу Лены близ впадения реки Олекмы), незадолго до того (1635) основанном. Набрав здесь еще 40 промышленных, он следующим летом в две недели (?) дошел до западного устья *Лены*, а оттуда морем в одни сутки достиг устья *Оленека*. Поднявшись вверх по Оленеку, Буза объясачил тамошних тунгусов и построил зимовье. Следующею весною Буза прошел по суху с Оленека на Лену, к устью р. Малоды, что выше Сиктяха. Построив здесь два коча, он летом 1638 года снова спустился в устья Лены, а отсюда морем дошел до устья *Яны*. В течение трех недель он плыл по Яне вверх, пока не достиг якутов, от которых взял много соболей. Построив на Яне четыре коча, Буза прошел в Ледовитое

---

[1]) Там же, стр. 372. По разысканиям Д. Н. Анучина (К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. Древности. Тр. Моск. Арх. Общ., XIV, 1890, стр. 261), самоеды по р. Тазу носили название *молгонзеи*, от юрацко-самоедских слов *mal*—конец, *malhana*—конечный, т.-е. живущие на краю земли.

[2]) Миллер, стр. 373. Ср. также стр. 390.

[3]) Там же, стр. 382.

[4]) И. Фишер, Сибирская история. СПБ. 1774, стр. 237.—«Пясида» по-самоедски значит «ровная, безлесная земля» (Фишер).

море к устью *Чендона*, здесь застал юкагирского шамана, который привел русских к юкагирам, ранее бывшим известными лишь по слухам. Без сопротивления согласились они платить ясак. Только в 1642 году Буза вернулся в Якутск [1]).

Впрочем, возможно, что Яна была открыта еще до Бузы. В 1633 году Иван Ребров подал в Жиганске челобитную о разрешении итти «в новое место, морем, на Янгу (Яну) реку». В другой челобитной, 1649 года, он сообщает, что с Янги он отправился «по морю на новую сторону на Индигирскую реку, а Собачья тож». На Яне он поставил зимовье, а на Индигирке два острога [2]). « А преж меня, говорит Ребров, в тех тяжелых службах, на Янге и на Собачьей, не бывал никто—проведал я те дальние службы» [3]).

В 1639 году Постник Иванов открыл *Индигирку* [4]), а в течение 1640 и 1641 годов Иван Ерастов проведал всю эту реку вплоть до моря и от взятого в плен юкагирского князьца прослышал про пути морем к р. Алазее, где тоже жили юкагиры [5]). Весной 1642 года Иван и Ерило Ерастовы сплыли в низовья Индигирки, а отсюда пошли «на Алазейскую реку, в кочах, морем». На реке *Алазее* им встретилось много юкагиров, а «с ними были с тундры *чюхчи*—мужики с своими роды и с улусными людьми» [6]). Это была первая встреча русских с чукчами. В 1641 году якутский воевода П. Головин отправил Михаила Стадухина на Емокон, т.-е. Оймекон, в бассейне верхней Индигирки; здесь он объясачил тунгусов и якутов и проведал про реки Индигирку и *Колыму*. Построив коч, Стадухин «поплыл вниз по Индигирке и морем дошел на Ковыму реку», где поставил ясачное зимовье (Нижнеколымск) и собрал с юкагиров ясак [6]). Это было в 1644 году.

В 1647 году Стадухин ходил с Колымы сухим путем на *Анадырь*, а отсюда «с Анандыря зимою перешел с товарищи своими, на лыжах,

---

[1]) Ф и ш е р, Сиб. ист., стр. 372—374. Древнейшие сведения об Юкагирской земле, см. у В. О г о р о д н и к о в а. Из истории покорения Сибири. Покорение Юкагирской земли. Труды Гос. Инст. Нар. Обр. в Чите. I, Чита, 1922, стр. 249—352.

[2]) Н. О г л о б л и н, Восточно-сибирские полярные мореходы XVII века. Журн. Мин. Нар. Просв., 1903, май, стр. 45 (здесь сообщены новые данные по делам Сибирского Приказа).

[3]) Там же, стр. 46.

[4]) Ф и ш е р, стр. 385.—Дополн. к Акт. Историч., II, 1846, стр. 241—242.

[5]) Ф и ш е р, стр. 386—387.

[6]) О г л о б л и н, стр. 54.

с партами, за Нос, на Пенжину реку», о которой сообщает, что эта «река безлесная, а людей по ней живет много род, словут *коряки*». С Пенжины Стадухин перешел на р. Изигу (Гижигу), где тоже жили коряки. «Вверх Изиги тук реку зовут Чондоном, а живут (там) Ходынские мужики юкагири». С Гижиги «морем прошел в судне на Вирямду реку, и Товуем (это р. Тауй) зовут тук реку»; здесь жили тунгусы. С Тауя переправился на реку Охоту [1]).

Устье Анадыря открыто в 1648 году Семеном Дежневым, прошедшим сюда по морю с устья Колымы [2]).

Так были открыты северные берега Сибири. Что касается карт, то никаких съемок, в современном смысле слова, до работ 1734—43 годов, здесь не производилось. Следует отметить, впрочем, что некоторые из казаков составляли «чертежи» пройденных им путей, о чем упоминается, например, в отписках Стадухина, Дежнева и других.

Как мы уже говорили, довольно подробные сведения о низовьях Оби имелись в древней Руси уже в конце XV столетия. От русских они распространялись и в западную Европу. Так, у польского ученого, краковского каноника Матвея Меховского (Mathias de Miechow), в его книге Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana, вышедшей в Кракове в 1517 году, находим упоминание, между прочим, и о югре (Juhra). О юграх, а также о пермяках, башкирах, черемисах и карелах, рассказывается, что они хлебов не сеют, живут в лесах, покрываются шкурами волков, оленей, медведей, соболей и белок [3]). Меховский видит в юграх родоначальников венгров—взгляд, к которому присоединяется и современная наука.

На картах имя Югории (Jugoria) встречается впервые на Moscoviae tabula relatione Dimetrii legati descrypta anno 1525—карте, найденной в 1881 году в одном из атласов Баттиста Агнезе. Югория расположена здесь по правому берегу Печоры. Автор карты получил

---

[1]) Оглоблин, стр. 42.

[2]) Подробности см. в моей статье в Зап. по Гидрогр., II, 1919.

[3]) См. у Е. Замысловского, Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПБ. 1884, стр. 374. См. также его же: Описание Литвы, Самогитии, Руссии и Московии—Себастиана Мюнстера. Журн. Мин. Нар. Просв., 1880, сентябрь, стр. 120—121 (латинский текст Меховского).

свои сведения о Московии от Дмитрия Герасимова, посланца вел. кн. Василия к папе Клименту VII [1]).

В 1542 году Антон Вид (A. Wied), немецкий художник, побывавший в Вильне, составил на русском и латинском языках карту, изображающую Россию от Балтийского моря на западе до Оби на востоке. На левом берегу Оби нанесен рисунок баснословной «золотой бабы»—идола, в виде голой женщины на пьедестале, окруженной поклоняющимися ей туземцами; к западу *абьдори* (т.-е. обдоры), к югу город *Сибирь*. В обширных лесах между Обью и Мезенью читаем: *великая пермъ*, *Тумень Великій*, *коньдорні* (кондоры), *вагуличь* (вогуличи), *югры* (iuhri ex quibus Hungari in Hungaria ut idem quaque idioma ostendit) [2]). Сведения о России Вид получил от бывшего московского окольничего Ивана Ляцкого.

На картах Московии Герберштейна (1546, 1549 и др.) в интересующих нас местах, по сравнению с А. Видом, не встречаем ничего нового. В тексте же Rerum Moscoviticarum Commentarii (1-е изд. 1549 г.) имеется глава «Указатель пути к Печоре, Югре и к реке Оби» [3]). Это, как говорит Герберштейн, есть дословный перевод русского дорожника, который он получил в бытность в Москве (а был он тут дважды, в 1517 и в 1526 годах). Здесь сообщается, что по Оби живут вогуличи и югричи (Ugritzschi) [4]).

На карте «России, Московии и Тартарии» Антония Дженкинсона 1562 года к востоку от Оби обозначена Molgomzaia, т.-е. Мангазея.

С начала XVII века на западе появляются карты России со множеством новых подробностей, основанные на русских описаниях и русских же чертежах. Как мы уже отметили, «Книга, глаголемая Большой Чертеж», составленная в 1627 году, дает сведения, на востоке охватывающие бассейн Оби. Самый чертеж к этой книге, ныне утерянный, был в последний раз дополнен, как полагают, около 1600 года. Кроме того, имелись чертежи и у частных лиц, особенно у мореходов.

[1]) Сведения об этой карте и копию ее см. у H. M i e c h o w, Die ältesten Karten von Russland. Mitt. geogr. Gesell. Hamburg (1882—3), Hamburg, 1884.

[2]) О карте Вида см. M i e c h o w, l. c., также H. M i e c h o w, Das erste Jahrhundert russischer Kartographie und die Originalkarte des Anton Wied von 1542. Mitteil. geogr. Gesell. Hamburg, XXI, 1906, p. 49—61, копия.

[3]) Сигизмунд Г е р б е р ш т е й н, Записки о московских делах. Пер. А. И. Маленина. СПБ. 1908, стр. 127—133.

[4]) Там же, стр. 130. См. также Е. З а м ы с л о в с к и й, Герберштейн. СПБ. 1884, стр. 132.

В 1601—09 годах в России жил голландец Исаак Масса, выучившийся русскому языку. В 1609 году он перевел с русского языка сочинение, в котором описывались открытия русских на северо-западе Сибири. Эта статья, вместе с картой (рис. 20), скопированной Массой не позже 1609 г. с русского чертежа, напечатана в 1612 году в Амстердаме в сборнике под заглавием: «Beschryvinghe vander Samoyeden Landt in Tartarien, nieulijcks onder't ghebiedt der Moscoviten gebracht. Wt de Russche tale overgheset, Anno 1609, Amsterdam, 1612, Hessel Gerritsz». На карте, носящей название «Caerte van't Noorderste Russen, Samojeden, ende Tingoesen landt», изображен север России, начиная от Мурмана и до устья Пясины [1]). Относительно происхождения этой карты Масса рассказывает следующее [2]): «я имел приятеля в Московии, брат которого бывал там (у сев. берегов зап. Сибири), и он дал мне немую карту этих стран, сделанную по устным указаниям его брата. Он сам бывал в Вайгачском проливе и знает всю местность до р. Оби, но о более дальних странах только слыхал; таким образом, карта эта передает только береговые места. Я получил ее с большим трудом, так как русский, сообщивший ее мне, подвергся бы смертной казни, если бы о том узнали; поэтому я и не назову его имени». Мы находим на этой карте изображения и подписи Обской и Тазовской губы, рек Пура и Таза, Енисейского залива, у входа в который большой безымянный остров (ныне носящий имя Сибирякова), даже низовьев реки Пясины. Данные этой карты Массы лежат в основе соответственных мест карты Гесселя Геррица (Герарда) «Tabula Russiae», вышедшей в Амстердаме в 1613 году (рис. 19) [3]).

В Тобольске, административном центре Сибири, скопилось в начале второй половины XVII века столько географических сведений о Сибири, что явилась возможность дать общий, хотя и весьма грубый, чертеж этой страны. В 1667 г., по распоряжению воеводы Петра Годунова, в Тобольске составлен и отпечатан «Чертеж Сибирския Земли», копия с которого опубликована в 1914 г. Л. С. Багровым [4]).

---

[1]) Карта эта воспроизведена у В. К о р д т а, Матер. по истор. русск. картогр. (2), в. 1, Киев, 1906, карта XII, ср. стр. 16—17; также у N o r d e n s k i ö l d, Die Umsegelung, I, 1882, при стр. 210; M i e c h o w, 1906, табл. II, ср. также р. 29—33.

[2]) Цит. по К о р д т у, l. c.

[3]) Эту карту см. у К о р д т, l. c., табл. XV. Также M i e c h o w, 1906, табл. 3.

[4]) Л. С. Б а г р о в, Карты Азиатской России. Птг., 1914, стр. 11.

Здесь на севере Сибири изображены реки Обь, Енисей Пясида, Оленек. В океан, омывающий Сибирь с востока, впадают Лена. Камчатка, Амур. Сохранилась объяснительная записка к этому чертежу под названием: «Чертеж всей Сибири, збранный в Тобольске по указу царя Алексея Михайловича»[1]). В записке находим много топографических указаний о сибирских реках.

В 1672 году чертеж 1667 года вышел новым, исправленным изданием [2]). Здесь имеются кое-какие добавления, например нанесена р. Колыма. Объяснительная записка к этому чертежу под названием «Список с чертежа Сибирския земли», издана Спасским и Титовым [3]).

Рис. 20. Карта северног побережья Евр. России и части Зап. Сибири, скопированная голландцем Исааком Массой с русского источника, 1611 г. (из Л. Багрова)

[1]) Она напечатана в книге А. Титова, Сибирь в XVII веке. М. 1890, стр. 25—38.

[2]) См. Багров, l. c., стр. 13.

[3]) Спасский, Временник О-ва Истории и Древностей Российских, 1849, № 3.—Титов, l. c., стр. 41—54.

Чертеж 1667 г., список к нему, а также некоторые другие рукописные описания Сибири послужили амстердамскому бургомистру Н. Витсену для составления его известной карты севера и востока Европы и Азии 1687 года.

Наконец, подробные сведения о топографии Сибири, особенно о ее речной сети, мы находим на чертежах Ремезова. Тобольский сын боярский Семен Ремезов 10 января 1696 г. получил боярский приговор с приказом составить чертеж Сибири. Это поручение он исполнил, отослав чертеж в Москву 18 сентября 1697 г. В настоящее время чертеж Ремезова, длиной в 4 аршина и шириной в 3, находится в Географическом Обществе [1]). К 1 января 1701 г. Ремезов закончил другой труд: «Чертежную книгу Сибири»,—атлас, состоящий из 23 карт и впервые опубликованный Археографической Комиссией в 1882 г. На карте 1697 г. северный берег Сибири почти прямолинеен, следуя в этом очертаниям чертежей 1667 и 1672 г.г. В него впадают реки Обь с массою притоков, как и у других рек, далее—Надым, Пура (Пур), Таз, Енисей, Пясида, Хепа (т.-е. Хета, приток Хатанги, как правильно нанесено в атласе 1701 г.), Анабара, Елец (р. Еле, впадающая с востока в Анабарскую губу), Лена, впадающая в северо-восточный угол Сибири; в восточный берег впадают: Хромая, Яна, Шивера (Индигирка), Алазея, Амолон (Омолон), Колыма, Анадырь и др. [2]). В исправленном и несколько дополненном виде карта 1697 г. помещена в «Чертежной Книге Сибири» 1701 г., где она носит название: «Чертеж всех Сибирских градов и земель писан на Москве в Сибирском Приказе со всех городовых чертежей в 1698 году сентября в 18 число», в издании 1882 года лист 23-й.

На основании сибирских источников, главным образом—чертежей Ремезова, составлена впервые в 1715 г. в Тобольске шведом Страленбергом карта Сибири, дополненная и изданная в 1730 г.

---

[1]) Уменьшенная фотография у А. В. Григорьева, Подлинная карта Сибири XVII века. Журн. Мин. Нар. Просв., 1907, окт., стр. 374—381. Также у Багрова, l. c., стр. 15.

[2]) Все надписи этой карты приведены в труде G. Cahen, Les cartes de la Sibérie au XVIII siècle. Nouv. Archives des missions scientifiques et littér. Fasc. 1 Paris, 1911, p. 90—99.

в Стокгольме [1]). Кроме данных Ремезова, на ней использованы кое какие собственные наблюдения Страленберга во время его путешествий по Сибири вместе с Мессершмидтом в 1709—1722 годах.

Таковы были сведения о северных берегах Сибири ко времени начала работ второй Камчатской экспедиции. Переходим теперь к описанию ее хода [2]).

Сначала описные отряды, кроме действовавшего от Белого моря до Оби, находились под начальством Беринга, а потом перешли в непосредственное ведение Адмиралтейств-Коллегии.

2. Сев. Двина—Обь.

В 1734 г. лейтенанты Муравьев и Павлов, на двух специально построенных судах («кочах»), приступили к описи назначенного им участка от Архангельска до устья Оби. Суда, носившие названия «Экспедицион» и «Обь», имели в длину по 54 фута. 10 июля вышли из устья Двины, а 25-го вошли в Югорский шар. Здесь занимались съемкой о-ва Вайгача и материка. До сих пор имелись, хотя и не точные, карты. Далее следовали берега, очень мало известные и на карту не положенные. 29-го вступили в Карское море, которое, против ожидания, оказалось совершенно свободным от льдов. 31-го подошли к земле Ямал у Мутного залива, где налились водою и запасли дров из выкидного лесу. Плывя вдоль западного берега Ямала, 18 августа достигли широты 72° 35′. Отсюда вернулись, за поздним временем, для зимовки в устье Печоры. Придя сюда 4 сентября, команды отправили в Пустозерск. В донесении об этом плавании Муравьев писал: «И от тамошнего воздуха почитай все, хотя несколько времени, пребывали тяжкими головными, грудными и цынготными болезнями, паче горячками больны».

В 1735 г. Муравьев и Павлов вышли из устьев Печоры 29 июня и 15 июля достигли Югорского шара. Но в Карском море сейчас же по выходе из Югорского шара, в этом году встретились тяжелые

---

[1]) Она приложена к книге Ph. Strahlenberg, Das Nord und ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. Та же самая книга выпущена под обложкой: Historie der Reisen in Russland, Sibirien, und der Grossen Tartarey. Leipzig, 1730. Сюда приложена та же карта.—Копия карты у A. Nordenskiöld, Periplus. Stockholm,1897, № 38, уменьшенные—в разных местах.

[2]) Мы следуем А. Соколову, Зап. Гидр. Департ., IX, стр. 256—328.

льды, среди которых шли, расталкиваясь шестами. 18 августа суда разлучились и вскоре пошли в обратный путь,—Муравьев с широты 73° 4′, а Павлов с 73° 11′. 9 сентября они встретились в устье Печоры и снова зазимовали в этом краю. Назначенные по инструкции два года прошли, но Адмиралтейств-Коллегия решила дело продолжать, пока опись не будет закончена, о чем и уведомила Муравьева: «без окончания по инструкции в совершенство опой экспедиции возвращения оттуда с командою не будет». К следующей кампании было разрешено построить еще двое судов, именно дубель-шлюпки.

Зимовать экипажу пришлось в таком захолустье, как Пустозерск. Понятно, что зимою, от безделья, сильно докучали местным жителям, от которых посыпались жалобы в Петербург. Кроме того и начальство не ладило с подчиненными. Муравьев жаловался Адм.-Коллегии на Павлова, обвиняя его в том, что он не желает составлять карту и вообще не исполняет его приказаний: «а для чего не знаю; разве ставя себе за не малой авантаж предо мною в том, что его в нынешнюю компанию случай допустил быть, по разлучении со мною, выше пред обсервациею моею и его объявлением, к полю (т.-е., к полюсу) 7 минутами». Кормщик Язжин в своих доносах указывал, что неудачи экспедиции происходят «от несогласия оных лейтенантов», и обещался, если дело будет поручено ему, довести суда в одно лето от Архангельска или с Мезени до устья Енисея, если только ему дадут девять бывалых на море мезенцев. На это готовы были согласиться, но из Архангельска портовые власти сообщили об Язжине, что ему «той экспедиции вверить весьма опасно, понеже он, по известию, всегда находится в великом пьянстве... И пути далее Вайгача не знавал».

Как бы то ни было, Муравьев и Павлов, были, по жалобам на них, преданы суду и, по определению Адм.-Коллегии от 28 февраля 1737 г., разжалованы в матросы «за многие, непорядочные, леностные и глупые поступки». Впрочем, через три года, они, по манифесту, были амнистированы с возвращением чинов, но с увольнением от службы.

В феврале 1736 г. для продолжения экспедиции был назначен лейтенант С. Малыгин из Архангельска. Посланный с весны этого года геодезист (топограф) Селифонтов летом произвел, следуя на оленях, съемку как восточного, так и западного берегов Ямала

и расставил по берегам знáки. Малыгину лишь 21 июня удалось выйти из устья Печоры, при чем одно из судов еще раньше потерпело крушение. В море он встретил льды и лишь через месяц, 22 июля, достиг острова Долгого, к западу от Югорского шара. 7-го августа к о-ву Долгому прибыли построенные в Архангельске суда под начальством лейтенанта Скуратова и Сухотина. У названного острова, а затем в Югорском шаре были задержаны льдами более месяца, и только 23 августа удалось выйти в Карское море, но на другой же день из-за льдов опять пришлось стать. Только 5 сентября после того, как льды были отнесены в море сильным юго-западным ветром, отправились вдоль берега далее и 10 сентября пришли к устью р. Кары, где решили перезимовать. Для зимовки вошли в р. Кару на 60 верст от устья, под 69° 13′ с. ш. Жилища устроили из привезенных досок, а для топки употребляли кустарник окрестной тундры. Для пропитания ловили рыбу в реке. Кроме того, в распоряжении экспедиции был посланный заранее табун оленей. Невдалеке находилось кочевье самоедов. В начале декабря начальство и большая часть команды, для сбережения провианта, переехали в Обдорск, а при судне оставили для караула 12 человек.

В следующем 1737 г. условия плавания были значительно легче. Выйдя из устья Кары 6 июля, к 21-му достигли Мутного залива на западном берегу Ямала, под 70° 27′ с. ш., и к утру 23-го подошли к северной оконечности Ямала, именно к проливу между Ямалом и островом Белым (шир. около 73½°). Только 16 августа, когда подул северо-западный ветер, удалось обогнуть Ямал и вступить в Обскую губу. Это был первый случай такого плавания, ибо новгородцы переправляли свои суда в Обскую губу волоком, через Ямал. Обская губа была свободна от льда, и 11 сентября наши мореплаватели достигли устья Оби. Прийдя 2 октября (1737) в Березов, здесь зазимовали. Таким образом, цель этого отряда была достигнута. Малыгин уехал в Петербург с отчетом, а лейтенанту Скуратову было приказано отвести суда обратно в Архангельск. Это было дело не менее трудное, чем совершить плавание в передний конец, и оно потребовало двух лет. На зиму 1738—39 года пришлось оставить судно в устье Кары, и только в половине августа 1739 г. суда пришли в Архангельск.

Опись берегов от Канина носа до устья Оби была повторена впервые в 1824—28 г.г. Ивановым, Рагозиным, Пахтусовым и Береж-

ных [1]). Последняя по времени карта Обской губы и Енисейского залива, на основании работ с 1828 по 1909 г., составлена Главным Гидрографическим Управлением в 1910 году.

3. Обь—Енисей.

Опись берега между устьями Оби и Енисея была поручена лейтенанту Д. Л. Овцыну. Он вышел 14 мая 1734 г. из Тобольска на построенной здесь же дубель-шлюпке «Тобол», длиною 70 футов. С ним были подштурман Стерлегов, геодезист Ушаков, рудознатец Медведев, а всего с командой 56 человек. К 11 июня прибыли в Обдорск. 5 августа достигли в Обской губе широты 70° 4′. Конца губы не было видно, а начинались уже холода, почему решили вернуться назад и 4 сентября были в Обдорске, где и зазимовали. В продолжение зимы производили промер реки. Плавание 1735 г. было еще неудачнее: в этом году в Обской губе было очень много льдов, так что к 17 июля удалось дойти только до 68° 40′ с. ш., а между тем на судне развилась цынга, которою переболели командир и три четверти команды. Четверо умерли. Пришлось вернуться обратно. 10 августа были в устье Оби, а к началу октября в Тобольске.

Согласно программе, работы должны были быть окончены в два года. Несмотря на неудачи, нельзя сказать, чтобы экспедиция Овцына была бесплодна: был произведен целый ряд съемок, между прочим геодезистом Прянишниковым в 1735 и 1736 г.г. снят с суши восточный берег Обской губы, а также Тазовская губа. С того времени единственная съемка Тазовской губы сделана была в 1863 году Ю. И. Кушелевским, который прошел водою из Обдорска, Обскою и Тазовской губами, в р. Таз, с целью найти удобный путь к графитовым приискам Сидорова на Курейке (приток Енисея у Туруханска) [2]). Отметим, что одно из первых плаваний по Тазовской губе было совершено еще в 1600 году князем Мироном Шаховским, который направлялся из Обдорска в р. Таз, но попал в Пур [3]).

---

[1]) А. Соколов, Зап. Гидрогр. Департ., V, 1847, стр. 1—110.

[2]) Ю. И. Кушелевский, Северный полюс и земля Ялмал. Путевые записки. СПБ. 1868, стр. II + 157, с картой.—Об экспедиции в Тазовскую губу, стр. 7—35. В этой малоизвестной книге имеется много ценных этнографических сведений о самоедах, но ничего не говорится ни о северном полюсе, ни о земле Ямал.

[3]) И. Фишер, Сибирская история. СПБ. 1774, стр. 205.

Из Тобольска Овцын отправился в Петербург с отчетом. Адм.-Коллегия постановила работы продолжать. Экспедиция 1736 г. из-за обилия льдов также не была удачна: когда 5 августа достигли 72° 40′, пришлось повернуть назад, в Обдорск. Овцын же на зимовку поехал в Березов, что, как увидим, имело впоследствии для него роковое значение. Зато лето 1737 г. благоприятствовало Овцыну (как и Малыгину). В Тобольске было выстроено еще одно судно, бот «Обь-Почтальон» длиною 60 футов. 29 июня, как только устья Оби очистились от льда, оба судна отправились в плаванье. 7 августа вышли, наконец, в открытое море и увидели впереди льды, которые находились под 74° 2′ с. ш. Здесь заметили кита. 16 августа обогнули мыс Матте-Сале и отсюда повернули в Енисейскую губу. Продолжая плавание с великими трудностями, 31 августа вошли в Енисей, где их поджидала назначенная их встретить сухопутная партия. В октябре, не доходя нескольких верст до Туруханска, зазимовали.

В следующее лето 1738 г. Овцын привел «Тобол» в Енисейск (21 июня). Поручив штурману М и н и н у отправиться на боте «Обь-Почтальон» к Хатанге, кругом Таймырского полуострова, сам поехал в Петербург с отчетами, но внезапно, в августе 1738 г., был арестован в Тобольске по доносу. Овцыну ставилось в вину знакомство с князем Иваном Алексеевичем Долгоруковым (сыном Алексея Григорьевича и братом Екатерины Алексеевны, невесты Петра II), бывшим в ссылке в Березове и казненным, в результате доноса, в 1739 г. Донос был послан тобольским канцеляристом Тишиным, который за оскорбление, нанесенное княжне Екатерине, был избит Овцыным. Дело это оказалось роковым не только для гидрографа, но и для всей семьи Долгоруковых. Овцына судили в Тайной Канцелярии, разжаловали в матросы и послали в команду Беринга, в Охотск. Здесь он участвовал в плавании Беринга к Америке, в 1741 г., и в зимовке на острове Беринга [1]). По указу 19 февраля 1741 г. амнистирован с возвращением прежнего чина, а в 1749 г. пожалован в капитаны.

---

[1]) В Петропавловске в соборе есть образ свв. Петра и Павла с надписью: «Сей святый образ обложением украсился тщанием и по обещанию флота лейтенанта Дмитрия Овцына и всех служителей, спасшихся с пустова острова (т.-е. с о-ва Беринга) и достигших Камчатской берег в 1742 г. августа месяца».

4. Енисей — Лена.

4 июня 1738 г. Минин и Стерлегов вышли из Туруханска, намереваясь из устья Енисея дойти морем до Хатанги, т.-е. обогнуть Таймыр. В устье Енисея были 3 августа. Стерлегову удалось дойти 23 августа до мыса, названного им Северо-восточным (73° 14′). Так как кругом в море стояли сплошные льды, то он принужден был вернуться, а через неделю и вся экспедиция пошла обратно в Енисей. Плавание следующего 1739 года было совсем неудачным, не удалось даже выйти из устьев Енисея в море. Выехав в январе 1740 г. из Туруханска на собаках, Стерлегов к 14 апреля сделал опись морского берега от устья Енисея до определенной им астрономически широты 75° 26′, где мыс, ныне называемый по имени Стерлегова. Этот пункт Стерлегов в своем журнале описывает так: «а мыс, на котором поставлен маяк с приметою, каменный, высокий; при оном усмотрена высота солнца в полдень 27° 54′, ширина 75° 26′. Пель-компас склонение от правого севера весьма много стал показывать, и не равное; и уповаемо, что в здешних северных местах магнитная сила служить не стала» [1]). Мыс этот «собою узок, вышиною около 5 сажен берег, на котором земля черная с мягким ломаным камнем аспидом, а далее от берега глина со мхом; восточнее и западнее сего лежат берега низкие, пологие» [2]).

От устья реки Енисея и вплоть до мыса св. Фаддея (на восточной стороне Таймырского полуострова) берег снят сухопутной съемкой, «понеже морем имели великие препятствия». «Чего ради оное морское описание оставя, описывали сухим путем, на собаках, по здешнему состоянию в нартах запрягши».

Морской партии, во главе с Мининым, удалось к 20-му августа 1740 г. дойти до $75^1/_4$° с. ш., где встретили густые льды, почему повернули назад. В 1741 году Минин занимался описью берегов Енисея, но намеревался продолжать морские работы и сделал в этом смысле представление Адмиралтейству. Но по отзыву Харитона Лаптева (1742), который произвел опись берегов Таймыра по-суху и убедился в непроходимости здесь моря, решено было дальнейших попыток не продолжать.

---

[1]) Зап. Гидрогр. Департ., IX, 1852, стр. 24—25.

[2]) Там же, стр. 23.

Съемка Енисейского залива и Обской губы была повторена в 1894—6 г.г. экспедицией под начальством А. И. Вилькицкого.

Берега между Пясинской губой и м. Стерлегова Х. Лаптев описывает следующим образом: «У сих берегов чаятельно быть великим в море отмелям, понеже тороса изредко и во льду не видно прорубей нерпичьих, которые на глубоких местах великое множество продувают для отдыху своего; к тому ж и щелей во льду нет, которые полная вода делает; и тем мнится, что тот лед к земле примерз. В па-

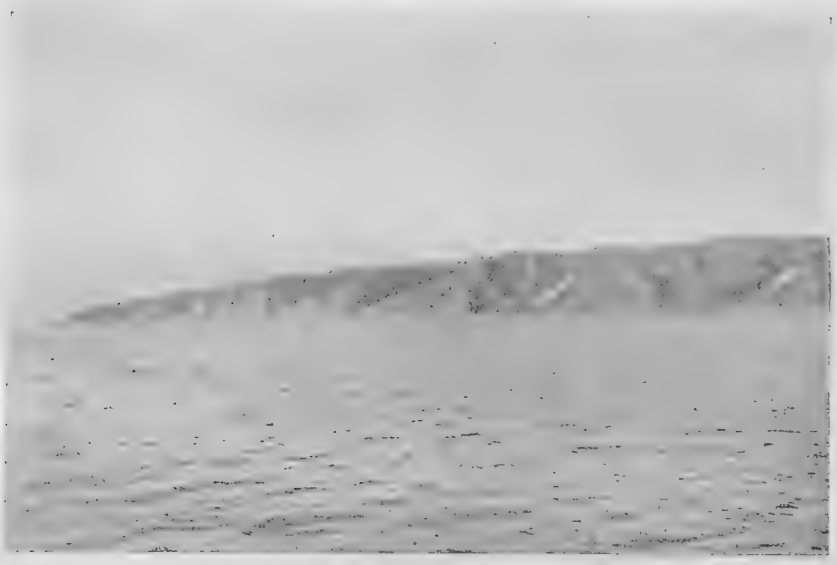


Рис. 21. Берег Енисея около Гольчихи (из «Азиат. России»).

раллели 74° 10′ ширины острова собою высокие и пологие, на которых великое множество аспида черного, но токмо хрупок и тонок, а писать на нем весьма мягок»[1]).

5. Лена—Енисей.

Для описи берегов к западу и востоку от устья Лены были назначены суда «Якутск», длиной 70 футов, и «Иркутск», длиной 60 футов, построенные в Якутске. Оба они, первое под начальством лейтенанта Прончищева, а второе—лейт. Ласиниуса, вышли из

[1]) Зап. Гидрогр. Департ., IX, 1852, стр. 25.

Якутска 30 июня 1735 г. Прончищев пришел к устью Лены, именно к Быковскому устью, 13 августа. С Прончищевым были подштурман Челюскин, геодезист Чекин и человек 50 команды. Кроме того отправилась в плавание жена Прончищева, разделявшая с ним все трудности путешествия и нашедшая вместе с своим мужем смерть в этой угрюмой стране...

25 августа «Якутск» подошел к устью Оленека (72° 54′). За поздним временем решили здесь перезимовать. В устье реки построили две избы из плавника (выброшенного на берег леса). Тут же было поселение из 12 семей русских промышленников, а поблизости находились кочевья тунгусов и якутов. 20 сентября река стала. С 14 ноября по 21 января солнце не показывалось над горизонтом.

В следующем, 1736 г., река вскрылась 21 июня, но, задерживаемые льдами в море, могли двинуться в дальнейший путь только 3 августа. Уже к западу от Анабары 12 августа встречены густые льды. 13 августа пришли, пробираясь среди льдов, к устью Хатанской губы (74° 9′). На левом берегу ее видели зимовье, в нем хлеб и собак, но промышленников не оказалось. Продолжая плавание далее, 19-го достигли широты 77° 29′; по пути на льдах видели множество белых медведей, а в воде моржей и белух. Глубина здесь была значительна, лот не доставал дна на 120 саженях (морских). Льды здесь были «самые глухие», которым «и конца видеть не могли». Больной Прончищев созвал к себе в каюту обер и унтер-офицеров, и «по консилиуму» с ними решили итти обратно. 25 августа подошли к устью Оленека, но целую неделю не могли за противным ветром войти в устье. 29-го Прончищев скончался. 2 сентября вошли в устье Оленека и остановились у прошлогоднего зимовья. 6-го погребли тело командира, а 11-го за ним последовала в могилу и его верная жена.

Через 139 лет после этого, 26 августа 1875 года, А. Л. Чекановскому удалось найти могилу Прончищева и его жены в устье Оленека, у мыса Тумуль.

В августе 1736 года Прончищев, будучи в устье Анабары, под 73° 1′ с. ш., посылал вверх по Анабаре геодезиста Чекина «для описания и осмотра руды, которая объявлена здешними обывателями». Повидимому на основании его рассказов, на рукописной карте фон-Дезина 1742 года нанесена, при впадении р. Солемы в Анабарскую

губу, гора, при которой надпись: «гора каменная, из которой дым из щелей; а брали в ней нашатырь». Об этом упоминает Соколов [1]). Впервые Миддендорф обратил внимание на то, что здесь идет речь о подземных пожарах залежей каменного угля [2]). Сведения о «горящей горе» где-то между устьями Хатанги и Анабары были давно распространены в Сибири [3]). Иногда это давало повод говорить о вулканах на севере Сибири. Мессершмидт, будучи в 1723 году в Туруханске, собирался посетить горящую гору на Хатанге, где добывают много нашатыря [4]). О ней же, по слухам, упоминают Страленберг [5]) и Гмелин (Reise, II, 1752, p. 526), бывший в Туруханске в 1739 году. Нашатырь отсюда употребляли при паянье в Туруханске и Енисейске. Местоположение этой горы с точностью было неизвестно. Гмелин, согласно разъяснению Миддендорфа, полагает ее на р. Попигай, впадающей с востока в Хатангскую губу, недалеко от устья Хатанги. Около средины XVIII столетия описываемый подземный пожар совсем или отчасти прекратился, и Миддендорф, будучи через сто лет в Хатангском погосте, не мог получить по этому вопросу никаких сведений [6]). Разъяснение этот вопрос получил только во время Хатангской экспедиции 1905 года: близ устья реки *Огневки*, впадающей в Хатангскую губу верстах в 50 к востоку от устья Попигая, И. П. Толмачев обнаружил ясные следы бывшего каменноугольного пожара, истребившего на пространстве многих десятков квадратных верст два пласта мезозойского каменного угля. Местные инородцы о пожаре давно забыли [7]).

---

[1]) Зап. Гидрогр. Департ., IX, стр. 11—12.

[2]) A. Middendorff, Sibirische Reise, Bd. IV, Th. I, Lief. 2, 1860, p. 259—261.

[3]) Еще Исаак Масса в упомянутой уже выше статье, переведенной с русского в 1609 г., говорит об «огнедышащей» горе к востоку от Енисея.

[4]) Middendorff, l. c., p. 260, Anmerk. 3.

[5]) Strahlenberg, 1730, l. c., p. 324 («близ Ледовитого моря, между Енисеем и Хатангой»). На карте же, приложенной к этой книге, огнедышащая гора нанесена в верховьях Оленека (Olenets), к востоку от этой реки; около горы надпись: «Mons Ignivomens in cujus cineribus Sal ammoniacu reperitur».

[6]) Но зато М. узнал про другой подземный пожар, именно—недалеко от впадения р. Тамуры (Таймуры) в Тунгуску; об этом пожаре упоминает впрочем еще Витсен (1692). По словам Третьякова (Зап. Геогр. Общ. по общ. геогр., II, 1869, стр. 223), близ р. Горелой, впадающей справа в Нижнюю Тунгуску, около 1800 или 1770 г. существовали подземные гари, от которых река и получила свое имя.

[7]) И. П. Толмачев, Изв. Геогр. Об-ва, XLVIII (1912), стр. 398, или оттиск СПБ. 1915, стр. 18 (см. карту).

После смерти Прончищева в командование вступил штурман Челюскин. В половине декабря он, вместе с геодезистом Чекиным, поехал в Якутск. Но они доехали только до Сиктяха на Лене (почти под 70° с. ш.). Не получив здесь подвод, должны были прожить до июня 1737 года, когда по реке отправились в Якутск. Хотя Беринга здесь уже не было, но он перед отъездом в Охотск получил донесения Челюскина. Посоветовавшись с академиками и своими офицерами, Беринг отложил продолжение экспедиции до решения Адмиралтейства. Последнее высказывало замечательный интерес к этому научному предприятию и проявляло непоколебимую настойчивость. 3 декабря 1737 года Адмиралтейство определило: работы продолжать «с наиприлежнейшим старанием» не только в следующее лето, но и в другое, и в третье, и даже в четвертое. На случай, если льды никак не позволят произвести опись с моря, говорилось в другом указе, то надлежит сделать опись кругом Таймырского полуострова сухопутно.

Преемником Прончищева назначен Харитон Лаптев. Дубель-шлюпка «Якутск» летом 1737 года была приведена с устья Оленека в Якутск. На ней Х. Лаптев вышел 9 июня 1739 года с экипажем в 45 человек. 21-го июля вступили в море западным рукавом Лены. В дельте этой реки, по описанию Лаптева (стр. 9), «кочуют в летних юртах якуты, которые довольствуются рыбами, оленями, гусями, лебедями и утками дикими, которых великое множество по озеркам мелким. Они же якуты промышляют песцов белых и голубых, чрез всю зиму; ездят на собаках».

Море у западного устья Лены и до Оленека было у берегов свободно от льда. 24-го июля миновали устье Оленека; здесь, говорит Лаптев (стр. 10), «в зимовьях живут русские промышленники издавна, семей около 10, которые чрез жен своих соединились многие с новокрещенными якутами и на их природу и обычаи схожи». Между устьями Оленека и Анабары берег крутой, ровный, безлесный. 28-го июля достигли губы Нордвик, почему-то получившей от русских промышленников с устья Анабары это скандинавское имя. В губе стоял лед, почему для описания ее посылали на берег геодезиста. 6-го августа подошли к устью Хатанги; теснимые льдами, принуждены были укрыться в Хатангской губе, под 74° 42′ с. ш., где простояли целую неделю. 14-го августа вышли из губы и, все время плывя среди льдов, к 21-му августа достигли мыса св. Фаддея под широ-

тою 76° 47′, где сплошные льды совершенно заградили дорогу. Мыс этот, пишет Лаптев (стр. 18), «лежит утесом каменным; на нем местами мелкой камень белой, подобен алебастру. Земля глина. Здесь мамонтовый рог выкопали из земли, длиною в 4 фута. У сего мыса стоя (1739 г.), видели морских зверей, великих собою, подобно рыбе; шерсть маленькая, белая, яко снег; рыло черное. По здешнему называют *белуга*». Это—белуха, Delphinapterus leucas, из зубастых китообразных. Она часто входит в Енисей, подымаясь выше Дудинки, а в 1826 году прошла даже до Подкаменной Тунгуски.

Удобного пристанища на берегу у мыса св. Фаддея не оказалось, почему решили итти на зимовье в Хатангскую губу, куда вернулись 29-го августа. Здесь, близ устья речки Блудной, под 72° 56′ с. ш., благополучно перезимовали: больных не было. Поблизости жило несколько семейств сидячих тунгусов. На корге, в устье Хатанги «в горе, в ссыпном яру, перпендикулярно от ватер-линии, в 25 саженях вышины, из земли торчат толстые бревна гнилые, и все в лучины раздробилися; над ними земли наросло вышиною 5 сажен» (стр. 15).

О Хатанге у Лаптева говорится: «по ней кореннымн зимовьями живут русские и новокрещенные якуты, начав с вершин, от 72° ширины и по самое устье. Жители довольствуются не столько рыбою, но больше оленями, которых промышляют на плаву чрез реку, осенью, когда идут олени с моря в лесные места, и весною, когда також на плаву, идут от комаров из лесных мест к морю и к озеру Таймурскому в тундреные чистые места. По сей реке промышляют песцов белых и голубых, против других мест довольнее. Собою песцы большие. Изредка промышляют волков бело-черных и белых; только не много их (стр. 39). На сей реке находится много морского ладону: цвет и дух имеет как янтарь, но токмо крошек» (стр. 41).

Лов оленей на плаву, т.-е. во время переплав через реки, практиковался на Пясине, Таймыре и Хатанге еще во второй половине XIX века. Вот как его описывает Третьяков. С наступлением осени, олени, собравшись значительными табунами, направляются на юг. Во время переправы через реки впереди идут передовые олени, подымая высоко голову и осматривая окрестность. Когда передовые войдут в воду, за ними кидается весь табун. Олени плывут один за другим, в несколько рядов. В это время промышленники врываются на лодках в средину табуна и начинают колоть оленей. Несколько

сот обезумевших животных, которые мечутся и плещутся в окровавленной воде, сталкиваясь рогами, дикие крики охотников, старающихся не допустить оленей на берег, люди на берегу, приканчивающие недобитых раненых оленей,—такова картина массового истребления безобидных изящных животных. Опытный охотник в полчаса набивает свыше 70 штук оленей [1]).

Что касается белых волков, о которых говорит Лаптев, то о них упоминают и другие авторы [2]). По словам Третьякова [3]), белые волки, изредка попадающиеся в Туруханском крае, ценятся выше серых. Кривошапкин сообщает, что такие волки, кроме Туруханского края, встречаются в Березовском округе [4]). Миддендорф говорит, что таймырские волки, известные в продаже под именем туруханских, отличаются своей величиной и белизной [5]). Во время зимовки «Зари» у западного берега Таймыра, на берегу залива Миддендорфа, были замечены 29-го августа 1900 года (старого стиля) четыре волка, один темный, прочие светлые, почти белые [6]). Волк Колымского округа, по наблюдениям В. И. Иохельсона, крупнее обыкновенного русского волка и с более светлой шерстью; под старость он принимает совсем белый цвет с легким желтоватым оттенком. Впрочем, в продаже ценится не совсем белый волк, а такой, у которого на спине заметна примесь черных волос [7]). Стеллер упоминает о нахождении (редком) снежно-белых волков на Камчатке. Такие же волки описаны и из арктической Америки. Сибирский белый волк есть северная географическая форма обыкновенного Canis lupus.

Что касается янтаря, о котором упоминает Лаптев, то он

---

[1]) П. Третьяков, Туруханский край. Зап. Геогр. Об-ва по общей географии, II, 1869, стр. 492—494.

[2]) Ph. Strahlenberg (Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730, p. 430) говорит: «волки обычно бывают серые; в Сибири же они по большей части белые, особенно на брюхе; к тому же они крупнее обычных и имеют очень мягкую и теплую шерсть. Местами попадаются также черные как уголь».

[3]) П. Третьяков, там же, стр. 300.

[4]) М. Кривошапкин, Енисейский округ и его жизнь. СПБ. 1865, т. II, стр. 81.

[5]) A. v. Middendorff, Sibirische Reise. Band, IV, Theil 2, St. Pbg 1867, p. 985.

[6]) E. Toll, Die russische Polarfahrt der Sarja. Berlin, 1909, p. 87.

[7]) В. И. Иохельсон, Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском округе. Труды Якут. Эксп. Сибирякова. СПБ. 1898, стр. 96.

попадается небольшими кусками (величиной с горошину) на всех берегах Северного Ледовитого моря как в Европе, так и в Азии, а также на берегах Камчатки, Алеутских островов, Кадьяка и проч. [1]). Лопатин находил кусочки янтаря на левом берегу Енисейской губы, у Зверева; здесь же на берегу много кусков каменного угля [2]). Можно отметить, что янтарь обнаруживается также в постплиоценовых отложениях северной морской трансгрессии с раковинами Nucula tenuis, например по берегу залива св. Иннокентия, что южнее Зверева [3]). В частности, относительно янтаря на Хатанге мы находим сведения на карте Страленберга 1730 года; именно, по притоку Хатанги, Хете, надписано: in hoc Flumine Cheta Electrum invenitur. Толмачеву в 1905 году не удалось обнаружить янтаря на Хатанге, но он узнал, что в низовьях этой реки янтарь находят по преимуществу на песчаных берегах тундровых озер [4]).

С устья Хатанги Лаптев посылал в октябре 1739 года боцмана Медведева на реку Пясину для описи берега от ее устья до устья реки Таймыра. Но Медведеву удалось пройти по берегу всего сорок верст. В конце марта 1740 года был послан геодезист Чекин для описи того же берега, но в обратном направлении, от устья реки Таймыра на запад до Пясины. Чекин прошел по реке Таймыру к морю, а отсюда вдоль морского берега на запад, достигнув на сто верст к западу от того места, где берег повернул к югу (т.-е. от мыса Северо-западного, для которого Лаптевым принята широта 76° 38′). 17-го мая 1741 года он вернулся обратно. Мыс Северо-западный лежит на самом деле не на материке, а на северной оконечности острова Таймыр. В настоящее время этот мыс носит имя Лаптева (76° 22′ с. ш. по карте, составленной А. В. Колчаком в 1908 году; 76° 25′, по определению Нансена).

В 1740 году только 12-го июля можно было войти в Хатангскую губу и лишь через месяц из-за льдов достигли устья ее. Здесь 13-го августа под $75^1/_2$° с. ш. «Якутск» потерпел крушение: сдавлен-

---

[1]) Middendorff, l. c., IV, Th. 1, Lief. 2, 1860, p. 257.

[2]) И. А. Лопатин, Дневник Туруханской экспедиции 1866 г. Зап. Геогр. Общ., XXVIII, № 2, 1897, стр. 107, 108.

[3]) Лопатин, l. c., стр. 111, 112. О том, что на берегу моря между Енисеем Хатангой находят иногда янтарь, упоминает Strahlenberg, l. c., p. 332.

[4] Толмачев, l. c., стр. 392—393.

ное льдами судно понесло ветром и течением к северу. Ото льдов сделалась пробоина, и судно начало заливать. Утром следующего дня, продолжая отливать воду, стали выгружать на лед провизию. К вечеру, когда льды тронулись и снова понесли судно в море, было решено свести всю команду на лед. Берега удалось достичь только через полтора суток, 16-го. Тут развели огонь из плавника, обогрелись и начали перевозить провиант на берег, пока лед с остатком провианта не унесло в море (31-го августа). Команда, больная и изнуренная холодом и непосильными трудами, стала роптать и отказывалась работать, «говоря, что им все равно умирать—работая и не работая» (Соколов, стр. 305), но Лаптев восстановил дисциплину. Только в половине октября смогли прибыть к месту своей прежней зимовки в вершине Хатангской губы. Из больных четверо умерло.

Отказавшись от мысли обогнуть Таймыр с моря, неутомимый Х. Лаптев решил приняться за сухопутные съемки. 17-го марта 1741 года с места зимовки отправлен к устью Пясины на собаках Челюскин; ему надлежало описать берег между устьями Пясины и Таймыра. Геодезист Чекин послан 22-го апреля для описи берега между устьями Хатанги и Таймыра, а сам Лаптев с четырьмя человеками отправился 24-го апреля к устью реки Таймыра. Почти вся остальная команда отправлена на оленных санках в Енисейск.

Чекин вскоре вынужден был вернуться, дойдя до широты 76° 35′. Несчастный геодезист и двое его спутников ослепли от необычайного холода. Челюскин достиг устья Пясины и, идя по берегу моря, встретился 1-го июня под широтой 75° 21′ с Лаптевым, шедшим ему навстречу от устья реки Таймыра. Отсюда вернулись на Пясину 9-го июня. С Пясины поехали на Енисей, в Туруханск, где и провели зиму.

Теперь оставалось только положить на карту самую северную оконечность Азии. С этой целью в декабре 1741 года послан Челюскин. Выехав с устья Хатанги в конце февраля 1742 года, он прибыл к мысу св. Фаддея 1-го мая и отсюда начал береговую опись по направлению к мысу, теперь называемому именем Челюскина, от него же получившему название Северовосточного. Под широтой 77° 27′ Челюскин сделал астрономическое определение по полуденной высоте солнца [1]).

---

[1]) Зап. Гидрогр. Деп., IX, стр. 62.

Здесь, напав на медвежий след, он ездил за 18 верст в море, где увидели четырех белых медведей, из коих один был убит. Пройдя еще 13 верст (от 77° 27′ с. ш.), прибыли к мысу: «сей мыс каменный, приярый, высоты средней; около него льды гладкие и торосов нет. Здесь именован мною оной мыс Восточной-Северной мыс» (стр. 63). На нем водрузили маяк из нарочно привезенного бревна. Соколов, на основании показаний журнала Челюскина, полагает широту мыса Северовосточного, или Челюскина, в 77° 34′ (стр. 63).

Бер [1]) и Миддендорф совершенно неосновательно заподозрили правдивость показаний Челюскина. Они думали, что он вовсе и не был на Северовосточном мысу. Но после того, как А. Соколов в 1851 году опубликовал выдержки из подлинного журнала Челюскина, достоверность его открытий не подлежит больше никакому сомнению. Мало того, Норденшельд, впервые после Челюскина, в 1878 году, производивший в этой области опись, но не знавший о статье Соколова, подтвердил точность съемки своего предшественника; мыс, говорит он, нанесен на русских картах совершенно правильно [2]). Астрономическое определение, произведенное Норденшельдом на мысе Челюскина (точнее, чуть западнее мыса) 20-го августа 1878 года, тоже весьма близко к определению Челюскина: оно дало 77° 36′ 49″ с. ш. и 103° 17′ в. д. от Гринича [3]). Астрономическое наблюдение, сделанное 1-го сентября 1901 года астрономом русской полярной экспедиции Ф. Г. Зебергом, дало широту 77° 40′ 48″; северная оконечность мыса Челюскина, по приведению от места наблюдения, окажется под 77° 41′ 30″ с. ш., 104° 30′ в. д. [4]).

---

[1]) C. Baer, Neueste Nachrichten über die nördlichste Gegend von Sibirien zwischen den Flüssen Pjässida und Chatanga. Beitr. Kenntn. Russ. Reiches, IV, 1841, p. 275.

[2]) A. E. Nordenskiöld, Die Umsegelung Asiens und Europas auf der Vega. I, Leipzig, 1882, p. 309.

[3]) A. Lindhagen, Vega-expeditionens geografiska ortsbestämningar, in: A. E. Nordenskiöld, Vega-expeditionens vetenskapliga iakttagelser, I, Stockholm, 1882, p. 468, 471).

[4]) А. М. Бухтеев, Основные астрономические пункты русской полярной экспедиции 1900—1903 г.г. Зап. Акад. Наук (8), по физ.-мат. отд. XXVI, № 2, 1911, стр. 12, 20.

Породу, которая обнажается на мысе Челюскина, Норденшельд определил, как глинистый сланец; он прорезан кварцевой жилой [1]).

Мимо северной оконечности Азии прошли, после открывшего его Челюскина, в 1878 году Норденшельд, в 1893 году Нансен на «Фраме», в 1901 году Толль на «Заре», но ни один из них не заметил расположенных к северу о-ва Алексея и Земли Николая II, хотя, как мы видели, Челюскин прошел по льду еще 18 верст в глубь моря. 19-го августа (1-го сент.) 1913 года транспорты «Таймыр» и «Вайгач», под начальством Б. А. Вилькицкого, идя с востока, встретили у самого мыса Челюскина лед, который их не пропустил к западу. Поднявшись на север, они 20-го августа, милях в 40 от мыса Челюскина под 78° 5′ с. ш., открыли низменный остров, названный до революции островом цесаревича Алексея, а на следующий день, в расстоянии 20 миль к северо-западу от о-ва Алексея, возвышенную землю, которую в то время назвали Землей Николая II. В следующем, 1914 году, «Таймыр» и «Вайгач» под начальством Б. А. Вилькицкого, следуя с востока, благополучно миновали мыс Челюскина 20-го августа (2-го сентября) [2]). 9 сентября 1918 г. мимо м. Челюскина прошел Амундсен на корабле «Maud».

Некоторые сведения о землях к северу от оконечности Таймыра могли иметься у сибирских инородцев. На карте Страленберга 1730 года на северной оконечности Сибири, между реками Пясиной и Хатангой, к северо-востоку от р. Горбицы, т.-е. р. Таймыра, следовательно в области, соответствующей мысу Челюскина, обозначены Mont. Paternoster; они при посредстве Montes glaciales соединяются с непомерно растянутой на восток Новой Землей. В тексте своей книги [3]) Страленберг сообщает, что он беседовал с людьми, которые путешествовали по узкому полуострову, идущему по направлению к Новой Земле, и видели «Ледяные Горы» [4]). Третьяков, бывший

[1]) Umsegelung, p. 310.—Толль (E. T o l l, Die russische Polarfahrt der «Sarja» 1900—1902. Berlin, 1909, p. 377), говорит о метаморфической породе, переслаивающейся с фиолетовыми сланцами и прорезанной кварцевыми жилами.

[2]) Л. Б р е й т ф у с, Зап. по Гидрогр. XXXIX, в. 1, 1915, стр. 106.—Л. С т а р о к а д о м с к и й, Через Ледовитый океан из Владивостока в Архангельск. П. 1916, стр. 17 (оттиск из Морск. Сборн.).

[3]) Der Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia, p. 17.

[4]) На стр. 18 сообщаются маловразумительные сведения о путешествии из области Таймыра «на Новую Землю», полученные от туруханского старожила.

долгое время заседателем Туруханского округа, передает (1869) о местах у мыса Челюскина следующее: «нам не раз приходилось слышать о том, что на море есть иная земля, откуда переходят песцы и белые медведи. Не тянутся ли от Новой Земли, в виде архипелага, острова к Северовосточному мысу?» [1]. 19-го августа 1878 года Норденшельд видел на мысе Челюскина много куликов и громадную стаю гусей (Anser bernicla), тянувших на юг, «возможно, говорит он, с какой-либо земли, расположенной к северу от мыса Челюскина» [2]. Толль (1900), основываясь на нахождении зимой полярных куропаток и песцов на полуострове Челюскина, тоже полагал, что они приходят сюда с севера, где должны находиться острова [3].

Обогнув северную оконечность Азии, Челюскин продолжал съемку по направлению к устью р. Таймыра. Деятельный Лаптев в феврале решил ехать ему навстречу. Прибыв к устью р. Таймыра в начале мая, он, за недостатком провизии, не мог следовать дальше, а послал навстречу Челюскину двоих солдат с запасами продовольствия. Посланные встретились с Челюскиным 15-го мая, севернее устья Таймыра. Отсюда прошли тундрой к устью этой реки. В июле оба офицера через Туруханск прибыли в Енисейск. Экспедиция была закончена, и Лаптев с отчетами поехал в Петербург.

Харитон Лаптев, один из замечательнейших русских путешественников, скончался в декабре 1763 года в звании обер-штер-кригскомиссара флота.

В своем отчете о плаваниях, который опубликован А. Соколовым более чем сто лет после окончания экспедиции (в 1851 году, в «Записках Гидрографического Департамента», IX, стр. 8—58), Лаптев сообщает весьма любопытные данные о северном побережье Ледовитого моря, между устьями Енисея и Лены, о реках, сюда впадающих, а также о народах, обитающих здесь. О тунгусских шаманах Лаптев пишет следующее: «Шаманство их состоит разными манерами: иные ножами режутся и кричат, иные скачут и в бубен бьют и поют, иные замышляются и тихо говорят, потом придет в такое

---

[1]) Зап. Геогр. Общ. по общей геогр. II, 1869, стр. 231.

[2]) A. Nordenskiöld, Umsegelung Asiens und Europas. I, Leip. 1882, p. 308.

[3]) E. Toll, Die russische Polarfahrt der Sarja. Berlin, 1909, p. 158.

безумие, что в беспамятстве якобы видит дьявола и говорит с ним, чего от него требует. Оное шаманство от них происходит не инако, как нарядяся в особливое к тому платье страшное, на котором множество звонцов медных и разных штучек железных на тоненьких плетенках, в четверть аршина долгих, нашитых на рукавах и на стану, где главные по швам» (стр. 55). Относительно образа жизни тунгусов Лаптев говорит так: «Палатки у них называются *чум*, из оленьих кож, зимние с шерстью, летние из ровдугу, то есть замша; растягивают на шестах, которые с собою возят. Имеют ружье (т.-е. оружие): лук с стрелами да полосу, яко нож, в аршин долгий, одного железа, да копье. На себе носят латы кольчужные и плащеные из железа. Одеяние их короткое, из оленьей кожи» (стр. 56).

На тундре, лежащей у южного побережья озера Таймыр, летом кочуют с оленями самоеды, называемые *тавги*. Они «питаются дикими оленями, которых промышляют на плаву на реках, а в тундре загоняют в поставленные из крыльев махавки, меж которыми стреляют из луков. Питаются же они в летнюю пору на реках рыбою. Платье носят верхнее и нижнее из оленьих кож, зовутся *парки*, нижние и верхние; а из лап носят обувь; вместо подошев лбы оленьи. Ездят зимою и летом на санках; сделаны высокие от земли, на которых клади больше не подымет пяти пуд пара оленей» (стр. 44) [1]. К северо-восточным берегам озера Таймыр самоеды «за стужею» уже не ходят (стр. 43). То же подтверждает и Миддендорф: в 1843 году он не встретил самоедов ни на северных берегах озера Таймыр, ни в низовьях р. Таймыра [2].

Самоеды-тавгийцы носят теперь название *авамских*. Этот род кочует по тундрам, начиная от Енисея около Дудинки, далее по Пясине, Аваму (притоку Дудыпты, впадающей в Пясину), среднему течению р. Таймыра, южному берегу оз. Таймыр и на восток до низовьев Хатанги. Численность авамского рода по переписи 1897 года равнялась 654 д. [3]. К тавгийцам еще причисляют небольшой (177 д.)

---

[1]) Описание самоедской одежды и сапок см. у Кушелевского, стр. 59.

[2]) A. Middendorff, Sibirische Reise. Band IV, Theil 2, Lief. 3: Die Eingeborenen Sibiriens, 1875, p. 1439.

[3]) С. Патканов, Зап. Геогр. Общ. по отд. стат., XI, в. 2, 1911, стр. 408—409.

вадеевский род самоедов, кочующий по р. Боганиде, притоку Хеты, но, по мнению Миддендорфа и Патканова, вадеевцы есть осамоедившиеся тунгусы [1]).

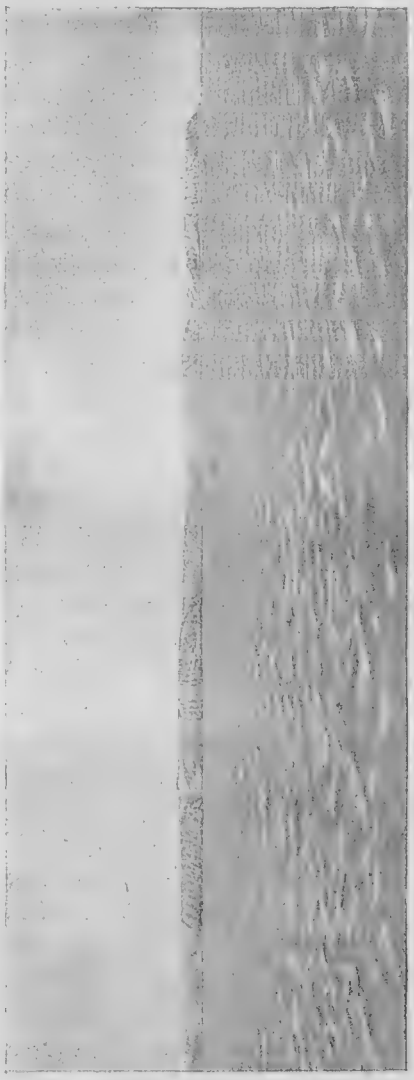


Рис. 22. Земля, названная до революции «Землей Николая II». (Из «Азиатск. России»).

Вообще, крайний север Таймыра необитаем: летние кочевья самоедов не простираются далее линии, идущей от Гольчихи на Енисейской губе до слияния Ныра с Пясиной, отсюда к оз. Таймыр (под 74°) и, наконец, к Хатангской губе, именно — приблизительно к месту впадения в нее М. Балахны. Толль (Die Palarfahrt der Sarja, p. 127) задает вопрос, почему самоеды летом не посещают северного Таймыра, где много оленей, птиц, тюленей, наконец,— рыбы в устьях Пясины и Таймыра, и предполагает, что причиной является скудость топлива, именно недостаток выкидного леса на здешних берегах. Вряд ли это, однако, так. Выкидного лесу немного на берегах полуострова Челюскина [2]), но на прочих берегах Таймыра плавнику довольно: в устье Пясины, по словам Лаптева (стр. 27), «плав-

[1]) Патканов, Зап. Геогр. О-ва по отд. стат. XI, в. 2, 1911 г. стр. 431.
[2]) См. Зап. Гидрогр. Департ. IX, стр. 61—62, также стр. 20.

ника лесу весьма много, которым жители довольствуются» (см. также стр. 47); то же говорит Миддендорф относительно устья р. Таймыра и Таймырского залива [1]) и подтверждает (р. 254) об устье Пясины.

О лове оленей на плаву мы уже говорили выше (стр. 207—8). *Махавки*—это частоколы, которыми самоеды и юраки промышляют оленей. Весной, когда олень идет из лесов в тундры, махавки устраиваются в виде длинных, в четыре-пять верст, частоколов, сходящихся под углом. Узкий конец перегораживается сетями из тонких ремней. На кольях, вышиной аршина в полтора, навешивают тряпки и перья, чтобы напугать оленя и не дать ему проскользнуть между кольями. Загнав в махавки оленей, их у перегороженного конца стреляют из луков или колют рогатиной. Летом махавки делают из земли и дерна и узкий конец их выводят в речку или озеро; когда олени, вырвавшись из махавок, бросятся в воду, охотники с лодок («ветки») начинают их колоть [2]).

По словам Лаптева (стр. 42—43), особенно много диких оленей бывает в низовьях р. Таймыра и на Таймырском озере, и именно летом, с мая; они ходят стадами по тысяче голов. «Великое множество» оленей (и гусей) также на р. Пясине (стр. 47).

«По реке Пясине стоячий лес окончился в параллеле 70° 10′ ширины. По сей реке, с самой вершины, живут русские промышленники и до 71° 10′, которые промышляют, как и прочие, песцов. Питаются рыбою; из реки довольное число ловится. А дале сих мест и до устья все пустое место; но токмо по ней самоеды до устья реки Повры (Пыры?) в лете кочуют, где ловят рыбу и оленей на плаву. По здешней тундре, меж рек Енисея и Пясины, состоят самоеды, слывут *хантаянские*» (стр. 47)—имеется в виду Хантайский род енисейских самоедов; их по переписи 1897 года было 204 д. [3]). Между низовьями Оби и Енисея кочуют юраки. «Сии юраки, приходя, многих (русских) грабили и до смерти убивали» (стр. 53). Напротив, о самоедах, тунгусах и якутах Лаптев отзывается с похвалой: «самоеды с охотой помощь чинят Камчатской экспедиции» (стр. 44). «Му-

---

[1]) Middendorff, Sib. Reise, IV, 1, p. 252, 254.

[2]) Третьяков, стр. 491—492. См. также М. Кривошапкин, Енисейский округ и его жизнь. СПБ. 1865, т. II, стр. 105—106 (долганы у Дудинки).

[3]) Патканов, Зап. Геогр. Общ., отд. стат., XI, в. 2, стр. 410.

жеством и человечеством и смыслом тунгусы всех кочующих и в юртах живущих превосходят» (стр. 56), за ними следуют якуты, а потом самоеды.

Юраки—это западные самоеды, кочующие по тундрам от Белого моря на западе до Енисея (и даже несколько далее) на востоке [1]). Как предполагает Кастрен, слово юраки родственно словам *югра*, *Югрия* [2]). Туруханские юраки, или юраки в собственном смысле слова, разделяются на два рода: Тазовский, кочующий по тундрам от р. Таза до Тазовской губы, и Береговой, кочующий по обе стороны полярного течения Енисея. По переписи 1897 года, всего туруханских юраков числилось 466 душ [3]), а после того число их значительно уменьшилось от оспы, и в 1907—08 годах юраков Берегового рода было не более 16 [4]). Новейшие исследователи дают о юраках более сочувственный отзыв, чем Лаптев. Так, Третьяков (стр. 93) говорит про них: «в умственном отношении юраки едва ли чем уступают тунгусам и, несмотря на скромность, характером гораздо тверже, а в отношении аккуратности по своему хозяйству уступают разве долганам» (т.-е. объякутившимся тунгусам) [5]). Впрочем, юраки всегда отличались воинственностью: первое столкновение с русскими они имели на р. Пуре, впадающей в Тазовскую губу, в 1600 году, когда партия немирных юраков напала на отряд кн. Мирона Шаховского и, убив 30 человек, заставила его вернуться обратно [6]).

О туруханских русских Лаптев сообщает (стр. 49—50): «у всех промышленников по реке Енисею русских не весьма довольно богатства их в чем бы ни было; понеже коренных, или назвать давне живущих, на сих местах очень мало, но многие набродные, из русских городов, с пашпортами просроченными или без пашпортные. Обычаи

---

[1]) A. Castren, Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker, St. Pb. 1857. p. 83.

[2]) l. c.

[3]) С. Патканов, О приросте инородческого населения Сибири. СПБ. 1911, изд. Акад. Наук, стр. 45.—С. Патканов, Зап. Геогр. Общ. отд. стат., XI, в. 2, стр. 412—414.

[4]) К. Рычков, Береговой род юраков. Зап. Зап.-Сиб. Отд. Геогр. Общ., XXXVIII, 1916, стр. 157.

[5]) Ср. также отзыв о юраках у Кривошапкина, II, стр. 151.

[6]) Фишер, Сибирская история. СПБ. 1774, стр. 206.

имеют: велики охотники в карты играть, покупая дорогою ценою [1]) також слабы очень к вину горячему, которое временно привозят государево из города Мангазейска (т.-е. из Туруханска)... Многие свои заводы проигрывают и пропивают Мангазейским служилым и жителям».

В том же отчете Лаптева мы находим ряд любопытных сведений о тундре. Так, относительно области у озера Таймыра он говорит (стр. 44): «По сей тундре, а паче близ моря, лежащие находятся мамонтовые роги, большие и малые, також и другие от корпуса кости». «А на иных реках здешней тундры из берегов вымывает и целые звери мамонты, с обеими рогами; на них кожа толщиной в 5 дюймов, а шерсть и тело истлелые; а прочие кости, кроме помянутых рогов, весьма дряблые... Сей зверь мамонт есть, мнится быть, и ныне в море Северном, на глубоких местах; понеже случалося по самым берегам моря находить роги, ничего в землю не вросшие, о которых уповательно волнами выбивает; а по тундре все роги находятся в земле верхним из острых концов, а тупым концом на верху земли» (стр. 45).

Принимая мамонта за морское животное и находя остатки его в тундре далеко от моря, Лаптев полагал, что «чаятельно быть в прежних годах большим водам в море, что тундру закрывало водою».

Лаптев дает описание растительности низовьев Енисея и Таймырской тундры (стр. 51): ниже Туруханска местами имеется строевой лес, но чем далее к морю, тем его меньше, и состоит он из мелкой лиственницы, но и она кончается под 69° 43′ с. ш., у Крестовского мыса. Далее же нет «никакого лесу стоячего, но токмо плавнику довольно». «Около моря, по всем тундрам, кроме северных мысов, восточного и западного (имеются в виду мысы Челюскина и Лаптева), т.-е. до 74° ширины, на мокрых местах растет тальник [2]), не выше двух дюймов вверх, которой толстыми стеблями стелется по земле, на аршин и меньше, в летнее время, и малой лист издает. А на

[1]) В наказе, данном мангазейским воеводам кн. Василью Мосальскому и Савлуку Пушкину в 1601 г., говорится: «и тобольских и березовских служивых людей, которые с ними посланы, и Литву, и казаков, и стрельцов ото всякого воровства и от убивства унимати, и зернью и карты играти не велети» (Г. Миллер, Описание Сиб. царства. I, 1750, стр. 389).

[2]) Salix.

ных местах, где влажнее земля, растет березник тонкий, кустами, не выше фута, по здешнему зовется ярник [1]), который употребляют Самоеды в лете вместо дров, или есть варят; лист на них в копейку серебряную, больше не бывает летом. От вышеупомянутой ширины (74°) к северу никакого нет лесу, и с нуждою редкая трава выходит».

«Здешней (т.-е. Таймырской) тундры речки, говорит Лаптев, которые известно, что из безлесных мест вышли, на них находится лес плавник гнилой, едва на дрова с нуждою годен; и случилося в 1742 году, в тундре наехать от речек не меньше 10 верст, в параллели 73° ширины, одно дерево гнилое и в земле, подобно с корнем, вверх торчит толщиною в 5 дюймов диаметру, не выше 5 фут над землею» [2]). Лаптев ошибочно принимал эти деревья за наносный лес, принесенный морем, и считал, что прежде море стояло выше: «чаятельно быть в прежних годах большим водам в море, что тундру заливало водою». Правда, в четвертичное время тундра на значительное расстояние от берега была покрыта морем, но следами его являются не те явления, о которых говорит Лаптев, а другие. Так, на острове Нансена (у берегов зап. Таймыра) А. А. Бялыницкий-Бируля нашел раковины четвертичных морских моллюсков (Mya truncata, Astarte, Saxicava, Pecten islandicus и др.) на высоте 35—37 м. над современным уровнем моря [3]). Миддендорф обнаружил раковины Mya truncata, Tellina calcarea, Saxicava rugosa и др. в низовьях Таймыра на высоте 20—60 метров над уровнем реки; встречались они также в расстоянии 200 верст от моря [4]). По Хатанге песчаные отложения морской трансгрессии с остатками раковин доходят на юг до $71^1/_2{}^\circ$ с. ш., подымаясь до абсолютной высоты в 25 метров [5]).

Как известно, в тундре, за много верст не доходя до современной лесной границы, встречаются остатки деревьев, несомненно рос-

---

[1]) Betula nana.

[2]) Зап. Гидрогр. Деп., IX, 1851, стр. 45—46.

[3]) Toll, l. c., p. 374. — А. Бируля. Зап. Акад. Наук, физ.-мат. отд. (8), XVIII, № 2, 1907, стр. XVI.

[4]) Middendorff, IV, 1, p. 250—251. О четвертичной трансгрессии в низовьях Енисея см. у Лопатина, l. c., стр. 15 — 18 и passim, Fr. Schmidt, l. c., p. 17—20, 48—68.

[5]) Толмачев, l. c., стр. 386.

ших здесь на месте. Произрастание лесов в тундре относится, надо думать, к тому более сухому и теплому времени, которое предшествовало современной климатической эпохе и приходилось за несколько тысяч лет до нашей эры [1]). Нахождение пней в тундре отмечено целым рядом наблюдателей (Миддендорф, Фр. Шмидт, Лопатин и др.). На берегу Енисейской губы, близ устья реки Зыряпки, Лопатин нашел под почвой и илом слой с растительными остатками и пнями березы от двух с половиной до трех вершков в отрубе; при чем один ствол березы найден в стоячем положении, корнями вниз, так что дерево это, без сомнения, росло здесь же [2]). А между тем теперешняя граница леса находится на несколько сот верст к югу отсюда. В тундре, в низовьях Енисея, на Селякинском яру, Лопатин обнаружил в слое торфа ствол лиственницы до полуаршина в отрубе и ствол березы с корой [3]). О такого же рода наблюдениях в тундре по Енисею и Енисейской губ. упоминает и спутник Лопатина Ф. Б. Шмидт [4]). В эпоху мамонта, в тундре по реке Гыда (севернее 70° с. ш.) росли лиственницы, полярные березы и ивы, как ныне у Дудинки под $69^1/_3$° с. ш. Шмидт полагает, что это время приходится на теплую послеледниковую эпоху [5]). И. П. Толмачев наблюдал в глинистых и песчано-глинистых тундровых слоях в бассейне Хатанги остатки лиственниц, «иногда в такой форме, что невольно нужно было допустить погребение их почти на месте» [6]).

Без сомнения, в тундрах Сибири встречается выкидной лес не только современный, но и постплиоценовый; последний может оказаться на известной высоте над уровнем моря в результате поднятия берегов, какое испытал север Сибири. Но, по словам Ф. Шмидта

---

[1]) См. об этом Л. Берг, Об изменении климата в историческое время. «Землеведение», 1911, № 3, стр. 72 сл. (также в книге «Климат и жизнь», М. 1922). Напротив, Г. П. Танфильев (Пределы лесов в полярной России. Одесса, 1911, стр. 21—22) полагает, что отступание лесов к югу вызвано заболачиванием, появлением в лесах торфа, а вместе с ним мерзлоты, убивающей дерево; заболачивание есть естественное следствие соседства леса с болотистой тундрой.

[2]) И. А. Лопатин, Дневник Туруханской Экспедиции 1866 г. Записки Геогр. Об-ва по общей географии, XXVIII, № 2, 1897, стр. 87.

[3]) Там же, стр. 124.

[4]) Fr. Schmidt, Wiss. Res. der an den unt. Jenissei ausgesandten Expedition. Mém. Acad. Sc. Petersb. (7), XVIII, № 1, 1872, p. 26.

[5]) Там же, p. 34—35; ср. также p. 76—77.

[6]) И. П. Толмачев, Изв. Геогр. Об-ва, XLVIII (1912), стр. 386.

(l. c., p. 20), плавник в отложениях четвертичной морской трансгрессии представлен обычно щепками, а не цельными лесинами. Высокоствольный же плавник приурочен к современным и древним морским береговым линиям и к берегам рек.

Наконец, Лаптев сообщил данные о приливах и отливах в устье Енисея, Пясины, в Таймырской и Пясинской губах. В устье Енисея прикладной час 5 часов 30 минут [1]), в устье Пясины 3 часа [2]). В Хатангской губе летом разность высокой и низкой воды 4—11 футов, прикладной час 11 ч. 45 м. [3]). Точные сведения о приливах у берегов Таймыра мы получили только благодаря наблюдениям Русской Полярной Экспедиции, произведенным с декабря 1900 по май 1901 года у северного берега зап. Таймыра на рейде «Заря», под 76° 8′ с. ш. и 95° 8′ в. д. от Гринича. На всем протяжении Северного Ледовитого океана, начиная от земли Франца Иосифа и Екатерининской гавани (на Мурмане) и вплоть до Чукотского полуострова, приливы, как известно, полусуточные, т.-е. с двумя полными и двумя малыми водами в сутки. Для устья Анабары это вполне определенно отмечено Прончищевым в августе 1736 года [4]). На рейде «Заря» средняя амплитуда прилива 38 сантиметров, средняя амплитуда сизигийного прилива 53 см., квадратурного 20 см., прикладной час 1 ч. 37 м. [5]). По мере движения на восток амплитуда уменьшается, и в Питлекае (Чукотский полуостров) она в среднем падает до 6 см.

Западное побережье полуострова Таймыра доселе остается одной из наименее известных частей северного берега Сибири. В 1878 г. некоторые дополнения дало плавание «Вега» во главе с Норденшельдом, в 1893 году—плавание Нансена на «Фраме»; больше всего сделано русской полярной экспедицией, корабль которой «Заря» провел зиму 1900—1901 года у западного берега Таймыра под 76° 8′ с. ш., 95° 4′ в. д.; персоналом экспедиции снят берег Харитона Лаптева, архипелаг Норденшельда и Таймырский залив. Командир «Зари»,

---

[1]) Зап. Гидрогр. Деп., IX, 1851, стр. 31.

[2]) Там же, стр. 27.

[3]) Там же, стр. 14—15, 69—72.

[4]) Там же, стр. 11.

[5]) А. М. Бухтеев, Приливы у сибирского побережья Сев. Лед. океана по наблюдениям Русск. Пол. Экп. в 1900—3 г.г. I. Приливы на рейде «Заря» у северного берега Зап. Таймыра. Зап. Акад. Наук по физ.-мат. отд. (8), XXVI, № 4, 1912, стр. 9—10.

лейтенант Коломийцев прошел в 1901 году по берегу моря от рейда «Зари» до острова Диксона. В 1913 году экспедицией под начальством генерала Сергеева и капитана Вилькицкого сняты остров Бегичева и восточный берег Таймыра от устья Хатангской губы и до мыса Челюскина. Восточный берег Хатангской губы, залив Нордвик и губа Анабарская (а также реки Хатанга и Анабара) были сняты в 1905 году топографом М. Кожевниковым во время Хатангской экспедиции И. П. Толмачева [1]). Западный же берег Хатангской губы, а также в значительной части берег между мысом Челюскиным и устьем реки Таймыра до сих пор наносится по данным Камчатской экспедиции.

6. Берега к востоку от Лены.

Лейтенант Ласиниус, которому была поручена опись берега к востоку от Лены, вышел из устьев этой реки на палубном боте «Иркутск» 7-го августа 1735 года. Уже через четыре дня были встречены льды, которые понудили 13-го искать «отстойных мест к зимовью». 14-го августа достигли залива Борхая, недалеко к востоку от Ленской дельты и здесь зазимовали, устроив из выброшенного морем леса казарму. Вскоре открылась цынга, и первой жертвой ее пал сам начальник, умерший 19-го декабря. Вскоре погибло еще 35 человек. Оставшиеся в живых иеромонах, подштурман Ртищев и 7 нижних чинов весною пришли в Якутск.

Вместо Ласиниуса начальником экспедиции в 1736 году был назначен лейтенант Дмитрий Лаптев, достойный брат Харитона. Спустившись по Лене, он уже 18 июля был в заливе Борхая и вступил в командование ботом «Иркутск». Но пройти дальше меридиана мыса Борхая ему не удалось. 14-го августа «по сделанному консилиуму» решили итти обратно в Лену. В низовьях этой реки, недалеко от Булуна, под широтой 70° 40′, и зазимовали. Зимою сильно страдали от цынги, и один из матросов умер. Следующим (1737 г.) летом Д. Лаптев отвел бот в Якутск, а сам поехал в Петербург. Здесь ему было предписано продолжать попытки пробиться к востоку на

---

[1]) Кожевников, Маршрутная съемка бассейна реки Хатанги в 1905 г., Зап. Военно-Топогр. Упр. Ген. Шт., LXIV, отдел I, 1910, стр. 77—100, с картой. См. также И. П. Толмачев, Новые данные по географии северной Сибири. Изв. Акад. Наук, 1910, стр. 989—998.

судне, буде же это окажется совершенно невыполнимым, то ехать с описью берегом до устья Колымы, а отсюда, съездив в Камчатку, взять судно и постараться обойти «Чукотский мыс» с востока на запад.

Пробывши два месяца в Петербурге, Д. Лаптев в марте 1738 года отправился в Сибирь. Раннею весной 1739 года из Якутска был послан матрос Лошкин на собаках, для описи берега от устья Яны до св. Носа (против Ляховского острова), а геодезист Киндяков для съемки р. Индигирки от верховьев до устья. Лаптев же из Якутска на том же боте «Иркутск» спустился по Лене и 5-го июля (1739 г.) вышел в море. Только через месяц он подошел к мысу Борхая, где снова оказались густые льды. Впрочем, поплыли дальше, прорубаясь и проталкиваясь через лед. 7-го августа достигли устья Яны. 14-го миновали мыс св. Нос, широта которого принята в 72° 50′, тогда как по астрономическому определению лейтенанта Давыдова в 1912 году она равна 72° 52′. Потом следовали на восток с тихим и попутным ветром, не встречая льдов вплоть до 18-го. С этого дня началась непогода, ветра сделались свежими и противными, нанесло много льду. 22-го августа пришли к устью Индигирки. Отсюда послали на берег для разведок матроса и лоцмана; ждали их шесть дней, но они не вернулись. 28-го пошли дальше и, пройдя еще 18 миль, снова посылали на берег лодки, из коих одна снова не вернулась. 1-го сентября все море замерзло, но через четверо суток ветром разломало лед, и судно понесло в море. Так его несло сорок верст, когда ветер переменился, и явилась возможность пойти обратно к берегу. 9-го сентября посланные на берег вернулись с радостным известием, что «Иркутск» находится у восточного устья реки Индигирки, и привезли посланных ранее людей, считавшихся погибшими. Эти несчастные едва не погибли тут с голоду и холоду, питаясь травою и песцами. Попытки ввести «Иркутск» в устье Индигирки оказались тщетными. Поэтому команду начали перевозить на берег, отстоявший в 14 верстах. Перевозку закончили к 22-му сентябрю (1739 г.). Зимой и весной следующего года матрос Лошкин и топограф Киндяков сняли берег от Индигирки до Колымы, штурман Щербинин описал реку Яну, а Лаптев—Хрому. С зимовки Д. Лаптев послал Адмиралтейств-Коллегии съ матросом Лошкиным донесение, в котором писал, что пройти морем от Анадыря до Колымы вряд ли удастся. На это Лаптеву было в июне 1740 года предписано, если окажется возмож-

ным, обойти Чукотский нос водою, а если, за препятствием от льдов, водою итти будет невозможно, то сухим путем. Но еще задолго до получения этой инструкции Лаптев начал в июне 1740 года готовиться к новому походу. Нужно было вывести вмерзшее в лед судно в безопасное место. Для этого, с помощью команды и 85 инородцев, прорубили во льду канал длиной в версту. Толщина льда была от 5 до 7 футов, и работа эта потребовала трех недель. Но едва судно вывели на чистую воду, как льдами его выкинуло на мель. Пришлось совершенно разгрузить судно. Только к 29-му июля могли привести «Иркутск» в надлежащий вид и через два дня отправились к востоку, сопровождаемые всюду тяжелыми льдами. 4-го августа достигли Среднеколымского устья, а 14-го подошли к Большому Баранову Камню. Отсюда начинались сплошные льды, почему решено было повернуть назад. 23-го августа остановились на зимовку в устье реки Колымы, у Нижнеколымска, состоявшего тогда из 11 дворов. Осенью геодезист Киндяков был послан на Колыму для описи ее, штурман же Щербинин отправлен на Анадырь для осмотра дороги туда по случаю предполагавшейся описи этой реки.

В следующее лето 1741 года Д. Лаптев опять сделал попытку пройти на восток. Хотя лето было очень теплое, но и эта попытка не увенчалась успехом. 25-го июля подошли к Большому Баранову Камню, но уже на другой день льды принудили возвратиться. Через несколько дней опять подходили сюда, но снова продвинуться дальше не могли. 6-го августа «учиня консилиум, что за вышеобъявленными препятствиями прибыть на Камчатку невозможно, возвратились в реку Колыму, и впредь на оное море ботом не выходить». 10-го августа вернулись к месту прежней зимовки, в устье Колымы. Отсюда Лаптев в конце октября отправился на 45 нартах собак на Анадырь, в Анадырский острог. Перегрузившись по дороге на оленные сани, он 17-го ноября прибыл в Анадырск, где тогда было довольно многочисленное население: 632 души коряков и юкагиров. Построив здесь весной 1742 года две лодки, он произвел летом съемку реки Анадыря вплоть до устья. Затем вернулся в Нижнеколымск, а отсюда в начале 1743 года в Якутск. В декабре этого года Д. Лаптев уже был в Петербурге.

Таким образом, в течение 10 лет был положен на карту весь северный берег России от Белого моря до Большого Баранова мыса.

Теперь проследим, что сделано на севере после работ Прончищева и Д. Лаптева. Берег от устья Яны до устья Оленека описали в 1822 году штурманы Ильин и Бережных в составе экспедиции Анжу, от устья Яны до устья Индигирки в 1821 году Анжу и Бережных. В 1821—23 годах Анжу сделал съемку Ново-Сибирских островов. Берег между устьями Колымы и Индигирки описал в 1821 году штурман Козьмин в составе экспедиции Врангеля.

В 1761—62 году купец Шалауров и мореход Бахов прошли из устья Яны морем на восток до Чаунской губы. Им мы обязаны съем-

Рис. 23. Моржи в Сибирском Ледовитом море (из «Азиатск. России»).

кой берега от устья Колымы вплоть до юго-восточной оконечности острова Аион [1]). «Карта плавания купца Шелаурова на собственном его судне от реки Лены до реки Колымы в 1761 году, а оттуда до Шелагского мыса в 1762 году» имеется в Архиве Главного Гидрографического Управления (№ 1358). В 1764 году отважный Шалауров снова предпринял путешествие к Шалагскому мысу, но обратно не вернулся. В 1823 году спутник Врангеля, Матюшкин, нашел

[1]) О плавании Шалаурова см. P. P a l l a s, Neue Nord. Beytr. I, 1781, p. 285—287.—В р а н г е л ь, Путеш. по Сибири и Ледов. морю, I, 1841, стр. 84—92; II, 1841, стр. 313—314.

зимовку Шалаурова (1764 — 65 г.) к востоку от устья реки Веркон.

В 1778 году Кук, пройдя через Берингов пролив, достиг на северо-западе мыса Северного или Рыркайний. Это плавание побудило русское правительство послать на северо-восток Сибири в 1785 году экспедицию во главе с Биллингсом и Сарычевым. Биллингсом в 1791 г. отправлен сержант Гилев, который описал берег от губы св. Лаврентия до острова Колючина. Сам же Биллингс описал Колючинскую губу. Берег от устья Колымы до острова Колючина снят в 1821—23 г г. Врангелем и Матюшкиным, между Беринговым проливом и мысом Сердце-Камень—Шишмаревым в 1821 году. Наконец, можно упомянуть, что в 1909 году берег от дельты Колымы до мыса Дежнева снят военным топографом Н. Я. Кожевниковым и геодезистом Э. Ф. Вебером во время Чукотской экспедиции [1]).

---

[1]) См. карту в книге И. П. Т о л м а ч е в а, По Чукотскому побережью Ледовитого океана, СПБ. 1911.

VII. Литература об экспедициях Беринга.

Экспедиции Беринга, особенно вторая, в свое время считались секретными, и вначале сведения о них были очень мало распространены.

1. Первая экспедиция.

Первое печатное известие о первой экспедиции Беринга (1725—29 гг.) появилось в 1735 году в Париже на французском языке в 4-м томе сочинения иезуита Du Halde, «Description... de la Chine...», где на стр. 452—458 помещено: «Relation succinte du voyage du capitaine Beerings dans la Sibérie». К этому сочинению приложена, между прочим, карта под заглавием: «D'Anville. Carte des pays traversés par le Cap-ne Beerings depuis la ville de Tobolsk jusqu'à Kamtschatka», составленная картографом Д'Анвилем в 1732 году по материалам, сообщенным ему из Петербурга Иосифом Делилем. Та же карта помещена в атласе д'Анвиля «Atlas général de la Chine», вышедшем в Париже в 1735 году. Среди бумаг И. Делиля, хранящихся в Bibliothèque Nationale в Париже, имеется и копия карты первого путешествия Беринга, найденная там Гастоном Каан (Cahen) [1]. Подлинник 1730 года воспроизведен в брошюре Л. Багрова «Карты Азиатской России». Петроград, 1914, стр. 19 (перепечатано в моей статье в «Зап. по Гидрогр.», II, в. 2-й, 1919). Донесение Беринга императрице напечатано впервые в 1847 году (см. ниже список литературы); перепечатано целиком в книжке Вахтина 1890 г., стр. 86—96; здесь же на стр. 4 — 73 напечатан подлинный журнал мичмана Чаплина, плававшего с Берингом по Берингову проливу.

[1]) G. Cahen, Les cartes de la Sibérie au XVIII-e siècle. Nouv. Arch. des missions scientifiques et littéraires. Nouv. série. Fasc. I, Paris, 1911, p. 174, note 1.

7-го августа 1736 года кабинет ее величества истребовал от Академии Наук ряд сибирских карт; среди прочих карт посланы: «Карта писана чрез Шестакова» (1726 г.). а также «Морская карта первой экспедиции морем и сушею капитана Беринга (sic)» [1]).

2. Вторая экспедиция.

Подробного отчета о второй экспедиции также не появлялось. Подлинные шханечные журналы экспедиции 1733 — 43 годов были отосланы в 1754 году сибирскому губернатору Мятлеву в Иркутск по случаю предполагавшегося возобновления экспедиции, откуда в 1759 году пересланы в Тобольск губернатору Соймонову, где, как полагают, сгорели в 1788 году [2]). Копии шханечных журналов, а равно некоторых карт, сохранялись в Архиве Главного Гидрографического Управления в Петрограде. Здесь же были копии карт, снятых Берингом, Чириковым, Шпанбергом и Вальтоном. В конце войны значительная часть этих материалов была для сохранности отправлена в Ярославль, где, повидимому, сгорела во время пожара летом 1918 года, при подавлении восстания белогвардейцев. Однако, точных сведений по этому вопросу я не мог получить в Главном Гидрографическом Управлении, ибо архив не приведен в порядок. Некоторые из журналов, например, Пронщева, Хар. Лаптева были в моих руках в мае 1921 года. Попытки мои получить доселе неопубликованные журналы Хитрова и Вакселя не увенчались успехом. Государственный Архив, где находится оригинал Хитрова [3]) и копия с журнала Вакселя, разгромлен при временном правительстве: часть отправлена в Москву, часть в Кирилло-Белозерский монастырь, а третья, оставшаяся в Петрограде, находится в хаотическом состоянии. Имевшаяся в Академии Наук копия рукописи Вакселя отослана в Саратов и досели не вернулась. В Архиве Главного Гидрографического Управления по описи значится копия журнала Вакселя. но отыскать ее оказалось невозможным.

---

[1]) К. Свенске, Материалы для истории составления атласа Российской Империи, изданного Императорской Академией Наук в 1745 г. Зап. Акад. Наук, IX, приложение № 2, 1866, стр. 138.

[2]) Соколов, 1851, стр. 196, 468.

[3]) Журнал флотского мастера Софрона Хитрова излагает на 131 листе события с 23 апреля 1741 г. по 29 июня 1743 г.

В 1891 году Е. А. Бихнеру удалось найти в библиотеке Царскосельского дворца большую рукопись Вакселя на немецком (весьма плохом) языке, повидимому, перевод вышеупомянутого журнала. Царскосельская рукопись озаглавлена: «Auszug So wohl, aus meine, als aus andere Officiers, auf den Kamschatsischen Expedition hallende Journalen, welche A° 1733 Von St. Petersburg, abgefärtiget wurde; worinnen Ist in der Kürtze andeführet, die Absichten dieser Expedition, dassen fortsetzung, neue Entdeckungen, Zustossende unglücksfälle und Endigung; welches durch ein geschicktere Feder, wie der meinige; deutlicher, umständlicher, wie auch weit läufiger kan ausgeführet werden, ohne etwas Von der Materia, oder Sache an sich selbsten zu Verendern von Swen Waxell Capitain von der Flotte zu Russland». Так как Ваксель был произведен в капитаны только 20-го ноября 1749 года, то рукопись составлена или переписана не ранее конца этого года. Как она попала в библиотеку дворца, неизвестно. К ней приложена карта открытий во время плавания 1741 года с изображениями морской коровы, сивуча, морского кота и американца, а кроме того таблица размерами $32^1/_2 \times 39$ см с изображением морской коровы, котика и сивуча. Копии с изображений животных воспроизведены в 1891 году Е. А. Бихнером (Mém. Acad. Sci. Pétersbourg (7), XXXVIII, № 7). Благодаря любезности библиотекаря Птргр. Университета Е. А. Вознесенской, я имел возможность в 1922 году получить эту рукопись.

После возвращения с Берингова острова, в 1742 году, Вакселем была послана в Адмиралтейств-Коллегию карта плавания Беринга; копия с нее хранится в архиве Главного Гидрографического Управления (№ 1940) и носит название: «Карта сочиненная видимой земли американской и с островами вновь сысканными, под командою бывшаго Гдина капитана командора Беринга. С журнала лейтенанта Вакселя кампаний 741 и 742 годов». На этой карте есть изображения, под которыми подписано: «морская корова», «кот морской», «лев морской или сивучь» и «американец в нерпичей кожанои лотке» [1]). Уменьшенная в 2,7 раза, копия этой карты впервые опубликована

[1]) Она описана П. Пекарским в Зап. Акад. Наук, XV, 1869. В составленном Б. Эвальдом Каталоге атласов и карт, хранящихся в депо морских карт и книг Гл. Гидрогр. Управления Мор. М-ва. П. 1917 (Прилож. к Зап. по Гидрогр.) я не нахожу указаний на эту карту (ср. стр. 59, 116, 145).

в 1893 году в Морском Сборнике № 5. Подобная карта есть и в вышеупомянутой рукописи Вакселя.

В Главном Гидрографическом Управлении хранился ряд карт, подлинных или копий, относящихся до описей, сделанных во время Камчатской экспедиции Берингом, Чириковым, Шпанбергом, Лаптевым, Прончищевым и др. (см. у Эвальда).

8-го апреля 1746 года в Академию Наук поступило такое повеление из императорского кабинета: «имеющиеся при Академии карты камчатской экспедиции черные и белые и на почтовой бумаге сделанные, все, какие есть письменные ли или печатные, не оставливая ничего, также и недавно присланные в Академию от адъюнкта Стеллера репорты и описания той же экспедиции, каковы оные есть и с реестром, с чем от него присланы—взнесть в кабинет ее императорского величества» [1]).

Картографические данные плаваний Беринга и Чирикова к берегам Америки использованы впервые, насколько мне известно, в книге Ph. Buache. «Considerations geographiques et physiques sur le nouvelles decouvertes au nord de la Grande Mer, appelée vulgairements la Mer du Sud». Paris, 1753, 158 p. + 18 p., 4°, с 17 картами. Здесь имеются, между прочим, карты: 1) «Carte des nouvelles découvertes au nord de la Mer du Sud, tant à l'est de la Siberie et du Kamtchatka, qu'à l'ouest de la Nouvelle France». Dressée sur les mémoires de Mr De l'Isle, professeur royal et de l'Académie des sciences par Ph. Buache de la même Académie et presentée à l'Académie dans son assemblée publique du 8 avril 1750; 2) «Carte des nouvelles découvertes entre la partie orientale de l'Asie et l'occidentale de l'Amerique avec des vuës sur la Grande Terre reconnuë par les Russes en 1741».

Описи Курильских островов и Японии, произведенные Шпанбергом, впервые изображены на карте, составленной J. M. Hasius'ом в 1743 году; она носит название: «Kaart van het geheele Russische Keizerryk mitsgaders groot en klein Tataryen... vermeerdert met nieuwe Ontdekkingen int Jaer 1739 door den Kapitain Spangenberg gedaen Utrecht 1743». Карта эта приложена к книге: «Oude en nieuwe Staat van't Russische of Moscowische Keyzerryk». Utrecht, 1744, 4°. По-русски съемки Шпанберга и Вальтона использо-

[1]) П. Пекарский, История Академии Наук. I, СПБ. 1870, стр. 344.

ваны на карте № 19 в «Атласе Российском» 1745 г., изданном Академией Наук.

Соколов в 1851 году дал карту путей Беринга и Чирикова 1741 г., составленную с копий подлинных карт: Беринга, вычерченной Вакселем и Хитровым, и Чирикова, сделанной им самим. Далее у Соколова имеется карта путей Шпанберга и Вальтона 1738—39 г.г. со съемкой Курильских островов и Японии, с копии подлинных карт и, наконец, карта острова Каяк с подлинного плана Хитрова. Фотографический снимок с подлинной карты Шпанберга (съемки 1738—39 г.г.) напечатан впервые Е г е р м а н о м в 1914 году при стр. 448. А н д р е е в ы м в 1893 г. дана копия карты плавания Беринга к берегам Америки, снятая с подлинной 1744 г., и копия карты плавания Чирикова (с позднейшими добавлениями).

Съемки северных берегов Сибири использованы отчасти в «Атласе Российском» 1745 г. Отчасти же они нанесены и Г. М и л л е р о м на карту, изданную Академией Наук в С.-Петербурге в 1754 году под названием: «Nouvelle carte des découvertes faites par des vaisseaux Russiens aux côtes inconnues de l'Amerique septentrionale avec les pais adiacents. Dressée sur des mémoires authentiques de ceux, qui ont assisté à ces decouvertes, et sur d'autres connoissances, dont on rend raison dans un mémoire separé». С ничтожными исправлениями перепечатанная в 1758 году, эта карта должна иллюстрировать статью Г. Миллера в «Сочинениях и Переводах» за 1758 год [1]). Значительно более влияния оказали съемки Камчатской экспедиции на изображение северных берегов Сибири на картах Трескота, выпущенных им в Петербурге в 70-х годах XVIII столетия.

Переходим теперь к печатным известиям о второй Камчатской Экспедиции.

В «Gazette de France» от 16-го ноября 1743 года помещено сообщение из С.-Петербурга от 20-го октября о кораблекрушении и смерти Беринга на острове, о возвращении Стеллера и части команды на Камчатку, о достижении Чириковым берегов Америки. Далее, краткие данные мы находим во втором томе «Путешествия» Гмелина (1752).

---

[1]) Подробности об этой карте см. у Г. М и л л е р а, Сочин. и Перев., 1758, ч. 2, стр. 401—423. Также у C a h e n, l. c., p. 270—272. Благодаря любезности Л. С. Багрова, я располагаю фотографической копией с карты издания 1758 года.

Краткие и в значительной степени неверные сведения сообщаются в брошюре: (G.) De l'Isle. Explication de la carte des nouvelles découvertes au nord de la Mer du Sud. Paris, 1752, 18 pp., приложенной к вышеупомянутой книге Ph. Buache, 1753. Более точно рассказал об экспедиции Г. Миллер сначала в анонимной полемической брошюре, направленной против Г. Делиля и выпущенной в Берлине в 1753 году под заглавием: «Lettre d'un officier de la marine Russienne à un Seigneur de la Cour» [1]), а затем обстоятельнее в «Сочинениях и Переводах» за 1758 г. Наиболее же полный отчет дал А. Соколов в 1851 году.

3. Список литературы об экспедициях Беринга.

Андреев, В. Документы по экспедиции капитан-командора Беринга в Америку, в 1741 г. Морской Сборник, 1893, № 5 стр. 1—16, с 2 картами.

Донесение флота капитана Беринга об экспедиции его к восточным берегам Сибири. Зап. Военно-Топогр. Депо, X, 1847, стр. 69—79.

Берг, Л. С. Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука. Записки по Гидрографии, II (1919).

Берх, Василий. Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкою? и совершенное в 1727, 28 и 29 годах под начальством флота капитана 1-го ранга Витуса Беринга. С присовокуплением краткого биографического сведения о капитане Беринге и бывших с ним офицерах. СПБ. 1823, 126 стр., с картой.

Бэр, К. Заслуги Петра Великого по части распространения географических знаний. Зап. Геогр. Об-ва, III, 1849; IV, 1850.

Baer, K. E. Peter's des Grossen Verdienste um die Erweiterung der geographischen Kenntnisse. Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reich., XVI, 1872, p. XV + 291.

Вахтин, В. Русские труженики моря. Первая морская экспедиция Беринга для решения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой. СПБ. 1890, стр. IV + 124.

---

[1]) Она перепечатана в Nouvelle Bibliothèque Germanique, vol. XIII. Переведена также на немецкий и английский языки.

Врангель, Ф. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю в 1820—24 г.г. СПБ. 1841, часть I, стр. 36—84.

Gmelin, J. G. Reise durch Sibirien. Göttingen, I, 1751 (во введении некоторые сведения о 1-й экспедиции); II, 1752.

Golder, F. A. Russian expansion on the Pacific 1641—1850. Cleveland (Ohio), 1914, pp. 368.

Dall, Wm. H. A critical review of Bering's first expedition, 1725—30, together with a translation of his original report upon it. National Geographic Magazine, II, № 2, 1890 p. 1—59 (оттиска) с картой. (Перевод донесения Беринга из Зап. Воен. Топ. Депо, X, с подробным разбором положений судна «св. Гавриил» во время плавания 1728 года).

Du Halde. Description géographique, historique... de la Chine et de la Tartarie chinoise. Paris, 1735, vol. IV, 4°, p. 452—458, с картой.

Ерман, Э. «Путь до Япон». Записки по Гидрографии, XXXVIII, в. 3, 1914, стр. 446—456 с копией карты Шпанберга.

Крашенинников, С. Описание земли Камчатки. СПБ. 1755, 2 т.: 18 + 438 стр. с картами и 4 + 319 стр. Изд. Акад. Наук.

Лаптев, Х. Описание, содержащее от флота Лейтенанта Харитона Лаптева в Камчатской экспедиции, меж реками Лены и Енисея, в каком состоянии лежат реки, и на них всех живущих промышленников состояние. Зап. Гидрогр. Департ., IX, 1851, стр. 8—58.

Литке, Ф. Путешествие вокруг света на военном шлюпе Сенявине 1828—29. Отделение мореходное. СПБ. 1835 (разбор 1-го плавания Беринга).

Миллер, Г. Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПБ. 1758, май, стр. 387 — 397; июль, стр. 9 — 32; август, стр. 99 — 129; сентябрь, стр. 195—232; октябрь, стр. 309—336 (то же по-немецки: G. Müller. Sammlung russischer Geschichte, Bd. III, 1758).

Некарский, П. Архивные разыскания об изображении несуществующего ныне животного Rhytina borealis. (Со снимком старинного изображения Rhytina borealis). Зап. Акад. Наук, XV, прил. № 1, 1869, стр. 33 (здесь напечатано донесение Стеллера сенату о плавании в Америку, отрывки из журнала Хитрова и др.).

Полонский, А. С. Первая камчатская экспедиция Беринга 1725—29 года. Зап. Гидрогр. Департ., VIII, 1850, стр. 535—556.

Сарычев. О плавании Российских морских офицеров из рек Лены, Оби и Енисея, также и от города Архангельска к востоку по Ледовитому морю с 1734 по 1742 г. Зап. Адмиралт. Департ., 1820, ч. 4, стр. 306—378.

Соколов, А. Берег Ледовитого моря между рек Оби и Оленека. По съемке 1734—42 г. Зап. Гидрогр. Департ., IX, 1851, стр. 1—77, с картой (здесь, между прочим, напечатаны записки Х. Лаптева о берегах между Леной и Енисеем).

Соколов, А. Северная экспедиция 1733—43 года. Там же, стр. 190 — 469, с картами.

Соколов, А. Таймурский полуостров. Сведения о нем, собранные за 100 лет. Вестник Русского Географ. Общества, 1851, ч. I, кн. 2, отд. VI, стр. 79—88 (по данным Х. Лаптева).

Steller, G. W. De bestiis marinis Novi Comment. Acad. Petropol., II (1749), Petropoli, 1751, p. 289—398, с таблицей, изображающей морского бобра.—Переведено на немецкий язык в книжке: G. W. Steller's ausführliche Beschreibung von sonderbaren Meerthieren. Halle, 1753, pp. XX + 218, с табл.

Steller, G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohnern, deren Sitten, Nahmen, Lebensart und verschiedenen Gewohnheiten, herausgegeben von J. B. S(cherer). Frankfurt und Leipzig, 1774, p. VIII + 24 + 384 + 72 + IV, с картой и рис.

Steller, G. W. Topographische und physikalische Beschreibung der Beringsinsel, welche im östlichen Weltmeer an der Küste von Kamtschatka liegt. Neue Nordische Beyträge, II, 1781, p. 255—301.

Steller, G. W. Tagebuch seiner Seereise aus dem Petripauls Hafen in Kamtschatka bis an die westlichen Küsten von Amerika, und seiner Begebenheiten auf der Rückreise. Neue Nordische Beyträge, V, 1793, p. 129 — 236; VI, 1793, p. 1 — 26 (то же отдельно под заглавием: Reise von Kamtschatka nach Amerika mit dem Commandeur-Capitän Bering. St.-Petersburg, 1793, 133 pp.).

Прибавление к стр. 211.

Во время стоянки корабля «Maud» у берегов Таймыра Свердруп сделал 6 и 7 мая 1919 г. астрономическое определение мыса Челюскина; оно дало 77° 43′ с. ш. и 103° 17′ в. д. (см. Amundsen. Nordostpassagen. Kristiania, 1921, p. 163, 167).

Указатель имен лиц.

Аббе (Abbe, Cl.) 123.
Агнезе, Баттист 192.
Алексеев, Федот 6.
Амундсен, Р. 212, 234.
Андреев, В. 231, 233.
Анжу 225.
Антипин 56, 58, 59, 60.
Анучин, Д. Н. 190.
Анцыферов, Дан. 41, 42, 43.
Арсеньев, Ю. 23, 24.
Атласов, Владимир 6, биография 7; 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 18, 20, 23, 24, 25, 26, 27, 31, 32, 34, 39, 45.

Багров, Л. С. 5, 194, 195, 196, 227, 231.
Бартольд, В. В. 38.
Бахов, мореход 225.
Башмаков 185.
Бекетов, Петр 190.
Бем, командир 56.
Берг, Л. С. 23, 45, 63, 69, 76, 142, 145, 220, 232.
Бережных, штурман 199—200, 225.
Беринг, Витус 45, 46, 47, 63—158, его биография 64; 160, 182, 183, 184, 197, 201, 206, 227—232.
Берх, В. 3, 128, 232.
Бечевин 130.
Бианки, В. Л. 96, 180.
Биллингс 100, 101, 226.
Бихнер, Е. А. 160, 171, 174, 229.
Богораз, В. Г. 31, 40, 58, 73, 74, 113.
Брагин, Д. 172.
Брейтфус, Л. Л. 212.
Брукс (Brooks, A.) 123, 184.
Брюс 35, 36.
Бугор, Вас. 190.
Буза, Елисей 190—191.
Бухтеев, А. М. 211, 221.
Бялыницкий-Бируля, А. А. 165, 219.

Бюаш (Buache, Ph.) 230, 232.
Бэр, К. М. (Baer, K. E.) 171, 173, 211, 232.

Ваксель, Свен 77, 80, 95, 98—99, 132, 136, 137, 142, 143, 144, 148, 151, 153, 154, 156, 160, 170, 171, 174, 175, 228—230.
Вальтон 77, 86, 91—94, 228, 230, 231.
Ванкувер (Vancouver, G.) 100, 128.
Васютинский, Петр 171.
Вахтин, В. 67, 70, 227, 232.
Вебер, Фр. Хр. 35, 36, 47.
Веер (Veer, G.) 189.
Вениаминов, И. 73, 101, 102, 104, 125, 130, 133, 134, 135, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 164, 165, 177, 179, 185.
Верман, Ф. К. 102, 105.
Вид, Антон (Wied, A.) 193.
Вилькицкий, А. И. 203.
Вилькицкий, Б. А. 212, 222.
Витсен, Н. 196, 205.
Власов, В. А. 16, 122, 123, 163, 164.
Вознесенская, Е. А. 229.
Волков, Ф. К., и Руденко, С. И. 151.
Воронихин, Н. Н. 97.
Врангель, Ф. П. 73, 102—3, 104, 105, 116, 177, 225, 233.

Газиус (Hasius, J. M.) 230.
Гали (Gualle) 101.
Гама 85.
Ганн (Hann, J.) 122.
Герасимов, Дмитрий 192, 193.
Герберштейн, С. 193.
Геродот 27, 189.
Герриц Гессель 194.
Герье, Вл. 61, 62, 63.

Геснер 129.
Гилев, сержант 226.
Глотов, Степан 114, 117, 128, 142, 143. 146, 184—5.
Гмелин, Иоганн 77, 78 (биогр.), 79, 81. 82, 83, 205, 233.
Годж (Hodge, E.) 102.
Годунов, Петр 5, 194.
Голицын, Н. В. 77.
Головин, кап. 105, 124, 125.
Головин, Петр, воевода 191.
Гольдер, Ф. (Holder, F.) 45, 85, 184, 233.
Гольмберг (Holmberg, H.) 102, 105, 108, 111, 113, 114, 116, 117, 118, 128. 146.
Гоман 182.
Гонза, японец 37.
Гребницкий, Н. 177.
Гревинск, К. 101.
Григорьев, А. В. 196.
Гринель (Grinell G. B.) 113, 120.
Гумбольдт, А. 101.

Давыдов 73, 104, 111, 112, 115, 146, 147.
Давыдов, лейт. (1912) 223.
Далль (Dall, W. H.) 68, 100, 102, 103, 106, 137, 233.
Д'Анвилль 70, 227.
Дежнев, Семен 192.
Дезин-фон 204.
Делиль, Г. (De l'Isle, G.) 232.
Делиль, Иосиф 76, 77, 85, 182, 227.
Делиль-де-ла-Кройер 77, 82, 83, 95. 186.
Дементьев, Абрам 96, 183—4.
Депбей, японец 28, 30, 31, 32, 33, 34.
Державин, А. Н. 16.
Дженкинсон, Антон 193.
Джордэн (Jordan, D. S.) 177.
Дитмар, К. 11, 16, 17, 20.
Долгоруковы, кн. 201.
Дудин, С. М. 12.
Дьяков, Федор 189.
Дю-Гальд (Du Halde) 70, 227.

Евреинов, Иван 52, 53.
Егерман 86, 89, 231, 233.
Едемский, М. Б. 12.
Елагин, Иван, штурман 96, 186, 187.
Еленкин, А. А. 97, 113.
Елисеев, С. Г. 32, 34, 35, 60, 88.
Ерастов, Иван 191.

Загоскин, Н. 26, 65.
Замысловский, Е. 189, 192, 193.
Зеберг, Ф. Г. 211.

Иванов, Рагозин, Нахтусов и Бережных 199—200.
Иванов-Постник 191.
Измайлов и Бочаров 101, 104, 110, 115, 117, 120, 124.
Ильин, штурман 225.
Иннокентий, митр., см. Вениаминов.
Йохельсон, В. И. 5, 10, 74, 113, 133, 134, 142, 151, 208.

Каан (Cahen, G.) 196, 227, 231.
Казимеров, штурман 91, 93.
Кастрен (Castren, A.) 217.
Килер (Keeler, Ch.) 126, 128.
Кондяков, геодезист 223, 224.
Кириллов, Ив. 76.
Кодою, японец 60.
Кожевников, Н. Я. 222, 226.
Козыревский, Иван (Игнатий) 41—48, 54.
Козьмин, штурман 225.
Кокс (Coxe, W.) 114, 126, 135, 143.
Колесов, Вас., пятидесятник 14, 40, 43, 44.
Коломийцев, лейт. 222.
Колчак, А. В. 209.
Комаров, В. Л. 17, 18, 97.
Кордт, В. 194.
Коцебу (Kotzebue, O.) 124.
Красильников 77.
Краузе, А. 11, 108, 111, 113, 114, 115, 116, 120.
Крашенинников, Ст. 6, 7, 8, 9, 10, 11, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 27, 30, 38, 39, 41, 48, 49, 50, 52, 53, 57, 58, 73, 74, 83, 90, 92, 111, 112, 114, 129, 136, 142, 148, 160, 168, 173, 175, 233.
Крепицын и Левашев 141, 143.
Кривошапкин, М. 12, 208, 216, 217.
Кук (J. Cook) 100, 101, 226.
Курбский, Федор 188.
Кушелевский, Ю. П. 27, 73, 200, 214.

Лагус, В. 60, 101.
Лазарев 186.
Лаксман, Адам 60.
Лаксман, Кирилл (Эрик) 60, 101.
Лангсдорф (Langsdorff, G.) 117, 141, 144, 152.
Лаперуз 184.
Лаптев, Дм. 77, 223—5.
Лаптев, Харитон 77, 202, 203, 206—222, 228, 233.
Ласиниус 77, 203, 222.
Лебедев-Ласточкин 56, 58, 59.
Левашев 141, 143, 144, 151.
Лейбниц 61—63.

Линней 97.
Линсхотен (Linschoten, J. H.) 189.
Лисянский, Ю. 115, 116, 124.
Литвинов, Д. И. 180.
Литке, Ф. 98, 124, 233.
Лопатин, И. А. 209, 210.
Лошкин, матрос 223.
Лужин (Лузин), Федор 52, 53.
Лэцкий, Иван 193.

Маевский, И. 125.
Малыгин, С., лейт. 77, 198—199.
Масса, Исаак 190, 194, 195, 205.
Матюшкин 226.
Медведев, боцман мат. 209.
Мессершмидт 197, 205.
Меховский, Матвей 192.
Миддендорф, А. 205, 208, 209, 211, 215, 216, 220.
Миллер, Г. 6, 7, 8, 21, 22, 26, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 48, 50, 51, 52, 54, 75, 76, 77—78 (биография), 81, 82, 83, 86, 87, 88, 90, 91, 92, 118, 120, 136, 138, 142, 143, 144, 150, 152, 159, 160, 187, 189, 190, 218, 231, 232, 233.
Мишин 77, 201, 202.
Миронов, Осип 160.
Михов (Miechow, H.) 193, 194.
Морозевич, И. 162.
Морозко, Лука 8, 9.
Муравьев, лейт. 77, 197—8.

Най, Корнелий 189.
Нансен, Фр. 209, 212 (у м. Челюскина), 221.
Наседкин, Мих. 40. 159.
Неводчиков, Мих. 133, 135.
Нельсон (Nelson, E. W.) 115, 117, 136.
Новаковский, кап. 48.
Новгородов, приказчик 37, 66.
Норденшельд, А. 171, 189, 194, 197, 211—213 (м. Челюскина), 221.

Овцын, Д. Л. 95, 200—201.
Оглоблин, Н. Н. 7, 23, 25, 28, 30, 191, 192.
Огородников, В. 191.
Осгуд (Osgood, W.) 110, 126, 128.

Павлов, лейт. 77, 197—8.
Павлуцкий 142.
Паллас, П. С. 114, 116, 117, 126, 128, 135, 140, 143, 144, 147, 155, 160, 172, 173, 174, 180, 225.
Патканов, С. К. 10, 216, 217.
Пекарский, П. 77, 78, 79, 81, 160, 229, 230, 233.
Переломов, Григ. 43.
Петр Первый 21, 28, 36, 52, 53, 54, 61, 62, 63, 64.
Петров, Иван 102, 107, 120.
Плаутинг 96, 186.
Плениснер 55, 95, 97, 112, 155, 168.
Позднеев, Д. 42, 56, 58, 59, 60, 88.
Полонский, А. 39, 41, 44, 46, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 59, 60, 63, 74, 133, 143, 146, 186, 233.
Поморцев, Дамиан 37, 38.
Попов 77.
Постник-Иванов 191.
Прончищев 77, 203, 204, 221, 225, 228, 230.
Прончищева 204.
Прянишников, геодезист 200.

Радлов, Л. 106.
Ратнер-Штернберг, С. А. 117.
Ратцель, Фр. 58.
Ребров, Иван 191.
Ремезов, Семен 196—197.
Ртищев, подштурман 222.
Рупрехт, Ф. 51.
Рычков, К. 217.

Савельев, боцман 183.
Савостьянов, Вас. 21, 40.
Садуорс (Sudworth) 98.
Сана, Сан, японец, 44.
Санима 35.
Сарычев 100, 107, 118, 120, 128, 141, 144, 147, 148, 150, 152, 226, 234.
Свенске, К. 228.
Свердруп 234.
Сгибнев 7, 10, 37, 38, 45, 46, 53, 54, 66.
Селифотнов, геодез. 198.
Сергеев, ген. 222.
Скобельцын, геодезист 82.
Скуратов, лейт. 77, 199.
Словцов, П. 8, 47.
Споу, кап. 48.
Соза, японец 37.
Соймонов, губерн. 55, 228.
Соколов, А. 70, 72, 76, 77, 82, 84, 85, 86, 88, 90, 91, 94, 95, 100, 128, 141, 158, 182, 184, 185, 197, 200, 205, 210, 211, 213, 228, 231, 232, 234.
Соколов, Кузьма 21.
Спасский, Г. 7, 15, 44, 47, 195, 196.
Спафарий, Ник. 23, 24.
Срезневский, И. И. 25.
Стадухин, Мих. 191—2.
Старокадомский, Л. 212.

Стейнегер (Stejneger, L.) 155, 160, 161, 162, 163, 164, 171, 177, 180.
Стеллер, Г. В. 6, 7, 17, 21, 30, 40, 48, 50, 54, 72, 74, 77, 79—81 (биография), 95—182 (плавание к Америке и обратно), 208, 230, 231, 233, 234.
Стерлегов, подштурман 200, 202.
Сторожев, Николай 54, 55.
Страленберг, Ф. (Strahlenberg, Ph.) 7, 14, 85, 196, 197, 205, 208, 209, 212.
Суворов, Е. К. 158, 160, 162, 164, 165, 166, 167, 177.
Суонтон (Swanton, J.) 108.
Сухотин, лейт. 199.

Танфильев, Г. И. 220.
Татаринов 56, 57, 58.
Тебеньков 105.
Титов, А. 105, 196.
Тихменев, П. 48, 52, 103, 105, 110, 124.
Тихоновичъ, Н. Н. 162.
Толль, Э. 208, 212, 213, 214, 216.
Толмачев, И. П. 205, 209, 220, 222, 226.
Толстых, Адриан 171, 186.
Трескот 231.
Третьяков, П. 205, 207, 208, 212—3, 216, 217.

Ушаков, геодезист 200.

Федченко, Б. А. 181.
Ферно (Fernow) 98, 124.
Филатов, Д. П. 169, 177.
Фишер, Иоганн Эб. 77, 81 (биогр.), 190, 191, 200, 217.
Фриз 84, 85.

Харузин, Н. 12.
Хвостов и Давыдов 74, 104, 111, 112, 115, 146, 147.
Хитров, Софрон 77, 80, 95, 100, 109, 118, 120, 130, 154, 158, 160, 162, 165, 175, 176, 228, 231, 233.
Хлебников, К. 111.

Цыбиков, Г. Ц. 27.

Чаплин, Петр 64, 67, 227.
Чекин, геодезист 204, 206, 209, 210.
Челюскин, подштурман 204, 206, 210—211, 213.
Черный, Иван 55.
Чириков, Алексей 63, 66, 67, 68, 69, 77, 81, 82, 83, 95, 135, 151, 182 187, 228—231.
Чихачев 96, 186.

Шабалин 57, 58, 59.
Шалауров, купец 225, 226.
Шаховской, Мирон 190, 200, 217.
Шевырин 186.
Шелауров 225.
Шелехов, Г. 52, 74, 100, 101, 104, 108, 110, 114, 115, 116, 117, 124, 138, 172.
Шельтинг 77, 86, 93.
Шестаков, Афанасий 45, 46, 51, 54.
Шестаков, Василий 54.
Шетилов, геодезист 82.
Шилов, Вас. 171.
Шишмарев 226.
Шмидт, П. Ю. 123, 124.
Шмидт, Фр. Б. 220, 221.
Шпанберг, Мартын 54, 64, 65, 66, 67, 68, 77, 81, 82, 83, 84—91 (плавание в Японию), 228—231.
Шренк, Л. 40.
Штерпберг, Л. Я. 12.
Штишников, Андрей 37.

Щербинин, штурман 224.

Эвальд, Б. 229, 230.
Эзельберг, штурм. 95, 152, 158.
Эллиот (Elliot, H. W.) 177.
Эллиот (Elliot, D. G.) 179.
Эммонс (Emmons, G. T.) 107, 108.

Юшин 95.

Яковлев, Петр 172, 173.

Указатель предметов.

Авам, р. 214.
авамские самоеды 214.
Аватанак, о-в 101.
Авачинская губа 95, 182, 186.
Авраамия, о-в 153.
Агатту, о-в 133, 135.
Адак, о-в 185 486.
Апон, о-в 225.
айны, см. курилы.
актинии 97.
Алазея, р. 191 (первое известие).
Аланд, о-в 39, 49.
Алексея, о-ва 212.
Алеутские о-ва 96—97, 101, 102, 116, 146, 152, 153, 169, 184—187, 209.
алеуты, самоубийства у них 73, знакомство с японцами 73, территория и численность 102, ловят рыбу костяными удами 116, на Шумагинских о-вах 130—152, происхождение названия 133, первая встреча с русскими 134 сл., жертвоприношения 135, дарят краску 135, 138, родина 137, калюмет 136—137, 150—151, красят себя краской 142, 143, наружность 139, одежда 139—140, украшения 140—143, 185, 186, железо у них 139, 144—147, лодки 148—150, шляпы 151—2, 185, каменные орудия 147, на о-ве Беринга 180, на Андреян. о-вах 185—6.
альбатрос 96.
Аляска, полуостров 143.
Аляска, территория 102—108.
Америка сев.-зап., первые сведения 23.
Амчитка, о-в 60, 101, 153.
Анабара, р. 196, 204, 205, 206, 221 (приливы), 222.
Анабарская губа 204—5, 222.
Анадырск 5, 7, 8, 15, 22, 27, 69, 122, 145, 224.
Анадырь, р. 191 (первое известие), 192, 223, 224.
Андреяновские о-ва 102, 116, 140, 144, 147, 185.
Анианский пролив 76.
атабаски 103, 104, 106.
атнайны 103.
атнахтяне 103.
Атту, о-в 133, 146, 147, 186, 187.
Атха, о-в 73, 152.
атхинцы 102, 135, 146, 151.
Аяг, Аяга 186.

байдарки алеутов 148—9, 137 (рис.).
байдары коряцкие 8.
бакланы 132, 135, 179—180 (на о-ве Беринга).
балаганы, см. свайные постройки.
бамбук курильский 51.
барабора 105, 113, 118—121.
Баранов мыс Большой 224.
бараны каменные 50, 111.
Бегичева, о-в 222.
белуха 207.
Белый, остр. 199.
береза ископаемая 220.
Березов 189, 199, 201.
Беринга, остров 69, 154—182, 187, 201.
Берингов пролив 67—69, 142, 145, 226.
Ближние о-ва 133, 153.
Блудная, р. 207.
Бобровая (Каланская), р. 14, 25.
Бобровое море 167.
Бобровый, о-в 183.
бобры морские 12, 14, 20, 25, 42, 49, 50, 51, 52, 55, 97, 100, 104, 105, 111, 117, 126, 128, 129, 130, 145, 167—169 (на о-ве Беринга).
бобры речные 110.
Боганида, р. 216.
Большой Баранов Камень 224.

Борхая, зал. 222.
брусника 17.
Булун 222.
бунт на Камчатке 66.
буса 25—26, 43, 87, 91.

вадеевцы 215.
Вайгач, о-в 194, 197.
Веркон, р. 226.
Верхнекамчатск 67.
Вирямда, р. 192.
вогулы 188, 189, 193.
водоросли Тихого океана 97, о-ва Беринга 175.
волки белые 207, 208.
ворон 126.
вулканы на Камчатке 16, на Курильских о-вах 30, 49, 50, 51, на Шумагинских о-вах 131, 185, 205.

Гамы Земля 84, 85, 86, 94, 95.
Гвоздева, о-ва, см. Диомида.
Гижига, р. 6, 192 (первое известие).
глупыш 132.
голландцы у Югорского шара 189.
голубь гренландский 132.
Голыгина, р. 14, 15, 24, 39.
горбуша 19, 20, 49.
Гыда, р. 220.

Дежнева, м. 226.
дикобраз 110.
Диомида, о-ва 69, 142, 145.
долганы 216, 217.
Долгий о-в 199.
душник, душмянка, душистое, душное дерево 98, 124, 125.

Евдокеевские о-ва 129.
евражки 128, 130, 131.
езо 42, 43, 51.
ель ситхинская 124.
Енисей 189 (первое знакомство), 195 (на чертеже П. Годунова), 202, 220, 221.
Енисейская губа 216, 221.
Енисейский зал. 194, 200, 203, 209.
ерник 219.

железы, см. калюмет.
железо у курильцев 52, у «американцев» 116, у тлинкитов 116, 117, у коняг 117, 146, у алеутов 101, 135, 139, 142—147.
желтые коренья 130.
жимолость 17.

Заря, рейд 221, 222.
Зверево 209.
землетрясения на Курильских о-вах 59, на о-ве Беринга 162, на о-ве Медном 162.
Земля Гамы 84, 85, 86, 94, 95.
Земля Компании 85, 94, 96.
Земля Николая II. 212. 215.
зубатые 142.
зыряне 190.

Иезо, о-в 42, 44, 47, 49, 52, 57, 58, 59, 60, 84, 85, 90, 91, 93.
Ильи св., гора 97, 99, 128, 184.
Ильи св., остров 98, 100, 109, 124.
Ильи св., мыс 100, 104, 122,126.
Ильи св., хлеб. 184.
индийцы 113, 136, 183; см. также атабаски, атнайцы, кенайцы, кайганы, колоши, медновцы, тинне, тлинкиты, хайда, ханега, якутаты.
Индигирка 191 (первое знакомство), 223, 225.
инуит 102.
Иоанна св., о-в 152.
ипатка 130, 132.
Итуруп, о-в 48, 51, 52, 55, 56, 57, 85.
Иулиана св., о-в 187.
Ича, р. 15, 26, 27, 53.

Кадьяк, о-в 73, 102, 103, 104, 112, 114, 117, 120, 125, 127, 128, 130, 143, 146, 147, 209.
каланы, см. бобры морские.
кайганы 183.
калюмет 131, 136, 137 (рис.) 150—1.
камбала 116.
каменные орудия у камчадалов 12, 13, в Америке 113, у тлинкитов 116, 117, у якутатов 117, у эскимосов 117, 145, у коняг 117, у алеутов 147.
каменный уголь 205, 209.
камлейка 139, 140.
камфарное дерево 50.
Камчадальский Нос 40, 41.
камчадалы, язык их 5, 9 сл., число их 10, наружность 10, жилища 11, пища 11, посуда 12, оружие 12, орудия 13, войны 13, лодки 13, шаманы 14, соболь у к. 15, нечистоплотность 27, употребление мухомора 30—31, помесь с курилами 41, 48, 51, на Курильских о-вах 52, бунт 1731 г. 66, убивают одного из двойни 70, 74, добровольная смерть 72, 74, 110, едят сырых мидий 111, огниво 112,

трут 113, родство с американцами 113, едят морского бобра 169.
Камчатка, происхождение названия 5, географ. описание 15 сл., растительность 17—18, рыба 18—20, птицы 20, бобры 20, сельское хозяйство 20—21.
Камчатка, р. 5, 6, 9, 10, 14, 16, 18, 22, 195.
Камчацкой Нос 42, 44.
канагысты 128 (см. коняги).
канягмюты 102 (см. коняги).
капуста морская 116.
Кара, р. 199.
Карагинский о-в 75.
Карское море 197, 199.
Каяк, о-в 98—101, 109—128.
Кенайский зал. 110, 126, 128.
Кенайский пол. 102, 103.
кенайцы 103, 104, 106, 111, 116.
кета 19, 49, 123.
Кетой, о-в 51.
кипарис 98, 124, 125.
Китай 23, 24, 169.
китайцы 146.
китовый ус (сплки из него у алеутов) 140.
киты 20, 21, 111, 126, 179 (о-в Беринга), 201.
климат Петропавловска 122—3, Ситхи 122—3.
климатические колебания 219—220.
Ключевская сопка 16.
Ковыма, р., см. Колыма, 191.
козлы снежные 110—111.
колибри аляскинский 128.
колоши 104, 105, 106, 108, 143, 169, 183.
Колыма 191 (первое известие), 192, 195, 223—4, 225, 226.
колюжи, см. колоши.
Колючин, о-в 226.
Колючинская губа 226.
Командорские о-ва 160, 162, 163, 164, 173, 177, 180.
коняги 73—74, 102, 111, 112, 114, 115, 116, 117, 118, 120, 128, 130, 138, 143, 146, 147.
коровы морские 155, 156, 169—176, рис. 170.
коряки 5, 8 (на Пенжине), 13, 14, 31, 58, 72, 73, 74, 113, 138, 192 (первое известие), 224; см. также олюторцы.
костяные орудия 114, 115, 116, 117.
котики, см. коты.
коткония 17.
коты морские 50, 68, 111, 129, 169, 177 (на о. Беринга), 177, 179.
крапива, ткани из нее у курил 42, 52, у коняг 115, сети из нее на Камчатке 67, 114, в Америке 114, 115.
краски у алеутов 135, 138, 142—3, 150, у коняг 138, 143.
Креста св., губа 67.
Кроноцкий мыс 182.
Крысьи о-ва 101, 153.
крючки рыболовные из дерева и кости 114, 115, 116.
куги 40.
кужиц, кужи 39, 40, 41.
Кунашир, о-в 48, 50, 52, 55, 57, 58, 90.
Курильская земля 29, 30, 40, 41.
Курильская Лопатка 41,
Курильские о-ва 23, 25, 29—60, 84, 85, 86, 90, 91, 94.
Курильское озеро 41, 49, 50.
курильский чай 181.
курилы 14, 25, 26, 29—30, 31, 32, 39—40 (название), 41—60, 73, 74, 84, 90, 169.
куропатки на о-ве Беринга 155, на о-ве Челюскина 213.
кутахчу 181.
кушиц, куши 39, 41.
куяки (панцыри) 44, 50, 57—58.
Кыска, о-в 153.
кых-курилы 51, 52.
Кэй, о-в (Kaye's I) 101.

Лаврентия св., губа 226.
Лаврентия св., о-в 67.
Ламское море 21.
Лаптева, м. 209, 219.
Лаптева Харитона берег 221.
Ледяная бухта 104, 105, 106.
Лена 190 (первое знакомство), 195 (на чертеже П. Годунова), 203, 206 (дельта), 222—3, 225.
лисицы 50, 51, 110, 118, 126, 130, 131.
лиственница в Америке 115, 124—5; 218 (на Енисее), 220 (ископаем.).
Лисьи о-ва 102, 137, 143.
Лисянского, прол. 183.
Лодки 8, 13; см. также байдарки.
лопатка, м. 40, 41, 42, 48, 49, 69.
лососевые 18—20, 113—4, 123—4.
лук и стрелы у курилов 57, у тлинкитов 116—117, у коняг 117, 118, у якутатов 117.
Льтуа, зал. 184.

макарша 130, 181.
Макушинская сопка 185.
малина 125, 128, 130.
мальма 132.

мамонт 207, 218.
Мангазейск 218.
Мангазея 189, 190, 193.
Маркиана св., о-в 153.
Мате-сале, м. 201.
Матмай, Матемай, о-в, см. Иезо.
махавки 214, 216.
медведи 110, 130.
Медная, р. 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 116, 145.
медновцы 103. 104, 105, 116.
Медный о-в 161, 162, 164, 166, 169.
медь у тлинкитов 116, у медновцев 116, 120, 145.
металлы в С. Америке 145.
мидии 111.
мичагатка 132.
молгопзеп 190, 193.
моржи 225 (рис.).
мохнатые 41, 54, 55, 56, 57, 58, 59.
Мутный зал. 197, 199.
мухомор, его употребление 30, 31.

Нагай, о-в 130.
Нансопа, о-в 219.
нанатырь 205.
нерка 113, 114, 123, 124.
нерпа 8, 20, 25, 49, 111, 130, 203.
Нижнекамчатск 67.
Нижнеколымск 191, 224.
Николая II земля 212, 215.
Никольское, с. на о-ве Беринга 163.
Новосибирские о-ва 225.
Нордвик, губа 206, 222.
Норденшельда архипелаг 221.
Нучек, о-в 100, 105, 106, 107, 123.

Обдорск 189, 199, 200, 201.
обдоры 193.
Обская губа 194, 199, 200, 203.
Обь 188 (первое знакомство), 193 (на карте Вида), 194—5 (у Массы), 195 (на чертеже П. Годунова), 197, 200.
Огневка, р. 205.
огниво 112.
Озерная, р. 14, 25, 50.
Оленек, р. 190 (первое знакомство), 195 (на чертеже П. Годунова), 204 (могила Прончищева и его жены), 205, 206, 225.
олень северный 110, 130, 167, 204, 206 (промысел их на Хатанге), 214—7 (на Таймыре).
Олютора, р. 8, 9, 22.
олюторцы 8, 9.
Онекотан, о-в 50, 51.
Опала, р. 15, 26.
остяки 189.
охота, р. 192.
Охотск 21, 65.

палтус 49, 114, 116.
Парамушир, о-в 41, 42, 48, 50, 53.
парка 139—140, 214.
Пежина, р. 8, 22, 192 (первое известие).
песцы на о-ве Беринга 165—167, на Прибыловских о-вах 165, в дельте Лены 206, на Хатанге 207, на п-ве Челюскина 213, на Пясине 216.
Петропавловск 95, 122—3 (климат), 164, 182, 187.
поляника 125, 126.
попугай морской 132.
постплиоцен морской 209, 219.
Прибылова, о-ва 165, 177, 178.
приливы и отливы в Сев. Ледов. океане 221.
Принца Уэльского, о-в 108, 183.
птицы на Камчатке 20, на Шумагинских о-вах 130, 132, в Аляске 126, 128, на о-ве Беринга 179—180.
Пур, р. 191, 200, 217.
Пустозерск 197, 198.
Пыр, р. 215, 216.
Пясида, см. Пясина.
Пясина, р. 190 (первое знакомство), 191, 195, 207, 209, 210, 214, 215, 216, 221 (приливы).
Пясинская губа 203, 221 (приливы).

рамка 132.
русские на Камчатке 72, в Анадырске 145, на Тазе 190, в устье Оленека 204 и 206, в устье Анабары 206, на Хатанге 207, на Пясине 216, в Туруханском крае 217—218.
рыбы Камчатки 18—20.
Рыркайний, м. 226.

самоеды 27, 73, 189, 195, 199, 214—5 (на Таймыре), 215—6 (на Пясине), 216, 217 (юраки, 217; см. также авамцы, вадеевцы, тавгийцы, юраки.
самоубийства у камчадалов 71, 72, 74, у чукчей 72—73, у алеутов 73—74, у курилов 73, у эскимосов 73, у коряков 73, у самоедов 73.
санки самоедские 214.
сарана 130, 181.
Сахалин 42, 49, 51, 52, 58, 93, 94.
свайные постройки у камчадалов 11, у курильцев 60.
Св. Нос, м. 223.
Северный, м. 226.

Северо-восточный, м. (бл. Енисея) 202.
Северо-восточный, м. (Челюскина) 210—211, 212.
Северо-западный, м. 209.
Сердце-Камень, м. 226.
сети из сухожилий 114, 115.
Сибирь 188 (первое знакомство).
Сибирякова, о-в 194.
сивучи 49, 50, 111, 129, 169, 176—177 (на о. Беринга), 178 (рис.).
Сиктях 206.
Симушир, о-в 51, 53, 54, 55.
Ситха 115, 116, 117, 122—3 (климат), 124 (леса), 125, 169.
сладкая трава 17, 111—112, 114, 181.
собаки камчатские 13.
Собачья, р. 191.
соболи 8, 9, 13, 14, 15, 18.
сойка Стеллера 126, 128.
Солема, р. 204.
сорока 126.
Стеллерова сойка 126, 128.
Стерлегова, м. 202, 203.
Стефана св., о-в 128, 153.
стрелки бобровые у алеутов 134, 148, 150.
стрелы 116, 117, 118.
сухожилия вместо ниток 114, 115, 116.
тавгийцы (самоеды) 214.
Таз, р. 189, 190, 194, 200, 217.
Тазовская губа 194, 200, 217.
Таймыр (Таймырское), озеро 207, 214, 215, 216.
Таймыр, о-в 209.
Таймыр, полуостров 201—222, 231.
Таймыр, р. 209, 210, 213, 214, 215, 216, 219.
Таймырский зал. 216, 221.
тальник 180, 218.
татуировка у алеутов 141, 185—6.
Тауй, р. 192.
Тигиль, р. 7, 9, 16, 21.
тинне 106.
тлинкиты 11, 104, 105, 106, 107, 108, 110, 111, 112, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 126, 137, 183, 184.
Тобольск 200, 201.
Товуй, р., см. Тауй.
топорки 132.
треска 49, 59, 114, 116.
Туманный, о-в 128.
тунгусы 192, 194, 204 (в устье Оленека), 207 (в Хатангской губе), 214—5 (на Таймыре), 215 (осамоедившиеся), 216, 217, 217 (объякутившиеся).
тундра таймырская 218—221.
тушки 132.
Туруханск 200, 201, 202, 205, 210.
тюлени 49, 50, 117, 126, 129, 215.

угалахмюты, см. угаленцы.
угаленцы 104—108, 116, 120.
удочки, см. крючки.
Уингэм (Wingham), о-в 100.
Укамок, о-в 128.
Умпак, о-в 140, 142, 143, 144, 151, 171, 184, 185.
Уналашка, о-в 141, 142, 143, 144, 146, 147, 148, 151, 152, 179, 184, 185.
уналашкинцы 102, 135, 147.
унанган 102, 133.
Унга, о-в 130, 147.
Унимак, о-в 147.
урилы 132, 135, 180 (на о-ве Беринга).
Уруп, о-в 48, 50, 51, 52, 55, 56, 57, 58, 59, 86.

Фаддея св., м. 202, 206—7, 210.
Федора, о-в 187.

хайда 183.
ханега 183.
хантайские самоеды 216.
Харамукотан, о-в 51.
Хатанга, р. 201, 202, 205, 206, 207, 209, 210, 214, 219 (морская трансгрессия), 220 (погребенные деревья), 221 (приливы и отливы), 222.
Хатангская губа 204, 205, 206, 207, 209, 210, 215, 222.
Хатангский погост 205.
Хета, р. 196, 209.
ходынцы 192.
Хоккаидо, см. Иезо.
Хондо, о-в 86—93.
Хрома, р. 196, 223.

цепина 25, 33.
Цукли, о-в 100.

чавыча 18, 19, 111, 123.
Чаунская губа 225.
Челюскина, м. 210—213, 218, 231.
Челюскина, полуостр. 213, 215, 222.
Чендон, р. 191.
черемуха 17.
Чилкат в устье р. Медной 106, 114.
Чилкат, р., впад. в Lynn Channel 11.
Чирикова, о-в 128.
чистик 132.
Чичагова, о-в 183.
Чондон, р. 192.

Чугач (Чугачский) зал. 98, 100, 102, 103, 104, 105, 110—11 (фауна), 123 (осадки), 124.
чугачи (эскимосы) 110, 101, 102, 103, 104, 106, 107, 108, 111, 120, 122.
чугачигмюты 102 (см. чугачи).
Чукотский нос 67, 68, 223, 224.
чукчи 31, 58, 67, 68, 69, 72—73, 74, 113, 141—2, 145, 191 (первая встреча с русскими).

Шалагский мыс 225.
шаламайник 181.
шаманы у коряков, 8, камчадалов 14 у тунгусов 213—214.
Шантарские о-ва 36.
Шивелуч 16.
Шикотан, о-в 48.
шикша 125, 130, 132, 181.
Шимушир, см. Шумшу.
шитик 65.
шляпы алеутские 151, 185.
Штатов, о-в 84, 85, 94.
Шумагинские о-ва 102, 126, 130—132.
Шумшу 41, 42, 48, 49.

эзо 42.
Эльма, св. огни 153.
эскимосы на о-ве св. Лаврентия 67, добровольная смерть 73, на Карагинском о-ве 75, в Аляске 102—3, 104, 106, 107 (южные и вост. пределы), 108, 111, 112 (огниво), 114 (приготовление рыбы), 115 (рыболовные орудия), 117 (каменные орудия), 120, 122; 136 (жезлы), 137 (родина), 142 (костяные украшения в носу), 145 (железо), 145 (камени. орудия), 146, см. также коняги, чугачи, угаленцы;

Югория, Югорская земля. См. югра.
Югорский шар 189, 197, 199.
югра 188, 189, 192, 193, 217.
юкагиры 191 (первая встреча с русскими), 192, 224.
юкола 111, 114.
юраки 216, 217.

Якоби, о-в 183.
Якгаг, м. 107.
Якутат, зал. 98, 100, 104, 105, 106, 107, 108, 113, 115, 117, 124.
якутаты 104, 105, 107, 108, 115, 117.
Якутск 190 (основание), 204, 206, 222, 224.
якуты 70, 71, 204 и 206 (в устье Оленека), 206 (в дельте Лены), 207 (на Хатанге).
Ямал 197, 198, 199.
Яна, р. 190—191 (первое знакомство), 223, 225.
янтарь 128, 207, 208—9.
Япония 23—38, 46, 47, 50, 51, 52, 56, 57, 60, 84—94.
японцы 23—38, 44, 48, 49, 54, 56, 58, 59, 60, 76, 87—93, 101, 146.
японцы-пленники 8, 26—28, 35, 36—38, 44, 60.

Указатель латинских названий животных и растений.

Aconitum 57.
Alca arctica 132.
Anas histrionica 96.
Angelica gmelini 181.
Anser bernicla 213.
Arctocephalus ursinus 111, 177.
Artemisia vulgaris 181.
Arundinaria kurilensis 51.
Astarte 220.
Balaenoptera sibbaldi 179.
» sulfurea 179.

Betula Ermani 18, 180, 181.
» japonica 18.
» nana 181, 219.

Callorhinus ursinus 177.
Canis lupus 208.
» occidentalis 111.
Cardamine hirsuta 181.
» pratensis 181.
Castor canadensis 110.
Chamaecyparis nootkatensis 98, 124, 125.
Cinamomum camphora 50.
Cochlearia officinalis 132, 181.
Coelopleurum Gmelini 181.
Conioselinum kamtschaticum 181.
Corvus corax 126.
Cottus scorpius 129, 132.

Cyanocitta stelleri 126, 128.
Delesseria sinuosa 97.
Delphinapterus leucas 207.
Diomedea albatrus 96.

Empetrum nigrum 125, 130, 132, 181.
Entalium 156.
Epilobium angustifolium 181.
Erethizon epixanthus 110.
Eumetopias jubata 111, 176.
» stelleri 111, 176.
Evotomys rutilus 167.

Filipendula kamtschatica 181, 182.
Fontinalis antipyretica 113.
Fratercula corniculata 132.
Fritillaria kamtschatcensis 130, 181.
Fulmarus glacialis rodgersi 132.

Gulo luscus 110.

Halicore 171.
Haplocerus montanus 110.
Heracleum dulce (= lanatum) 17, 67, 112, 113, 181, 182.
Histrionicus histrionicus 96.
Holosaccion saccatum 97.
Hydrolapathum sanguineum 97.

Lagopus lagopus 132.
» ridgwayi 155.
Larix dahurica 18.
Latax lutris 20, 25, 97, 111, 167—169.
Lepus americanus 111.
Lonicera edulis 17, 182.
Lunda cirrata 132.
Lutra canadensis 110.
Lutreola vison 110.

Macrocystis pyrifera 115—116, 129.
Manatus 171.
Mertensia maritima 181.
Mustela americana 110.
Myoxocephalus scorpius 129, 132.
Mya truncata 219.

Nucula tenuis 209.

Odonthalia dentata 97.
Oncorhynchus keta 123.
» nerka 114, 123—4,
» tschawytscha 18, 111, 123.
Oreamnos kennedyi 111.
Ovis dalli 111.
» nivicola 50.

Pecten 162.
» islandicus 219.
» jacobaeus 111.
Phalacrocorax albidus 180.
» bicristatus 132, 180.
» pelagicus 132.
» perspicillatus 179—180.
Phoca vitulina largha 111.
Phoebastria albatrus 96.
Pica hudsonia 126.
Picea ajanensis 18.
Pinus pumila 18.
Pirola minor 181.
Plectrophenax nivalis 132.
Polygonum viviparum 130, 181.
Potentilla fruticosa 181.
Prunus padus 17.

Rangifer arcticus 110.
Rhododendron chrysanthum 181.
» kamtschaticum 181.
Rhytina gigas 171.
» stelleri 171.
Rosa cinnamomea 181.
Rubus arcticus 125.
Rubus chamaemorus 181.
» spectabilis 125, 126, 128.
» stellatus 125, 181, 182.
Rumex arcticus 181.

Salvelinus alpinus malma 132.
Saxicava rugosa 219.
Sciurus hudsonicus 111.
Selasphorus rufus 128.
«Simia marina» 129.
Sorbus sambucifolia 181, 182.
Spiraea kamtschatica 181.

Tellina calcarea 219.
Tetrao lagopus 132.
Thuja plicata 116.
Trillium obovatum 17.
Tsuga 115.
» heterophylla 124—5.
» mertensiana 124.

Uria colymbus 132.
Ursus americanus 110.
» middendorffi 110.

Vaccinium 125.
» uliginosum 181.
» vitis-idaea 17, 125, 181.
Veronica americana 181.
» aphylla 181.
Vulpes beringensis 165.
» fulva 110.
» kenaiensis 110.

СОДЕРЖАНИЕ.

стр.

I. Открытие Камчатки 5
II. Первые сведения об Японии 23
III. Первые сведения о Курильских островах 31
IV. Первая экспедиция Беринга 61
1. Снаряжение экспедиции. 63
2. Плавание к Берингову проливу 67
3. Некоторые результаты 69
V. Вторая экспедиция Беринга 75
1. Снаряжение экспедиции. Участники 75
2. Плавания Шпанберга и Вальтона в Японию 84
1. Плавание Шпанберга 85
2. Плавание Вальтона 91
3. Плавание Беринга и Стеллера к берегам Америки 94
Остров Каяк 98
Население территории Аляски 102
Природа и люди острова Каяк 109
Обратное плавание к берегам Азии 128
Острова Шумагинские 130
Алеуты 132
Плавание от Шумагинских островов к о-ву Беринга 152
4. Остров Беринга 155
Высадка и кончина Беринга 155
История ознакомления 159
Описание острова — Климат. Песцы. Морские бобры. Морская корова. Сивуч. Котики. Киты. Птицы. Растительность 161
5. Плавание Чирикова 182
VI. Работы Камчатской экспедиции на севере Сибири. 188
1. Некоторые предварительные замечания 188
2. Сев. Двина—Обь 197
3. Обь—Енисей 200
4. Енисей—Лена 202
5. Лена—Енисей 203
6. Берега к востоку от Лены 222
VII. Литература об экспедициях Беринга 227
Указатель имен лиц 235
Указатель предметов 239
Указатель латинских названий животных и растений 245

248

СПИСОК РИСУНКОВ И КАРТ.

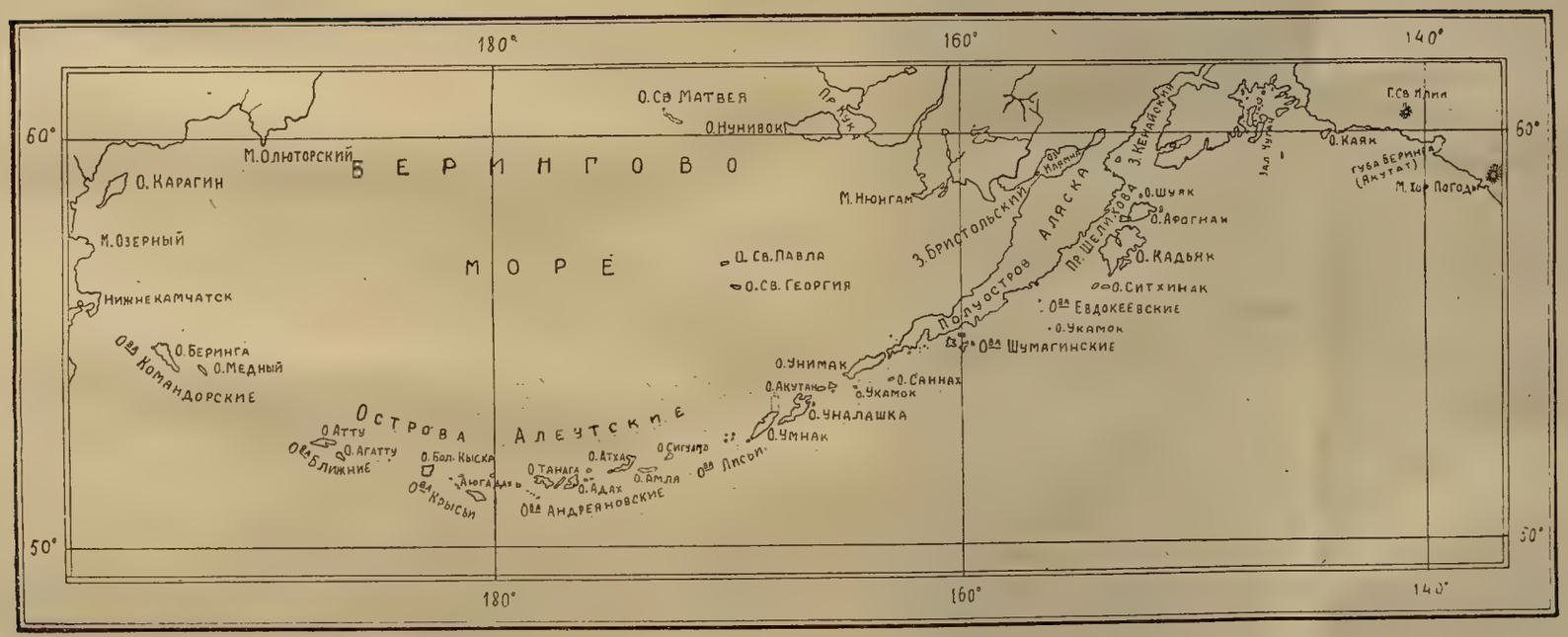
стр.

1. Чертеж Сибири Петра Годунова 1667 г., ... 19
2. Кета 19
3. Горбуша 20
4. Самец горбуши 71
5. Якутки 99
6. Гора св. Ильи 103
7. Эскимосы 119
8. Покинутая индейская деревня 121
9. То же 127
10. Остров Кадьяк 130
11. Шумагинские острова и вулканы на полуострове Аляске 137
12. Алеут с Шумагинских о-вов с жезлом в руке (копия с рисунка Вакселя, 1741 г.) 155
13. Остров Беринга; место крушения 157
14. Могила командора Беринга 161
15. Остров Беринга; вид внутри острова 170
16. Морская корова. Копия с рисунка Вакселя 1742 г. 178
17. Сивучи 179
18. Лежбище котиков на о-ве Беринга 189
19. Карта Евр. России Гесселя Геррица 1613 г. 195
20. Карта сев. побережья России И. Массы 1611 г. 203
21. Берег Енисея около Гольчихи 215
22. Земля, открытая у м. Челюскина в 1913 г. 225
23. Моржи 225
24. Карта Камчатки и Курильских о-вов.
25. Карта северных берегов Сибири.
26. Карта Алеутских о-вов и Аляски.

180
75
170
70
65
Аляска
Северный
Ледовитый
Океан
о-в Врангеля
Колючинская губа
Берингов пролив
м. Дежнева
м. Чукотский
Чаунская губа
Зал. Св. Креста
Анадырь
Нижнеколымск
Колыма
Омолон
Олюторская
Пенжина
м. Олюторский
Гижига
Пенжинская губа
п-ов Камчатка
о. Карагин
Берингово море
Нижнекамчатск
Гижиг
Тигильская губа
Ича
Охотская губа
Воровское
Петропавловск
Большерецк
Охотское море
Озерное
оз. Курильское
м. Лопатка
Шумшу
Алаид
Парамушир
Удская губа
Шантар
Онекотан
Шиашкотан
о. Сахалин
Кетой
Симушир
Амур
пр. Татарский
м. Терпения
Уруп
Японское море
пр. Лаперуза
Итуруп
Кунашир
Иезо
(Хоккайдо)
Аккеши
140
От Гринвича
150

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

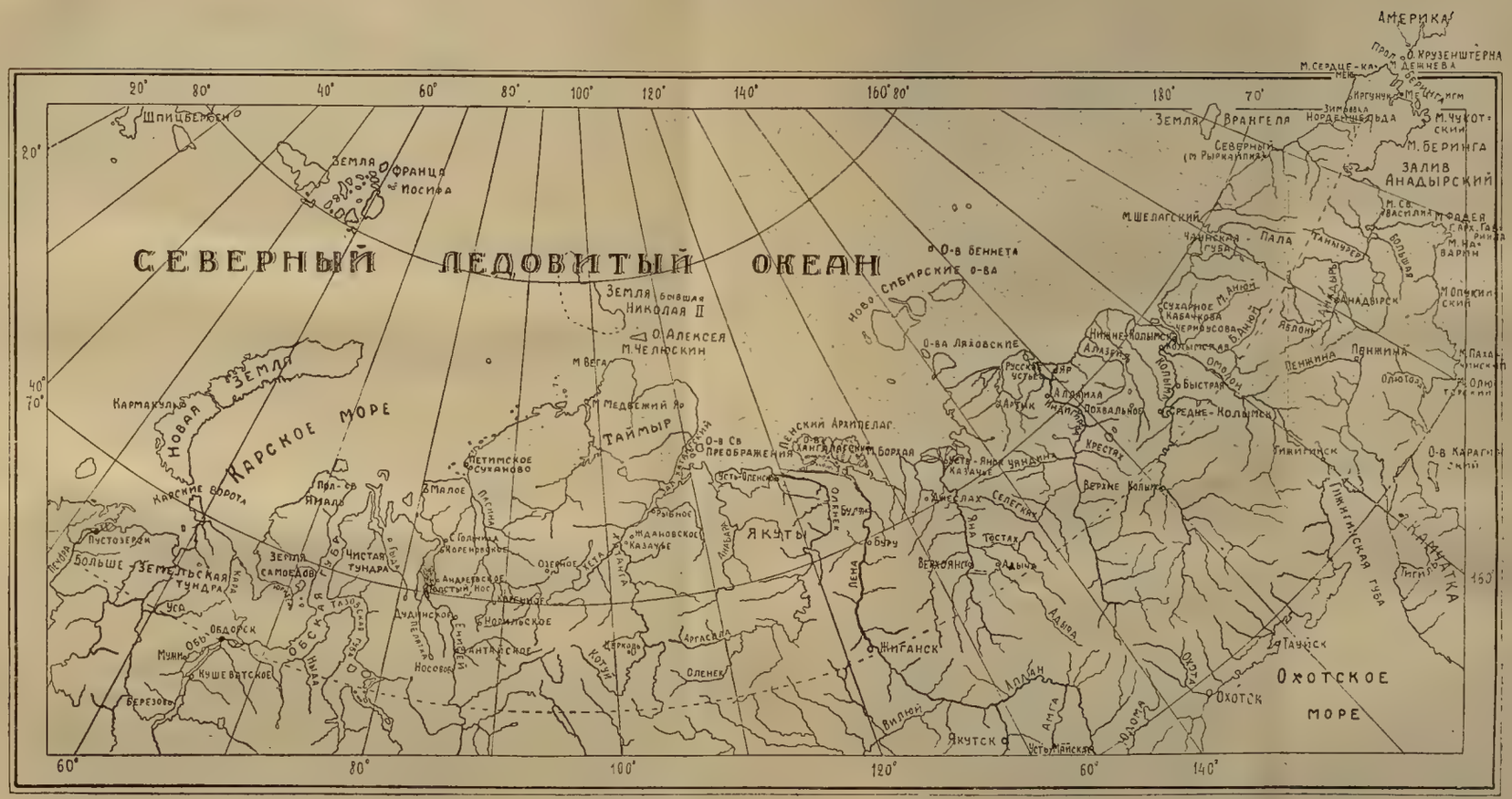
КАРТА II.



910

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

КАРТА III.


СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН
Карское море
Земля Франца Иосифа
Земля бывшая Николая II
о. Алексея
м. Челюскин
Новая Земля
Таймыр
Якуты
Земельская тундра
Чистая тундра
Земля самоедов
Больше
Обдорск
Березово
Кушеватское
Носовое
Оленек
Якутск
Жиганск
Верхоянск
Усть-Янск
Усть-Оленек
Среднеколымск
Нижнеколымск
Русское устье
Гижигинск
Охотск
Охотское море
Гижигинская губа
Камчатка
Анадырск
Залив Анадырский
Земля Врангеля
Америка
Шпицберген
Кармакулы
Карские ворота
Обь
Енисей
Лена
Колыма
Индигирка
Яна
Алдан
Амга
Вилюй
Оленек
Анюй
Пенжина
Пала
Чаунская губа
Северный (м. Рыркайпий)
м. Шелагский
м. Беринга
м. Чукотский
м. Дежнева
м. Сердце-Камень
о. Крузенштерна
пролив
о-ва Ляховские
о-ва Новосибирские
о-в Беннета
Пл-ов Нгала
Малое
Голчиха
Андреевское
Костыл Нос
Усть-Тазовское
Мужи
Куда
Тазовская
Надым
Пур
Таз
Пурпе
Ямбург
Мессояхи
Хатанга
Дудинское
Игарка
Енисейск
Красноярск
Ярцево
Подкаменная Тунгуска
Нижняя Тунгуска
Ангара
Братск
Иркутск
Усть-Кут
Киренск
Витим
Олекма
Алдан
Якутск
Вилюй
Амга
Охота
Тауйск
Гижига
Пенжина
Анадырь
Великая
Яблонь
Колымская
Омолон
Быстрая
Средне-Колымск
Нижне-Колымск
Сухарное
Кабачкова
Черновсова
Алазея
Русское устье
Ярмак

217

БИБЛИОТЕКА
Поземной Комиссии
Ак. Наук

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ПЕТРОГРАД

Третья серия—под общей редакцией проф. А. А. Крубера.

Берг, Л. С. — Открытие Камчатки, Курильских островов и Японии и камчатские экспедиции Беринга.

Лебедев, Н. К. — Завоевание земли, 1-й том (печ.).

Боднарский, М. С. — Путешествие Норденшильда (открытие северо-восточного прохода) (подг. к печ.).

Григорьев, С. Г. — Вокруг южного полюса (подг. к. печ.).

Дитмар, В. П. — История ознакомления иностранцев с Россией (подг. к печ.).

Лебедев, Н. К. — Завоевание земли, 2 и 3 т.т. (популярная история великих географических открытий и путешествий) (подг. к печ.).

Пиотровский, С. — Франклин и экспедиции на его поиски (подг. к печ.).

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

МОСКВА: Ильинка, Биржевая пл., Богоявленский пер., 4. Тел. 47-35.

ПЕТРОГРАД: Проспект 25 октября (Невский), 28. Тел. 5-49-32.

ОТДЕЛЕНИЯ:

ВОЛОГДА, Площадь Свободы; ВОРОНЕЖ, Проспект Революции, 1-й д. Совета; КАЗАНЬ, Гостинодворская, Гостинный двор; КИЕВ, Крещатик, 38; К СТРОМА, Советская, 11; КРАСНОДАР, Красная, 33; НИЖНИЙ-НОВГОРОД, Б. Покровка, 12; ОДЕССА, Ул. Лассаля, 12; ПЕНЗА, Интернациональная, 39/43; ПЯТИГОРСК, Советский пр., 48; РОСТОВ Н/ДОНУ, ул. Фридриха Энгельса, 106; САРАТОВ, ул. Республики, 42; ТАМБОВ, Коммунальная, 14; ТИФЛИС, Проспект Руставели, 16; ХАРЬКОВ, Московская, 20.

МАГАЗИНЫ:

МОСКВА: 1) Советская пл. под гост. „Дрезден". Тел. 1-28-94; 2) Моховая, 17. Тел. 1-31-50; 3) Ул. Герцена (Б. Никитская), 13 (зд. Консерватории). Тел. 2-64-95; 4) Никольская ул., 3. Тел. 49-51; 5) Серпуховская пл., 1/43. Тел. 3-79-55; 6) Кузнецкий мост, 12. Тел. 1-01-35; 7) Покровка, Лялин пер., 11. Тел. 81-94; 8) М. Харитоньевский пер., 4. Тел. 1-81-84; 9) Ильинка, Богоявленский пер., 4. Тел. 47-36.

ПЕТРОГРАД: 1) Проспект 25 октября (Невский), 28; 2) Пр. Володарского (Литейный пр.), 53; 3) Проспект 25 октября (Невский), 13.

Все новости о книгах—в бюллетенях Торгсектора, очередной номер бюллетеня Торгсектора высылается по получении 10 коп. почтовыми марками.

ИМЕЕТСЯ В ПРОДАЖЕ:

КАТАЛОГ КНИЖНЫХ СКЛАДОВ ТОРГОВОГО СЕКТОРА ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА. Ч. I. ИЗДАНИЯ ГОСИЗДАТА И ЕГО ОТДЕЛЕНИЙ. Ц. 75 К.

БАН СССР
Ф.К
II 348
инв 186 пк.